ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

МИХАИЛОМЪ КАЧЕНОВСКИМЪ.

— — — Id arbitror
Adprime in vita esse utile, ne quid nimis.

Terent.

ЯНВАРЬ и ФЕВРАЛЬ.

1828.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

Печатано по опредѣленію Университетскаго Совѣта. Разсматривалъ *Ординарный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Василій Котельницкій.* Положенное число екземпляровъ, куда слѣдуетъ, доставлено. 1828 года Января 16 дня.

Секретарь Совѣта *Орд. Пр. П. Щепкинъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
№ 1.
ЯНВАРЬ 1828.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Переводъ (*) съ Граматы, писанной въ 1654 году къ Никону Патріарху Паисіемъ, Вселенскимъ Патріархомъ, Архіепіскопомъ Константинопольскимъ.

Паисѣй, милостію Божіею Архіепископъ Констянтинопольскій, Новаго Рима и Вселенскій Патріархъ.

Преблаженнѣишіи и Святѣишіи Патріарше Высочаншія Москвы и всеа Ѕемли Россииския (**) Господи Никоне во Святомъ Дусѣ возлюбленныи и прежелаемыи брате

(*) Переводъ сей сдѣланъ въ томъ же году, въ которомъ писана самая Грамата на Греческомъ языкѣ.

(**) Здѣсь соблюдено правописаніе той рукописи, съ которой списана Грамата.

и сослужебниче нашего смиренія, молю Господа Всемогущаго Бога да здравствуетъ преблаженство твое вкупѣ душею же и тѣломъ на Святѣишемъ своемъ престолѣ покрываемыи Всемогущею рукою Божіею в состояніе и душевное спасеніе ѡт тебе исправляемыхъ и правииmъ (?) и Апостольскихъ пасомыхъ хрістоименитыхъ людей и в нашу братшую радость и в духовное веселіе. — Настоящею нашею грамотою являемъ преблаженству твоему, яко здѣ к намъ прииде по духу сынъ возлюбленныи нашъ Мануилъ Констянтиновъ и вручи намъ честныя грамоты преблаженства твоего Ѿ нихже оувѣдавше о благомъ здравіи твоемъ Ѕѣло возрадовахомся и прославихомъ Бога; еще же разумѣхомъ ї вину церковныхъ прошеніи, ихже толкованіе проситъ отъ Апостольскія Соборныя Великіа церкве воистину похвалихомъ Ѕѣло преблаженство твое, еже не престаетъ испытати и искати ѡ душе полезныхъ и спасительныхъ вещехъ церковныхъ, яко истиненъ Пастырь и вѣрный строитель Божіи, пекіися устроити и питати духовнѣ словесное свое стадо с чистою, и Божѣстною, и твердою пищею. И тако по блаженному Павлу труждается и бдитъ

о душахъ православныхъ, яко имать воздати слово к Богу о нихъ, ихже ради преблаженнѣйшіи брате с великою радостію и добрымъ сердцемъ подщихомся вскорѣ да будутъ и да толкуются предварити елико скорѣе, и грамотоноситель Мануилъ вѣрное и духовное ваше чадо предаде намъ, яко нужда есть единаго часа прежде да совершатся и паки да возвратится. Обаче бысть мало коснѣніе, зане требѣ бѣ да предложатся соборнѣ и да подпишутся отъ святаго собора; братіе же наши, священнѣйшіи Архіерее бяху во епархіяхъ (во областехъ (*)) своихъ, и послахомъ и призвахомъ здѣ сущихъ окрестныхъ, и собрахомъ соборъ священный Архиереовъ и клириковъ и предложихомъ прошеніе и узрѣхомъ я и судишася и толковашася по образу и православной мысли и преданію Восточныя Апостольскія Соборныя Великія Христовы церкве, и подписа соборъ, якоже имате видѣти священную книгу, юже исправихомъ и посылаемъ я в руцѣ преблаженства твоего, имате внушити ю с великимъ прилѣжані-

(*) Сіе слово написано на поляхъ рукописи, вѣроятно въ поясненіе Греческаго слова епархія, тогда еще мало употребительнаго.

емъ, да разумѣеше толкованіе и смыслы яже имутъ чинове таинствѣ церковныхъ, да предадите ихъ всѣмъ священнымъ лицемъ да совершатъ послѣдованіе и всякое священнодѣяніе по чину великіа церкви, да ніедино разньство имамы, яко чада истинная единыя и тояжде матере Восточныя Апостолская Соборныя Великіа Хрістовы церкве, и даниедину вину обрѣтаютъ скверная уста еретическая огласити насъ о нѣкоемъ разньствѣ, Всемогущійже Господь да укрепитъ тя пребла-женнѣйшіи брате, вкупе душею и тѣломъ, да стоиши поборникъ благочестія, да утвердиши православие, да отгониши далече враги и навѣтники чистыя и нелестныя и нескверныя вѣры, и да просвѣтиши Хрістіаны разумѣнію церковныхъ чиновъ и православныхъ таинствъ, да стоятъ тверди и недвижимы, да слышимъ и мы преспѣяніе, и растеніе, и разумъ, и твердое постояніе благочестія, да сра-дуемся и свеселимся. Но и потомъ аще нѣкая потреба будетъ о нѣкоемъ іномъ церковномъ прошеніи пишите кнамъ прилѣжно, и есмы готови совершити волю благочестіа со всякою любовию и добрымъ сердцемъ, яко должни суще подвизатися

за благочестіе и бдѣти за постояніе святыя Хрістовы церквы; еще же преблаженнѣишіи брати яви намъ здѣ Мануилъ духовное и вѣрное чадо ваше, яко приказасте ему о нѣкоемъ енколпіи церковномъ сирѣчь понагіи промыслити и принести ю вамъ; и положи великіи трудъ и прилежаніе промышляти и совершити ваше прошеніе, ибо во истинну великую любовь и благоговѣніе разумѣхъ, яко имать ко преблаженству твоему и раченіе многое работати вамъ с чистотою и страхомъ Божиимъ (да имать молитвы ваша), тако обрѣтеся единъ енколпіи изумрудный устроенъ с художествомъ нарочитымъ и зряще ѝ мы возлюбихомъ и понудихомъ его много і способихомъ да возметъ ѝ преблаженства ради твоего, яко лучши его необрѣташе, и тако послуша насъ и взя ѝ зане есть нарочитыи, и достоиныи, и приличныи преблаженству твоему и приноситъ ѝ вамъ и да возприимите ѝ з добрымъ и благимъ счастиемъ и здравіемъ и спасеніемъ. — А я же о насъ і о святѣй Хрістовѣ церкви изъяснитъ я вамъ усты духовный вашъ сынъ Мануилъ, якоже приказахомъ ему и паки грамоты честныя преблаженства твоего да не ли-

тимся вѣдати о благомъ вашемъ здравіи, яко великую радость имамы. Укрѣпися же и здраствуй преблаженнѣишіи брате на многа лѣта. Аминь. ҂ах҃нд. е҃ Декабря, Индикта 8 го. Паисѣй милостію Божіею Архіепискупъ Канстянтинополскіи Новаго Рима і Вселенскіи Патріархъ и твой во Хрістѣ братъ. —

О Варягахъ вообще и въ особенности о Варягахъ Руси.

Не находя удовлетворительныхъ показаній о началѣ Государства у нашихъ собственныхъ Лѣтописателей, мы должны обратиться къ современнымъ народамъ, имѣвшимъ или посредственныя, или непосредственныя сообщенія съ отечествомъ нашимъ. Изъ нихъ первое мѣсто занимаютъ Византійцы, какъ потому что со времени основанія Государства, а наиболѣе со введенія Хрістіанской вѣры, съ ними были у насъ почти безпрерывныя сношенія, такъ и потому что многіе изъ Византійскихъ писателей способствуютъ къ объясненію нашей Исторіи.

Меня теперь занимаетъ слѣдующій вопросъ, весьма важный: Какой иноземной народъ положилъ основаніе Государству Россійскому и гдѣ до того времени имѣлъ свое пребываніе? Первой нашъ Лѣтописатель безъ дальнихъ объясненій именуетъ Варяговъ - Русь, обитавшихъ за моремъ. Но *кто именно* были сіи Варяги - Русь и *за какимъ моремъ* они прежде обитали — должно отыскивать у иностранныхъ писателей.

Разсматривая вообще, кого разумѣютъ писатели подъ именемъ Варяговъ, мы видимъ, что не было ни особеннаго народа Варяговъ, ни страны Варягіи, но что подъ симъ именемъ всѣ Византійскіе писатели и нашъ Несторъ разумѣли военныя общества, прославившіяся подвигами храбрости и звукомъ оружія своего огласившія не только Европу, но и другія части свѣта.

Что подъ именемъ Варяговъ разумѣли не народъ постоянно живущій, а общества, и с к а в ш і я въ разныхъ мѣстахъ славы и добычи — тому найти можно и другіе примѣры въ Исто-

ріи: Франки, въ царствованіе Императора Валеріана ужасавшіе Западную Римскую Имперію, не составляли въ то время отдѣльнаго народа, а назывались такъ различныя племена, обитавшія на берегахъ нижняго Рейна и Везера, племена, кои, соединясь узами общаго братства, приняли наименованіе людей свободныхъ — Franc (*). Гвельветы нападали въ то же время на Римскую Имперію подъ именемъ Аллемановъ, означающимъ различіе ихъ поколѣній и вмѣстѣ мужество, общее всѣмъ подвижникамъ (**).

Вотъ собственныя слова Лѣтописателя (***): «И идоша за море къ Варягомъ Руси, сице бо тіи звахусь Варязи - Русь, яко се друзіи зовутся Свіе, друзіи жъ Урмяни, Ингляне, друзіи Готе.» Разумѣлъ ли Несторъ подъ Варягами-Русью сѣверныхъ Варяговъ? Сомнительно. Осмѣливаюсь дать словамъ симъ такой смыслъ: Варяги есть родъ; виды его: Варяги-Русь, то есть Русь Черноморская, и Варяги сѣверные, то есть Свеоны или Шведы (Свіе), Норвежцы (Ур-

(*) Gibbon History of the fall and decadance etc.
(**) Idem.
(***) Несторъ по Кенигсбергскому списку.

мяне), Англичане (Ингляне), Гоше, или въ нѣкоторыхъ спискахъ Гоши, Гошландцы. Подкрѣпляю сіе мнѣніе словами самаго Лѣтописателя: «Тіи бо звахусь Варязи-Русь.» Подъ словомъ *тіи*, кажется, можно разумѣть народъ и отдаленный и не столько извѣстный какъ Сѣверные Варяги, за два года предъ симъ изгнанные изъ Россіи и о коихъ Несторъ говоритъ: «яко *се* друзіи зовутся Свіе и проч.» Здѣсь слово *се* показываетъ и близость предмета и бо́льшую его извѣстность. Почитаю за нужное присовокупить еще нѣсколько замѣчаній:

1) При описаніи похода Игорева противъ Грековъ Несторъ говоритъ: «въ лѣто 6449 иде Игорь на Греки и послаша Болгари вѣстъ ко Царю, яко идутъ Русь на Царь градъ скедій (судно) 10,000.» И такъ Болгары знали Игоря и подданныхъ его подъ именемъ Руссовъ. Сдѣлавъ Географическія соображенія о мѣстопребываніи Болгаровъ въ то время и о Руси Черноморской, кажется, можно вывести, если не заключеніе, то по крайней мѣрѣ догадку довольно вѣроятную, откуда пришли основатели Государства Россійскаго.

2) О второмъ походѣ Игоря на Грековъ Несторъ говоритъ: «се слышавше Корсунцы послаша къ Роману глаголюще: се идутъ Русь безъ числа корабль, покрыли суть море корабли. Такожъ и Болгаре послаша вѣсть глаголюще: «идутъ Русь, наяли суть Печенеги.» Относясь къ Византійцамъ, они называютъ ихъ Русью, между тѣмъ какъ Скандинавы никогда не были извѣстны въ Византіи подъ именемъ Руси; напротивъ же Черноморской народъ Русь очень хорошо извѣстенъ былъ въ Византіи.

3) Несторъ, какъ бы съ очевиднымъ желаніемъ отличить Варяговъ-Русь отъ Варяговъ Сѣверныхъ, упоминая о сихъ послѣднихъ, нигдѣ не называетъ ихъ Варягами-Русью, но вездѣ просто Варягами.

4) Еще вмѣсто доказательства почитаю нужнымъ разрѣшить вопросъ, кажется, немаловажный: Почему Несторъ Руссовъ (призванныхъ, какъ нѣкоторые новѣйшіе критики полагаютъ, съ Юга) называетъ Варягами? Извѣстно изъ Византійскихъ историковъ, что Руссы находились издавна въ службѣ Византійскихъ

Императоровъ въ войскѣ и при Дворѣ. Скандинавы въ Несторово время, идучи въ Константинополь на службу и возвращаясь оттуда, проходили чрезъ Россію. Многіе даже постоянно жили въ Кіевѣ и другихъ городахъ. Несторъ безъ сомнѣнія зналъ лично многихъ изъ нихъ и слышалъ, что въ службѣ Византійскаго Императора находятся воины еще и другихъ народовъ; а изъ Византійскихъ писателей было ему извѣстно, что Руссы съ давнихъ временъ находились въ службѣ Императоровъ. И такъ очевидно, почему онъ называлъ ихъ Варягами: Лѣтописецъ разумѣлъ подъ симъ именемъ всѣхъ иноземцевъ, служащихъ Императору.

5) Изъ Лѣтописи видно, что Олегъ въ 885 году дружелюбно пропустилъ Угровъ мимо Кіева, какъ бы своихъ единоземцевъ и знакомыхъ. Урочище, гдѣ стояли шатры сихъ пришельцевъ, въ Несторово время называлось Угорскимъ. Такой снисходительности, кажется, не возможно было ожидать отъ храбрыхъ и воинственныхъ Норманновъ.

6) Несторъ говоритъ: «и послаша *за море* къ Варягомъ-Руси.» Здѣсь можно сдѣ-

лать возраженіе: почему Лѣтописатель вездѣ въ другихъ мѣстахъ, упоминая о Варягахъ Забалтійскихъ, говоритъ просто *за море* и здѣсь поступилъ также (то есть, сказалъ просто *за море*), между тѣмъ какъ народъ, къ которому отправлены послы, былъ совсѣмъ иной? Отвѣчаю: самъ Несторъ въ другомъ мѣстѣ Черное море называетъ *Рускимъ*, говоря: «иже море словетъ Руское.» — Словетъ или слыветъ — ясно показываетъ, что оно вообще извѣстно было подъ симъ именемъ; но поелику онъ говоритъ о томъ народѣ, по которому море получило свое названіе: то и не почитаетъ нужнымъ обозначать его словомъ Руское, какъ называлъ выше.

7) Самое великолѣпіе парусовъ Олеговыхъ на пути изъ Константинополя въ 912 году показываетъ какую-то восточную пышность, а не бѣдность народа Норманнскаго, желавшаго увезти на родину все захваченное грабительствомъ. А что Лѣтопись говоритъ: «и пріиде Олегъ нося злато, сребро и паволоки,» то здѣсь видно, что паволоки были взяты въ качествѣ дани, равной цѣнно-

стію благороднымъ металламъ. Императоръ Константинъ Багрянородный повѣствуетъ (*), что Василій Македонянинъ склонилъ Руссовъ на миръ великими дарами, состоявшими въ золотѣ, серебрѣ и шелковыхъ одеждахъ.

Вотъ все, что̀ можно извлечь изъ немногихъ словъ нашего Лѣтописателя въ пользу мнѣнія, что Руссы призваны были не изъ за Балтійскаго моря. Теперь должно обратиться къ иностраннымъ писателямъ, какъ главному источнику, а потомъ разсмотрѣть главныя, нынѣ господствующія, мнѣнія о семъ важномъ предметѣ у писателей, занимавшихся критикою Россійской Исторіи. Но какимъ изъ иностранныхъ писателей преимущественно извѣстны были Варяги? Византійскимъ и Западнымъ (хотя симъ послѣднимъ подъ другимъ именемъ). При Дворѣ Византійскомъ имя Варяговъ сдѣлалось извѣстно еще гораздо прежде основанія Государства Россійскаго Варягами-Русью, и было всегда знаемо тамъ до самаго паденія Во-

(*) *Χρυσοῦ καὶ αργυροῦ καὶ σηρικῶν περιβλημα-των.* Const. Porph. De vita et rebus Basilii. По указанію г. Круга.

сточной Имперіи. По свидѣтельству Іорнанда еще въ IV вѣкѣ Императоръ Константинъ Великій, заключивъ миръ съ Готѳами, принялъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ службу и даже въ тѣлохранительную стражу. Вотъ, кажется, начало того военнаго общества, о которомъ въ продолженіе вѣковъ упоминаютъ многіе изъ Византійскихъ писателей (*). Не должно при семъ упустить изъ вида весьма важное замѣчаніе: Византійскіе писатели, упоминая о Варягахъ, всегда разумѣютъ подъ ними Скандинавовъ, или, по ихъ выраженію, обитателей отдаленнаго сѣвернаго острова *Туле* (**). Въ какое же время сдѣлались извѣстны въ Византійской Имперіи Руссы, гдѣ находились ихъ жилища и кого разумѣли Греки подъ симъ име-

(*) Византійскіе писатели, упоминавшіе о Варягахъ, суть слѣдующіе: Императоръ Константинъ Багрянородный подъ 935 годомъ; Никифоръ Вріенній подъ 1071; Анна Комнина подъ 1081; Киннамъ подъ 1123; Никита Хоніатъ подъ 1180 и въ другой разъ подъ 1190; Пахимеръ подъ 1108; Кодинъ подъ 1453. *Соч.*

(**) Подъ именемъ *Туле*, какъ то доказалъ Байеръ, Византійцы разумѣли или всю вообще Скандинавію, или только одну Норвегію и Англію, а иногда и Оркадскіе острова. *Соч.*

немъ? Никифоръ Грегора, писатель XIV столѣтія, упоминаетъ о Руссахъ еще со временъ Императора Константина Великаго, при Дворѣ котораго одинъ изъ Князей Русскихъ служилъ въ качествѣ придворнаго чиновника (*). Далѣе, упоминая о нашествіи Оскольда и Дира, а потомъ Игоря, Вvзантійскіе писатели всегда называютъ ихъ Руссами, между тѣмъ какъ Скандинавы всегда были у нихъ извѣстны подъ именемъ Варяговъ. Странно и почти невозможно предположить, чтобы Вvзантійскіе историки ошибались, называя въ семъ только случаѣ Руссами тотъ самой народъ, который вездѣ въ другихъ мѣстахъ называютъ Варягами, указывая даже на островъ Туле, какъ на отечество сихъ воинственныхъ странствователей. Патріархъ Фотій, просвѣщеннѣйшій мужъ своего времени, извѣщая подчиненныхъ ему Епископовъ окружною грамотою, писанною въ концѣ 866 года, о нашествіи Оскольда и Дира, именно

(*) Карамзинъ вмѣстѣ съ другими критиками, отвергая сіе показаніе Никифора Грегоры, указываютъ на городъ *Россъ* въ Киликіи и на другой Русіонъ во Ѳракіи. Истор. Госуд. Росс. Т. I, *примѣч.* 112.

называетъ ихъ Руссами. Показаніе мужа, столь знаменитаго ученостію, не позволяетъ имѣть никакого сомнѣнія, что Оскольдъ и Диръ были вовсе не Норманны, а Руссы; ибо иначе Фотій назвалъ бы ихъ Варягами. Надлежитъ вспомнить, что со времени основанія Государства Россійскаго до сего происшествія протекло только четыре года; и такъ не возможно допустить, чтобы Византійскіе ученые не знали, Норманны ли были Оскольдъ и Диръ, или Руссы. Изъ показаній Кедрина и Зонары о семъ нашествіи видно, что они именно указываютъ на Россовъ, живущихъ при Черномъ морѣ (*). Въ другой разъ, описывая нашествіе Игоря въ 941 году, опять тѣ же и другіе писатели называютъ Игоря

(*) Вотъ что говорятъ, кромѣ Фотія, *Кедринъ и Зонара. Cedrenus:* »Quidquid est intra Euxinum Ponthum maritimarum regionum, Rossica incursionibus vexabat atque vastabat classis. . . .« Hi cum ipsam Constantinopolin in grave conjecissent periculum, paulo post Dei iram experti domum reversi sunt.» *Zonaras:* «Gens autem Scytica Rossi *Tauri montis accola* se Euxinum Pontum aggressa ipsi Bysantio agro minabatur; sed consilium ei non successit divina providentia impeditum, quae officit ut invita, vel potius iram numinis experta, rebus infectis discedere cogeretur.» *Stitt. Mem. pop.*

и подданныхъ его Россами. Другіе примѣры, въ разныя времена и у разныхъ писателей встрѣчающіеся, достаточно увѣряютъ насъ, что Византійцы подъ Россами никогда на разумѣли Скандинавовъ. Выписываю собственныя слова Кедрина и Зонары, повѣствующихъ о нашествіи Игоря въ 941 году (*). И такъ повторяю, что Византійцы никогда не называли предковъ нашихъ Норманнами, или, по ихъ выраженію, Варягами, но всегда и вездѣ Руссами. Присовокупляю еще показаніе Императора Константина Багрянороднаго, изъ котораго видно, что Славяне издавна имѣли сношеніе съ Руссами и знали ихъ какъ народъ воинственный, искусный въ мореплаваніи, а потому и могли называть ихъ Варягами по сходству съ Скандинавами, кои также были имъ извѣстны. Изъ сего показанія ясно можно видѣть, что Руссы жили южнѣе Славянъ и, какъ надобно полагать, около устья Днѣпровскаго: «Sclabinii in montibus suis (кажется, подъ сими горами должно разу-

(*) *Cedrenus:* «Decima quarta indict. mense Junio Rossica classis hostilis ad urbem appulit navibus constans X. M.» *Zonaras:* «Classis Rossica non mille, sed decies et quinquies mille navium aggressa esse dicitur.

мѣть великую плоскую возвышенность) monoxila sive lintres, hiemis tempore caedunt, ipsosque in aptam formam concinnatos postquam sudo et sereno aëre soluta glacies est in proximas paludes deducunt; postquam autem in Danaprim fluvium immiserunt, inde eodem flumine Cioba se conferunt; deinde monoxila extrahunt, atque suspendunt, Russisque vendunt; Russi vero has tantum scaphulas emunt ex veteribusque folutis remos scalmos et reliquum apparatum conficiunt, easque omnibus ad usum instruunt (*). Изъ сего мѣста ясно видѣть можно, гдѣ было жительство Руссовъ: лодки были выдѣлываемы во внутренности земель Славянскихъ, слѣдовательно на Сѣверѣ; отсюда по теченію Днѣпра привозимы были къ Кіеву (на югъ), а уже изъ Кіева были продаваемы Руссамъ (еще далѣе на Югъ).

Еще упоминаются Руссы у Кедрина и Зонары при томъ случаѣ, когда Великій Князь Ярославъ Владиміровичъ, оскорбленъ будучи убіеніемъ одного изъ Россійскихъ купцовъ въ Константинополѣ, вознамѣрился наказать Грековъ за сію обиду, нанесенную самому Государю въ лицѣ его подданныхъ. Наши Лѣтописи повѣ-

(*) Const. Porph. de adminstrando imperio.

ствуютъ о семъ происшествіи такимъ образомъ, что Великій Князь, для удовлетворенія за обиду, отправилъ въ Грецію флотъ подъ начальствомъ сына своего Владиміра и полководца Вышаты, который, будучи взятъ въ плѣнъ въ Болгаріи при городѣ Варнѣ, жестокимъ образомъ лишенъ былъ зрѣнія. Греческіе писатели, умалчивая о происшествіи съ Вышатою, какъ не относящемся къ чести ихъ, съ примѣтнымъ негодованіемъ упоминаютъ о Владимірѣ Ярославичѣ и его нападеніи (*). Мы видимъ здѣсь тѣхъ же самыхъ Руссовъ, о коихъ Константинъ Багрянородный говоритъ, какъ объ искусныхъ плавателяхъ.

Изъ Іорнанда знаемъ, что военное общество Готѳовъ, принятое въ службу Константиномъ Великимъ, еще и въ VI вѣкѣ называлось *foederati*. Въ царствованіе Ѳеодосія Великаго Готѳы съ вождемъ своимъ Аѳанарихомъ поселились, съ дозволенія сего Императора, въ Мизіи и Дакіи. Изъ свидѣтельства Прокопія видно, что они занимали и другія должности, кромѣ службы при Царѣ въ качествѣ тѣлохранителей. Извѣстно, что Готѳы жи-

---

(*) Stritt. Memor. popul. vide *Russica* § 80.

ли и въ Тавридѣ, даже при Монголахъ. Первыя же путешествія Скандинавовъ въ Константинополь относятся почти къ тому времени, когда основано Государство Россійское, то есть къ началу IX столѣтія. Они, какъ извѣстно, имѣли два пути въ Грецію (austur vigi и vestur vigi). Первый лежалъ чрезъ Россію, другой по морямъ вокругъ Европы. Кажется, можно угадать почти навѣрное, по которому изъ сихъ путей Скандинавы первоначально туда отправлялись, когда вспомнимъ, что около того же времени они воевали, или лучше сказать, опустошали прибрежныя страны почти всей южной Европы. Вообще различіе между Руссами и Варягами столь очевидно, что не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Начало Государства Россійскаго уже почти цѣлое столѣтіе занимаетъ мыслящіе умы просвѣщенныхъ изыскателей. Свѣтъ критики, коимъ ученые иностранцы озарили древнюю Исторію Россіи, способствовалъ въ послѣдствіи многимъ нашимъ соотечественникамъ съ пользою дѣйствовать на семъ многотрудномъ поприщѣ. Но стремленіе къ открытію истины въ предметѣ столь важномъ нынѣ

развлекается двумя, такъ сказать, господствующими, и между тѣмъ одно другому почти противорѣчащими, мнѣніями ученыхъ о происхожденіи и прежнемъ мѣстопребываніи народа, основавшаго Россійское Государство. Не излишнимъ почитаю въ заключеніе кратко представить оба главнѣйшія мнѣнія:

Первымъ изъ обратившихъ критическое вниманіе на древнюю Исторію нашего отечества былъ Байеръ, Профессоръ Академіи наукъ въ С. П. бургѣ. По его мнѣнію Варяги-Русь, основавшіе Государство Россійское, вышли изъ за Балтійскаго моря. Миллеръ и Тунманнъ приняли сіе мнѣніе; а знаменитый Шлецеръ силою авкторитета своего утвердилъ оное и сдѣлалъ почти господствующимъ (*); ему послѣдовалъ и нашъ знаменитый Исторіографъ. Но съ другой стороны Г. Эверсъ, достойный Профессоръ Дерптскаго Университета, еще при жизни Шлецера, противупоставилъ мнѣнію его сильныя возраженія. Извлекая доказательства свои изъ Лѣтописей, изъ писателей Византійскихъ, западныхъ, да-

(*) Авторъ Степенной книги и Ломоносовъ отечествомъ Варяговъ - Руси признаютъ Пруссію. *Соч.*

же восточныхъ, онъ открываетъ жилища Руси за моремъ Азовскимъ и оттуда выводитъ основателей Государства Русскаго и виновниковъ его имени. Его мысль, подкрѣпленная сильными доводами, была принята Маннертомъ, Фатеромъ, Гаммеромъ, Нейманомъ и другими учеными изыскателями и знатоками. Теперь каждое изъ упомянутыхъ выше мнѣній имѣетъ своихъ ревностныхъ защитниковъ и порицателей (*).

Н. Ч.

(*) Доказательства въ пользу Руси Забалтійской, кажется, уже истощены всѣ до единаго; напротивъ, Русь Черноморская имѣетъ на своей сторонѣ еще нѣсколько такихъ, которыя до сей поры, сколько упомнить могу, ни разу не были подвергнуты ни изслѣдованіямъ, ни опроверженіямъ. О сихъ доказательствахъ — въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. *Рдръ.*

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Бабушка. Повѣсть Г. Клаурена.

Долго и съ боязнію ожидаемая кончина, моей доброй бабушки наконецъ совершилась. Мѣстное начальство требовало, чтобы я, какъ ближайшій и единственный родственникъ, лично явился принять наслѣдство. Бывъ задержанъ дѣлами службы въ отдаленномъ краѣ Имперіи, не могъ я въ скоромъ времени ѣхать. Напослѣдокъ, управившись съ дѣлами, пустился въ дорогу; оставилъ столицу, скакалъ день и ночь; очутившись въ гостинницѣ Бинзенвердера, сидѣлъ за общимъ столомъ, занятый мыслями, и ждалъ свѣжихъ екстрапочтовыхъ лошадей, чтобы ѣхать далѣе.

Противъ меня сидѣвшій сухощавый, лицемъ желтоватый человѣчекъ, кушалъ съ отмѣннымъ аппетитомъ, бесѣдуя съ прочими гостями и съ хозяиномъ о новостяхъ своего города, изъ котораго выѣхалъ онъ въ тотъ же день утромъ.

Цыганообразный прибылъ, какъ продолженіе разговора показало, изъ Кларенбурга, гдѣ покойная моя бабушка провела послѣднюю половину своей жизни; влекомый потокомъ болтливости, скоро и ея самой коснулся онъ своимъ разсказомъ. Многіе изъ бывшихъ тутъ людей знали ее; сердцу моему было очень весело, когда слушалъ я безпристрастный судъ ихъ объ умершей, которую хвалили всѣ единодушно; только желтоватый человѣчекъ, званіемъ, какъ въ то же время оказалось, копеистъ ратуши, отдавая впрочемъ надлежащую справедливость характеру и поведенію покойницы, не совсѣмъ былъ доволенъ ея завѣщаніемъ, именно вотъ почему: щедро одѣливши всѣ богоугодныя заведенія, она несоблаговолила вспомнить о приказной братіи, въ сонмѣ коея, по его словамъ, особливо между нижними чинами, господствуетъ совершенная бѣдность. «На свою часть я надѣялся получить» продолжалъ копеистъ словоохотный «по крайней мѣрѣ нѣсколько каролинъ; онѣ теперь очень пригодились бы мнѣ на путевыя издержки до Карлсбада, гдѣ я долженъ возстановить свое здоровье, наглотавшись, въ продол-

женіе тридцати лѣтъ, архивной пыли; да, я имѣлъ надежду хоть что нибудь получить на свою долю, тѣмъ болѣе что пальцы мои почти окостенѣли, писавши разныя бумаги по дѣлу объ ея завѣщаніи. Не тутъ-то было! Мы получили только свою акциденцію, слѣдующую намъ по Божескимъ и человѣческимъ законамъ — и больше ни гроша!»

— Скажите-ка намъ, господинъ Сандлеръ! — съ вопросомъ симъ обратился хозяинъ къ ратушному копеисту: старая Мильборнъ въ самомъ ли дѣлѣ была такъ богата, какъ объ ней вообще говорили? Вѣдь вы работали надъ ея завѣщаніемъ; слѣдственно не кому лучше и знать сущую истину. —

«Была ли она богата?» повторилъ господинъ Сандлеръ съ видомъ изумленія отъ такого вопроса: «на десяти миляхъ кругомъ у каждаго владѣльца земли и у каждаго наемщика лежитъ денегъ ея по шести, да по осми тысячь талеровъ; въ Кларенбургѣ нѣтъ ни одного гражданина, который не былъ бы ей долженъ по закладной роспискѣ; цинковый рудникъ даетъ ей изрядной доходецъ; Герцфельде, прекрасное

имѣніе за полчаса ѣзды отъ нашего мѣста, куплено было, назадъ тому 28 лѣтъ, за безцѣнокъ, и потомъ такъ устроено, что теперь, смѣло скажу, стóитъ оно вчетверо больше, чѣмъ прежде; одни огороды ея приносятъ ежегодно круглымъ числомъ по три тысячи талеровъ; шерсть мериносовъ ея завода лучшая въ провинціи; а кому угодно полюбоваться отличнѣйшимъ, какого нигдѣ нѣтъ, состояніемъ скотоводства, тотъ пускай побываетъ въ Герцфельдѣ.

— Ну, и все это? — спросилъ хозяинъ съ живѣйшимъ участіемъ.

«Все это» подхватилъ говорливый конеистикъ «все это принадлежитъ теперь единственному внуку ея, которой служитъ Совѣтникомъ Правленія въ столицѣ.»

Я, будучи въ несносномъ замѣшательствѣ, надѣлалъ цѣлую горсть катышковъ изъ хлѣба; игралъ ими, лишь бы только не встрѣтиться ни съ чьимъ взглядомъ; чувствовалъ, что лице мое пылало, и мнѣ казалось, что всѣ за столомъ сидѣвшіе смотрѣли на меня, какъ на виновника разговора. Но взоры всѣхъ устремлены были на ратушнаго витію; мною

же, какъ лицомъ незнакомымъ, въ самомъ дѣлѣ никто и не думалъ заниматься, тѣмъ болѣе что я, по видимому, никакого участія непринималъ въ бесѣдѣ.

«Его» продолжалъ господинъ Сандлеръ съ новымъ жаромъ болтливости «его ждутъ наши дѣвушки, словно Жиды всемірной повѣсти возвратиться въ Іудею. Онъ, какъ слышно, пригожъ, молодъ и не женатъ, отваженъ и добраго сердца, веселъ и скроменъ, и теперь съ наслѣдствомъ въ карманѣ молодецъ хоть куда. Если только словомъ или дѣломъ несвязанъ въ столицѣ, то у насъ онъ постоитъ подъ вѣнцомъ, нужды нѣтъ, хочетъ или нехочетъ. Увѣряю, что его сдѣлается посредствомъ обыкновенныхъ комедій; у насъ вѣдь многое множество красныхъ дѣвушекъ, жаждущихъ услышать зовъ колокола брачнаго съ такимъ точно нетерпѣніемъ, съ какимъ олень стремится къ источнику водному, и въ числѣ ихъ есть дѣвицы, повѣрьте моему слову, есть такія красавицы, какихъ господинъ Совѣтникъ едва ли можетъ найти въ столичномъ городѣ. Теперь у насъ въ Кларенбургѣ ни о чемъ столько неговорятъ, какъ о молодомъ Совѣтникѣ Правленія; одна другую

лукаво поздравляетъ съ нареченнымъ; вотъ уже проходитъ недѣля — на сихъ дняхъ онъ долженъ явиться — какъ портные мастера и модныя торговки работаютъ неусыпно, ибо каждой недостаетъ того или другаго, чтобы показаться передъ нимъ въ полномъ, самомъ лучшемъ нарядѣ; но всего болѣе хлопочутъ и суетятся маменьки и тетеньки, чтобы эту золотую птичку изловить для милой дочери или для дорогой племянницы. Ужь я, правду сказать, потѣшился, глядя на ихъ затѣи. Тутъ говоритъ одна: «Слушай же, Анюта, ради Бога держи себя прямо, какъ пріѣдетъ господинъ Совѣтникъ Правленія: вѣдь если будешь ходить сгорбившись, то онъ тебя и незамѣтитъ.» А тамъ другая: «Луизанька! носки врозь! душа моя, врозь носки! ты все держишь ступни рядомъ одна съ другою; захочетъ ли Совѣтникъ Правленія жениться на такой уткѣ?« Еще третьяго дня супруга градскаго главы говорила своей Сусаннушкѣ: «Дочка! сто разъ я тебя учила некосить глазокъ; онъ пріѣдетъ, а ты одинъ глазъ пялить станешь на голову, а другой на чулки его! Вспомнишь мое слово, что онъ повернется къ тебѣ спиною.» — Носится слухъ, что онъ славно

говоритъ пофранцузски; отъ того въ домахъ, гдѣ хоть сколько нибудь, какъ говорится, *живутъ порядочно*, съ утра до вечера безъ умолку и съ возможною поспѣшностію упражняются въ искусствѣ толковать о всячинѣ на етомъ языкѣ чужеземномъ. Другіе провѣдали, что онъ охотникъ до музыки: по какой улицѣ ни ступайте, вездѣ услышите звуки фортепіана, вездѣ голосà со словами Нѣмецкими, Французскими, Италіянскими, и вы подумаете, что весь Кларенбургъ какою-то силою волшебства превращенъ въ музыкальную академію. Тамъ опять какъ-то узнали, что онъ страстно любитъ танцы: вдругъ значительнѣйшія фамиліи такъ обременили работою обоихъ танцмейстеровъ нашихъ, что они едва имѣютъ время съ духомъ собраться. Вальцы, котильоны, французы, каватины, гавоты, всего и перечесть неумѣю, протверживаются съ удивительною неутомимостію; красавицы прыгаютъ вышиною на локоть, и недотронувшись до земли, на воздухѣ мотаютъ обѣими ножками, точно какъ будто бы въ икрахъ у нихъ были судороги. Толстенькая Гильдегарда, дочь казначея, разъ отважишись на подобный опытъ

брякнулась объ полъ, какъ мѣшокъ съ орѣхами.»

Все общество застольное сдѣлало единодушный залпъ громкаго хохота; и я долженъ былъ участвовать въ шумной веселости, чтобы не показаться страннымъ; но на сердцѣ было у меня совсѣмъ не то: пріѣздъ мой въ Кларенбургъ начиналъ меня сильно безпокоить.

Ободренный шумнымъ благоволеніемъ своей публики, дорогой нашъ копеистъ принялся разсказывать далѣе: «Господа рѣшились не пожалѣть казны своей, лишь бы только дѣтокъ своихъ показать достопочтенному наслѣднику въ самомъ блестящемъ видѣ. Старый Тайный Совѣтникъ областной дирекціи сбирается дать концертъ, въ которомъ его Серафина пропоетъ двѣ бравуръ-аріи; уже было и пробъ съ полдюжины; только правительствующій папа каждой разъ стучитъ руками и ногами, отъ того что Серафинушка его сбивается съ голоса; ея трели кажутся ему недовольно полнозвучными, а при кадансѣ онъ, со всѣмъ жаромъ усердія къ музыкѣ, умоляющимъ взоромъ требуетъ, чтобы выдерживала духъ какъ можно долѣе.

Уже два раза приходилось ей задохнуться, два раза подвергалась она спазмамъ, и кто не сжалился бы надъ ея состоянiемъ? Но старецъ почтенный, которому хорошо извѣстны всѣ подробности касательно оставшагося наслѣдства послѣ госпожи Мильборнъ, пребываетъ непоколебимъ въ своемъ намѣренiи. — Вицедиректоръ табачной администрацiи располагается дать балъ, какихъ во вѣки вѣковъ не бывало въ Кларенбургѣ: явится осмнадцать штукъ сестрицъ и племянницъ, между которыми есть сущiе ангелы — тонкiя, какъ стволъ табачнаго растѣнiя, подобныя лилеямъ, одѣтыя въ сорочки на статъ дѣвушекъ Виргинскихъ; единородная дщерь хозяина, именемъ Нина, дѣвица, точно какъ родившаяся изъ морской пѣны, выступитъ въ костюмѣ дочери богатаго хозяина табачной плантацiи, протанцуетъ соло и съ значительною пантомимой поднесетъ вожделѣнному гостю въ перламутровой, золотомъ оправленной раковинкѣ понюхать Испанскаго табаку самой лучшей доброты: онъ долженъ будетъ чихнуть не разъ, хотя бы страдалъ жестокимъ насморкомъ. — Вдовствующая Президентша совѣта вознамѣрилась пере-

щеголять всѣхъ своимъ угощеніемъ. Старому обожателю ея, Полковнику отъ артиллеріи, поручено устроить въ собственномъ саду Президентши фейерверкъ, самый великолѣпный: въ бруснишно-синемъ бриллiантовомъ огнѣ будетъ горѣть имя вожделѣннаго гостя, а въ концѣ представленія — когда букетъ изъ десяти тысячь ракетъ и змѣекъ и колосьевъ и пушечныхъ выстрѣловъ издастъ неслыханные трески и громы, такъ что народъ станетъ ожидать преставленія свѣта — вдругъ явится, поддерживаемая невидимою махиною (остроумнымъ изобрѣтеніемъ господина Полковника отъ артиллеріи), нѣжно образованная Харита, младшая дщерь Президентши; во мракѣ ночи, окруженная пестрыми лучами какой-то волшебной радуги, она въ видѣ Психеи слетитъ на землю и представитъ будущему нареченному горящій лучами дvпломъ на безсмертіе.»

Нѣтъ, не ѣду въ Кларенбургъ, сказалъ я тихо самъ себѣ, и въ тоже время замѣтилъ, что я, отъ смущенія въ духѣ и отъ принужденнаго положенія, въ которомъ находился, кучу маленькихъ катышковъ слѣпилъ въ одну большую кар-

течь: она жгла мою руку, точно какъ будто я въ ту минуту выхватилъ ее изъ пылающаго фейерверка.

«Но вотъ что всего забавнѣе!» прибавилъ нашъ разскащикъ: «я держу десять противъ одного, что мой почтеннѣйшій Совѣтникъ Правленія изо всѣхъ красавицъ, которыхъ прочатъ за него посредствомъ пѣсень, танцовъ и фейерверковъ, не выберетъ ни одной.»

— По чему же такъ? — спросили вокругъ сидящіе; они придвинули стулья свои — придвинулъ и я вовсе безъ намѣренія, хотя писательная машина сдѣлала видъ, что знаетъ и можетъ открыть всю тайну.

«Правда,» сказалъ приказный «дѣло для меня не совсѣмъ ясно; однакожъ мнѣ удалось подслушать, что старая Мильборнъ завѣщала, какъ говорятъ, 50,000 талеровъ нашей богадѣльнѣ, съ такимъ въ особомъ актѣ изъясненнымъ условіемъ, что ежели внукъ ея выберетъ для себя ту самую невѣсту, которую назначила покойная, то онъ будетъ въ правѣ по смерть свою пользоваться процентами съ капитала; въ противномъ же случаѣ процен-

ты со дня кончины завѣщательницы должны быть обращены въ пользу нашей богадѣльни вмѣстѣ съ капиталомъ.»

— Ну, ктожъ ета дѣвушка? — спросили въ одинъ голосъ любопытные.

«Вотъ здѣсь-то и узелъ;» тихимъ голосомъ примолвилъ господинъ Сандлеръ: «имени неупомянуто въ особомъ актѣ; а отдана покойною завѣщательницею запечатанная записка Генеральшѣ Фонъ Валдмаркъ, съ юныхъ лѣтъ подругѣ своея дочери. Записка же, въ которой упомянуто имя дѣвушки, не иначе должна быть открыта, какъ послѣ обрядовъ сговора и обрученія и въ присутствіи двухъ свидѣтелей, именно исполнителя завѣщанія, нашего главнаго начальника надъ воспитательнымъ домомъ и попечителя богадѣльни. И потому навѣрное никакъ нельзя угадать назначенной невѣсты; а думать надобно, что выборъ покойной завѣщательницы палъ *на одну* изъ ея адъютантовъ.»

— Какъ адъютантовъ? — спросили многіе изъ круга, съ напряженнымъ любопытствомъ желая узнать подробности новаго открытія.

«Такъ называла покойная Мильборнъ» отвѣчалъ господинъ Сандлеръ »семерыхъ девицъ, которыя дежурили при ней понедѣльно одна за другою. Разумѣла ли она подъ тѣмъ прежнихъ Курфирстовъ, или 7 мудрецовъ, или 7 чудесъ міра, или (поелику онѣ суть созданія женскаго пола) 7 грѣховъ смертныхъ, неумѣю сказать навѣрное. Число седмеричное всегда много значило у покойной: 35^ти лѣтъ умерла дочь ея, мать Правленія Совѣтника; Іоганна, имя дочери, заключало въ себѣ 7 буквъ, равно какъ и ея собственное имя — Milborn; въ седьмой день мѣсяца, седьмаго въ году, родился единственный ея наслѣдникъ. Съ давняго времени утверждала она, что не проживетъ долѣе 84 лѣтъ, и сдержала слово; по етой причинѣ каждая дѣвушка оставалась при ней конечно не долѣе 84 мѣсяцовъ. При вступленіи въ званіе онѣ долженствовали быть ни старѣе, ни моложе 14 лѣтъ съ 7^ю недѣлями; ни одна впрочемъ срочныхъ 84 мѣсяцовъ не оставалась въ числѣ ея адьютантовъ: ибо отъ обращенія съ госпожею Мильборнъ и отъ упражненій подъ ея руководствомъ онѣ становились такъ образованными, готовыми для свѣта, что каждая изъ нихъ прежде

срочнаго времени уже находила для себя хорошаго мужа. Много было работы бѣдняжкамъ: онѣ должны были отправлять должность собесѣдницъ, читать книгу для покойной, занимать гостей, смотрѣть за хозяйствомъ, вести расходныя тетради, писать письма по диктовкѣ г-жи Мильборнъ и проч. и проч. Такой порядокъ начался со времени замужства единственной ея дочери, матери Совѣтника Правленія, и въ искателяхъ не было недостатка: всѣ на перерывъ старались отдать своихъ дочерей госпожѣ Мильборнъ; ибо домъ ея точно былъ высшимъ, такъ сказать, училищемъ для дѣвушекъ. Не смотря ни на званіе, ни на происхожденіе, она преимущественно выбирала пригоженькихъ; требовала, чтобъ имѣли предварительныя знанія во Французскомъ, Англійскомъ, Италіянскомъ, ибо на сихъ языкахъ вела ежедневную переписку; кромѣ того желала, чтобы дѣвушки были образованы приличными науками, умѣли бы пѣть, играть на какомъ нибудь инструментѣ, знали бы женскія рукодѣлья и не отставали бы отъ другихъ въ искусствѣ танцовъ. Впрочемъ, для дѣвицъ домъ ея былъ сущимъ раемъ: всег-

дашними посѣтителями его были лучшіе люди изъ нашего города, изъ окрестностей, равнымъ образомъ и всѣ чужестранцы. Заботиться о нарядѣ красавицъ было уже дѣломъ хозяйки, и если родители неимѣли собственнаго достатка, то она же готовила хорошее приданое; послѣ, если того требовали обстоятельства, дѣлала тайныя вспоможенія замужнимъ, и обыкновенно сама принимала первое дитя отъ купели. Вотъ и теперь для оставшихся непристроенными, смотря по обстоятельствамъ каждой изъ нихъ, назначены щедрыя пособія завѣщательнымъ актомъ.»

— Которую же изъ прекрасныхъ адьютантокъ, — спросилъ его шутя хозяинъ — предпочтительно вы рекомендовали бы честному господину Совѣтнику Правленія? —

«Которую?» отвѣчалъ господинъ Сандлеръ, выливая въ стаканъ достальное вино изъ бутылки: «не иную, какъ мою племянницу, четвертую дочь брата моего, городоваго поручика; ею готовъ я услужить господину Совѣтнику: наша Лотушка славная, видная собою и свѣжая

дѣвка — да вы ее знаете, хозяинъ! И покойная Мильборнъ знала ей цѣну. Какіе глаза! Какія щечки! Какъ танцуетъ! Болтаетъ пофранцузски такъ, что у меня волосъ дыбомъ становится отъ удивленія; напишетъ ли что нибудь — такъ вотъ хочется ручку поцѣловать у плутовочки; а поетъ какъ жаворонокъ.“

— У насъ во рту мокро отъ вашихъ разсказовъ — улыбаясь, примолвилъ одинъ изъ путешественниковъ, человѣкъ молодой и собою стройной: еслибъ я узналъ отъ васъ раньше объ етомъ, то проѣзжая черезъ Кларенбургъ, остановился бы немножко поосмотрѣться; право и теперь еще не мѣшало бы воротиться назадъ и поискать своего счастья въ избранныхъ адъютанткахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что блаженнѣйшій изъ смертныхъ, Совѣтникъ Правленія, выберетъ для себя вашу достохвальную племянницу; однакожъ кромѣ ея останется еще шесть, которыми также шутить не должно. —

«Вы точно угадали мысль мою!» подхватилъ неутомимый разглашатель моихъ тайнъ: «терпѣнія и вниманія! Pro primo,» продолжалъ онъ, положивъ перстъ

указательный правой руки на большой перстъ руки лѣвой «начинаю съ дѣвицы Адели фонъ Штраленталь: она истинное сокровище! Не знаю, извѣстно ли вамъ нѣкоторое милое въ женщинахъ искусство прищепетывать, искусство, которымъ онѣ даютъ словамъ своимъ прелестную выразительность; но ето сущая мѣлочь въ сравненіи съ привычкою, говоря или молча, нѣжнымъ образомъ облизывать губки. Такія дѣвицы у знатоковъ слывутъ самыми опасными; ибо сухость губъ, по словамъ ихъ, служитъ вѣрнымъ признакомъ сильнаго внутренняго чувства: потому-то женщины и дѣвицы, замѣтныя неумышленною сего рода игрою на прекрасномъ личикѣ, обыкновенно бросаютъ пронзительные взгляды любви, проникающіе до глубины сердца мущины. Къ сему genre относится и Адель: осмнадцати лѣтъ отъ роду; стройна какъ ель; принадлежитъ къ лучшей фамиліи въ городѣ; поведенія самаго честнаго и безпорочнаго; къ тому же дочь единственная владѣльца двухъ имѣній, которыя оба вмѣстѣ неуступятъ иному княжеству. — Pro secundo, Катерина Прокофьевна Чумадина, дочь Русскаго офицера. Мать ея, дочь нашего

Пастора, вышла за Маiора, которой лѣчился у насъ послѣ Аустерлицкаго сраженiя; онъ выздоровѣлъ, женился, уѣхалъ въ Россiю и мы невидали его больше. Катерина Прокофьевна принадлежитъ къ породѣ тупоносочекъ; ей не полныхъ шестьнадцать лѣтъ; мудрено найти миніатюрную красотку, ей подобную. Собственной казны при ней неимѣется; но по милости госпожи Мильборнъ, которая незабыла ее въ своемъ завѣщанiи, она выйдетъ за мужъ съ достаточнымъ приданымъ. — Pro tertio, Юлiя, самая младшая дочь моего начальника, Consulis dirigentis, сирѣчь правительствующаго бургомистра въ Кларенбургѣ. Непостижимое созданiе! Издали она могущественно плѣняетъ силою красоты своей; но смотря на нее вблизи, находите на щекахъ ямочки отъ оспы, которыя впрочемъ ни сколько ее не безобразятъ; въ поступи Юлиньки есть нѣчто величественное; осанкою она царица, и вездѣ первенствуетъ; во взорѣ ея напечатлѣно душевное благородство; по свѣдѣнiямъ своимъ она во всякое время могла бы занять профессорскую каѳедру; находятъ въ ней какую-то холодность; но кто знаетъ ее короче, тотъ въ мнимой

холодности видитъ одно лишь чувство собственнаго достоинства: ей извѣстно, что она знаетъ больше, чѣмъ другія, но нимало тѣмъ не тщеславится, а только неимѣетъ довольно искусства казаться снисходительною передъ прочими дѣвицами. Папа̀ бережетъ кубышку для Юліи, и она въ свое время получитъ изрядную сумму. — Pro quarto —»

Тутъ вошелъ въ залу кучеръ доложить своимъ сѣдокамъ, именно краснобаю и нѣкоторымъ другимъ членамъ застольнаго общества, что лошади заложены, и что если угодно будетъ господамъ заранѣе поспѣть къ ночлегу, то ненадобно терять времени. Мы встали; я же, сочинивши планъ свой въ продолженіе любопытной для меня бесѣды, нырнулъ въ боковую комнату, назначенную для меня по приѣздѣ моемъ на станцію. Господинъ Сандлеръ слѣдовалъ за мною, внявъ пригласительному съ моей стороны мановенію.

Здѣсь я открылъ ему съ глазу на глазъ, что господинъ Совѣтникъ Правленія, о которомъ онъ говорилъ за столомъ, есть старинный мой дружище; что онъ, удер-

живаемый важными дѣлами, не могши самъ пріѣхать, снабдилъ меня надлежащимъ полномочіемъ; что я отправляюсь въ Кларенбургъ сдѣлать именемъ его всѣ нужныя распоряженія по наслѣдству; что я же имѣю порученіе окончательно исполнить все, чего покойная Мильборнъ неуспѣла сдѣлать до своей смерти, и такимъ образомъ довершить начатое завѣщательницею, и что наконецъ, дабы оправдать память ея передъ господиномъ Сандлеромъ, которой объявилъ, какъ обманулся онъ въ надеждѣ своей получить по всей справедливости принадлежащій ему подарокъ, я поспѣшаю теперь же вручить ему, что слѣдуетъ. Произнося послѣднія слова, я всунулъ десять луидоровъ въ изсохшую горсть копеиста: его замѣшательство, его радостное изумленіе дошли до такой степени, что онъ остолбенѣлъ.

«Господинъ почтеннѣйшій!» наконецъ онъ воскликнулъ, получивъ употребленіе слова, будучи въ страшномъ на самаго себя неудовольствіи: «о еслибъ я могъ нечестивыя уста свои запечатлѣть большою печатью ратуши нашей! Что вы должны теперь обо мнѣ подумать! Чего я не вы-

болталъ въ ето время! Но божусь вамъ присягою, которую за тридцать лѣтъ передъ симъ, при вступленіи въ должность писца, далъ я нашему градскому обществу, божусь вамъ, что я неимѣлъ никакого дурнаго или злостнаго намѣренія; даже не помню, чтобы я произнесъ хотя одно слово непочтительное къ особѣ вѣчно блаженной госпожи Мильборнъ и господина достославнаго вѣрителя вашего, сего» — тутъ взглянулъ онъ на золотые кружки, сіявшіе въ рукѣ его сквозь чернильные пальцы — «сего ангела воплощеннаго. Вотъ какимъ человѣкъ бываетъ за трапезою! Вино, милостивѣйшій государь, вино конечно всему причиною, тѣмъ болѣе что треокаянный хозяинъ растворилъ его какою-то спиртною смѣсью; ибо я, лишь только началъ другую бутылку, вдругъ почувствовалъ, что языкъ мой, примоловшійся отъ многолѣтняго служенія въ ратушѣ, пустился во всю прыть, точно какъ ртачливая лошадь, которой къ хвосту прицѣпили горящій швермеръ. Пускай же случай етотъ будетъ для меня урокомъ! Винтомъ закрѣплю проклятой ротъ свой, такъ чтобы ничего изъ него невыходило и въ него ничего же! Рѣшено: да

будетъ онъ подобіемъ катакомбы между носомъ и подбородкомъ, да заградится и запечатлѣется навѣки! Но, Боже праведный! могъ ли я хотя отдаленнѣйшимъ образомъ догадываться, что въ числѣ гостей за нашимъ столомъ общественнымъ находится достопочтеннѣйшій господинъ повѣренный нашего любезнѣйшаго господина Совѣтника Правленія?»

Всѣми возможными ласками я старался успокоить страннымъ образомъ встревоженнаго виномъ и моимъ золотомъ; увѣрялъ, что я несказанно обязанъ случаю, доставившему возможность мнѣ и познакомиться съ нимъ и получить нѣкоторыя свѣдѣнія по дѣлу о наслѣдствѣ; наконецъ я обратился къ главному, именно къ тому, за чѣмъ позвалъ его къ себѣ въ комнату: я желалъ знать что нибудь о достальныхъ, такъ называемыхъ, адьютантахъ, особливо же допытаться, которую изъ дѣвицъ г-жа Мильборнъ, такъ сказать, прочила за своего внука.

«Хоть повѣсьте меня за ноги,» отвѣчалъ господинъ Сандлеръ, положивъ обѣ руки на сердце, въ знакъ искренняго при-

знанія «а вразсужденіи послѣдняго пункта я никакъ не могу дать вамъ рѣшительнаго отвѣта; слова же мои объ оной вышереченной невѣстѣ, яко бы находится она въ числѣ седмерицы, сказаны были мною гадательно, или прямо на вѣтеръ; самъ не знаю, отъ чего такая блажь пришла мнѣ въ голову. Въ Бозѣ усопшая никакого намѣренія неимѣла предварительно распоряжать склонностями господина Совѣтника Правленія; потому-то и распечатанію записки назначено быть послѣ обрученія, а отнюдь не прежде. Если вамъ благоугодно будетъ почтить память усопшей; то сдѣлайте милость, поправьте мою глупую ошибку и несказывайте господину Совѣтнику Правленія ни слова обо всей етой исторіи; такъ или иначе, а почившая въ Бозѣ отнюдь не желала, чтобы онъ имѣлъ какое нибудь свѣдѣніе объ ея волѣ, ибо въ противномъ случаѣ выборъ будущей госпожи Совѣтницы Правленія не можетъ быть такъ свободнымъ, какимъ онъ предначертанъ въ планѣ бабушки и какимъ долженъ совершиться. Касательно же адьютантской седмерицы, поелику каждую изъ красавицъ я знаю наизусть, могу вамъ дать до-

стовѣрное и самое подробное свѣдѣніе; здѣсь же между четырехъ глазъ говорить можно съ большею удобностію, нежели тамъ за общимъ столомъ въ залѣ. А что я предложу вамъ вино чистое, безъ малѣйшей подмѣси, что ни слова не прибавлю и не убавлю, что отъ строжайшей истины не отступлю ни на одну линію, въ томъ ручаюсь вамъ драгоцѣннѣйшимъ изъ всего, что̀ теперь у себя имѣю — моимъ упованіемъ на цѣлебную силу горячей, въ нѣдрахъ земли состряпанной, куриной похлебки Карлсбадской, которая должна укрѣпить мое туловище, прокисшее въ чернилахъ, и обновить юностію мою голову, посѣдѣвшую подъ бременемъ переписанныхъ мною документовъ.»

— Но къ дѣлу, ради Бога къ дѣлу! воскликнулъ я со смѣхомъ нетерпѣнія.

«Въ сію секунду!» подхватилъ онъ: «да, да, я назвалъ вамъ, если неошибаюсь, дѣвицу Штраленталь, — Прокофьевну, — рожденіе обербургомистра Аделаиду и племянницу мою Шарлотту Сандлеръ, городоваго поручика, единоутробнаго моего брата четвертую дщерь, въ законномъ супружествѣ рожденную; слѣдственно лежитъ

на мнѣ долгъ донести вамъ о меньшей половинѣ, сирѣчь о трехъ достальныхъ дѣвицахъ; но я могу вамъ сказать вотъ что: еслибъ я былъ господинъ Совѣтникъ Правленія — нѣтъ, извините; Шарлота моя племянница; по кровному родству мнѣ негодится — да чего тутъ больше? Вы сами увидите прекраснѣйшую изъ красавицъ, и сами конечно скажете: если мой вѣритель, господинъ Совѣтникъ Правленія, имѣетъ здоровые глаза во лбу и хорошо ими видитъ, то онъ выберетъ себѣ вотъ эту, а отнюдь не другую. — Посмотрите на меня: я старой, согбенной писака, до женщинъ вовсе неохотникъ; однакожъ питаю большое уваженіе къ племянницѣ: она имѣетъ въ себѣ такъ много чего-то благороднаго, возвышеннаго, отличнаго, что, клянусь вамъ честію, и теперь уже смотритъ какъ будто природная Совѣтница Правленія. Она же была и всегдашнею любимицею нашей покойной госпожи Мильборнъ. Незабвенная говаривала мнѣ больше ста разъ: Вѣрьте мнѣ, господинъ Сандлеръ, племянница ваша, дочь городоваго поручика, — истинное сокровище, истинной алмазъ для короны; кладъ, не дѣвка! Счастливъ тотъ, кому судьба ве-

лить быть ея мужемъ! — И брату моему такой зять былъ бы находка: вѣдь двѣнадцать живыхъ червяковъ виситъ у него на шеѣ, и они точатъ старика безугомонно — съ позволенія сказать, догрызаютъ на головѣ послѣдніе волосы; а теперь истинно черные дни настали для доходовъ поручичьихъ. Бывало городовой поручикъ беретъ деньгами на такъ называемыя малыя мундирныя вещи, на примѣръ, на пуговицы къ лѣтнимъ штиблетамъ, на пудру и помаду, на косныя ленты, на мѣлъ и желтую охру; по временамъ ему и перепадывало что-нибудь отъ того, отъ другаго; но съ епохи преобразованія народной гвардіи, когда вышереченныя потребности уничтожены, все пошло - - -»

Тутъ вбѣжавшій маркеръ объявилъ, что господа сидятъ уже въ каретѣ, что кучеръ и лошади ждать больше не имѣютъ охоты, и что если онъ не придетъ, то - -

Мой господинъ Сандлеръ, не дожидаясь до конца увѣдомленія, проворно откланялся, повторилъ прозьбы свои и извиненія въ неосторожномъ болтовствѣ за трапезою и далъ тягу; я же за свои десять блестящихъ луидоровъ купилъ по

крайней мѣрѣ твердую рѣшительность не выбирать для себя Шарлоты Сандлеръ; ибо въ противномъ случаѣ съ нею вмѣстѣ я навязалъ бы на шею себѣ еще одиннадцать человѣкъ ея сестрицъ и братцевъ, а въ добавокъ, разумѣется, и батюшку и матушку, и несноснаго дядюшку.

Такимъ образомъ одна особа, находящаяся въ числѣ объявленной седмерицы, исключена изъ списка!

(Будетъ продолженіе.)

РѢЧЬ

о вліяніи высшихъ учебныхъ заведеній на усовершенствованіе Наукъ и Искусствъ, на распространеніе просвѣщенія, сообразно съ видами и благими намѣреніями Правительства (*).

Почтеннѣйшіе слушатели!

Освящая благоговѣйною радостію настоящее торжество — день основанія Московскаго Университета — можемъ ли, во глубинѣ души, не исполниться любви и вѣчной благодарности къ мужамъ знаменитымъ — Просвѣтителямъ рода человѣческаго? Они суть — соль земли; они — благотворныя свѣтила, озаряющія путь къ истинѣ и мудрости; они великіе Герои добродѣтели! Тамъ, гдѣ строгій и правдивый гласъ потомства вѣнчаетъ безсмертіемъ дѣянія человѣческія, — во храмѣ

(*) Сочиненная и произнесенная Магистромъ, Коллежскимъ Ассессоромъ Измаиломъ Щедритскимъ 1828 года Января 12 го дня, въ память основанія Императорскаго Московскаго Университета.

Исторіи сіяютъ священныя и благословенныя имена ихъ — имена Петра, Елисаветы, Екатерины, Александра! И настоящее торжество не есть ли памятникъ ихъ благодѣяній? Кроткая Елисавета дала бытіе Московскому Университету; Екатерина Вторая украсила и распространила оный; а несравненный Александръ, Вѣнценосный Другъ человѣчества, возвысилъ, оживотворилъ, осыпалъ щедротами сіе святилище наукъ. — Питомецъ сего святилища, буду ли безмолвенъ въ день его радованія? Движимый многоразличными и сладчайшими чувствованіями, чѣмъ достойнѣе могу изразить всю полноту своихъ чувствованій, какъ не словомъ? Какое слово можетъ быть достойнѣе благоговѣйной любви моей къ Великимъ Покровителямъ Московскаго Университета, любезнѣе для васъ, Почтеннѣйшіе Слушатели, и приличнѣе меня самаго, какъ не взглядъ *на дѣйствія высшихъ учебныхъ заведеній, относительно усовершенствованія Наукъ и Искусствъ, распространенія просвѣщенія сообразно съ видами и благими намѣреніями Правительства?* Я знаю, Почтеннѣйшіе Слушатели, что мои дарованія слабы; но ваше снисхожденіе велико.

От Бога пѣснь течетъ, — да взыдетъ въ лоно Бога!

Творецъ міра — есть Творецъ свѣта: свѣтъ есть высочайшая мудрость — есть знаніе. Науки, Искусства и всѣ человѣческія свѣдѣнія, сколь они ни многочисленны и разнородны, суть только источники сего безпредѣльнаго Океана свѣта, напаяющіе землю и паки въ него вливающіеся; вѣчные іероглифы, которыми одушевленная персть желаетъ изобразить творенія непостижимаго Создателя: Природу и самаго себя; лѣствица, по которой духъ, окриляемый Откровеніемъ, стремится во святилище Духа Божія! И такъ, если всѣ училища, какимъ бы названіемъ они ни отличались, имѣютъ цѣлію существенное благо человѣчества, — по мѣрѣ способовъ и круга дѣйствій, должны открывать путь къ усовершенствованію человѣчества; то высшія учебныя заведенія, сіи верховные Ареопаги знаній, разливая полезныя правила и понятія на всѣ части гражданскаго общества, преимущественно и во всей обширности достигаютъ цѣли своей, преимущественно ведутъ человѣка къ совершенству, къ сему существенному благу, величайшему изъ благъ, предназначенныхъ Творцемъ своему творенію.

Ибо всѣмъ прочимъ училищамъ опредѣлена черта, далѣе которой идти не могутъ: они распространяютъ только свѣдѣнія до нѣкоторой степени и дѣлаютъ ихъ общественными; они ограничены извѣстнымъ числомъ предметовъ и пособій; они приготовляютъ юношество или къ другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, или образуютъ для извѣстнаго состоянія и званія; они, какъ вѣтви сѣнистаго и величественнаго древа наукъ, получаютъ и жизнь и бытіе отъ его собственнаго бытія. Высшія учебныя заведенія, вмѣстилища почти всѣхъ наукъ, свѣдѣній и самыхъ пособій, не могутъ и не должны останавливаться на одномъ только распространеніи познаній: они доводятъ ихъ до возможной степени совершенства. Какъ безпредѣльны и разнообразны дѣла рукъ предвѣчной Мудрости, воззвавшей изъ ничтожества сей міръ: такъ неизмѣримы и безчисленны пути къ изслѣдованіямъ для умовъ испытующихъ! Раскрывать завѣсу таинствъ Природы, постигать высокіе уставы ея и находить отраженіе оныхъ въ самихъ себѣ, обнимать вѣрнымъ, наблюдательнымъ окомъ минувщее — и выводить спасительные уроки для настоящаго и будущаго, — возращать, плодить и благородствовать понятія — вотъ обшир-

ное и важное поприще, на которомъ подвизаются умственные атлеты! — — Проливать чистый свѣтъ истинныхъ знаній на хижины и чертоги, въ пустыни и грады, покорять умы и сердца людей, дѣйствовать на духъ и мнѣніе общественное и устремлять оныя къ единому общему благу, — вести, укрѣплять, приблизить нравственное существо къ Существу Великому, неизъяснимому, но исполненному великой и неизъяснимой любви — вотъ цѣль и цѣль священная, къ которой направлены всѣ средства, силы и дѣйствія высшихъ учебныхъ заведеній. Такъ блистательные лучи солнца, объемля и проникая земный шаръ, тончайшія тѣла влекутъ на высоты ѳѳира; такъ моря, поглощая въ нѣдра свои обиліе водъ, чистыми парами возвращаютъ оныя землѣ, производятъ благотворные дожди и росы, падающіе на горы и мирныя долины, питающіе быліе сельное и величественные кедры Ливана!

И, въ самомъ дѣлѣ, что̀ бы значило сіе высокое усовершенствованіе человѣка, если бы оно не имѣло видимаго и тѣснаго отношенія къ подобнымъ намъ человѣкамъ? Къ чему сіи глубокія открытія таинствъ и законовъ Природы, изученіе Природы, самаго

человѣка, опыты всѣхъ вѣковъ, высочайшая степень просвѣщенія, если бы все сіе въ совокупности не открывало человѣку мѣста, которое долженъ занимать сей неземный странникъ земли, не оживотворяло бы въ душѣ его тѣхъ законовъ, которые онъ возмогъ постигнуть въ Природѣ и умѣетъ благоговѣть предъ ними? Приближимся ли мы къ Небесному Отцу нашему, если удалимся отъ чадъ Его, всегда Ему любезныхъ, нашихъ ближнихъ, нашихъ братій?

Умъ гордый, сынъ земли, однимъ только любопытствомъ увлекаемый къ познаніямъ, носяся въ вихрѣ метафизическихъ мудрованій, разсуждаетъ самъ съ собою: „Я — средоточіе всѣхъ тварей; вселенная — есть прекраснѣйшее зрѣлище, увеселяющее меня во время бытія моего на землѣ; она — есть мое обладаніе; я самъ — заключаю въ себѣ малую вселенную; свободный и независимый — все зижду я по своему произволенію!“ . . . Такъ вопіютъ буйные егоисты міра. Сіи труженики новаго столпа Вавѵлонскаго, сіи новые Фарисеи обширныя свѣдѣнія употребляютъ не для усовершенствованія, но для униженія своего: ибо не высокую мудрость возлюбили они — вертоградъ всѣхъ добродѣ-

телей; но идолопоклонствуютъ низкимъ страстямъ своимъ — ненасытной гордости и самолюбію болѣе ненасытнѣйшему. Ученіе безъ чистоты душевной — мечь въ рукѣ безумца!

Полагать преграды разлитію подобной язвы ума человѣческаго есть священный долгъ высшихъ учебныхъ заведеній. Такъ, Почтеннѣйшіе Слушатели! сіи свѣтильники, на горахъ поставленные, озаряя передъ нами безконечную и мудрую цѣпь твореній, — цѣпь благодѣтельной зависимости, порядка и гармоніи, указуютъ вмѣстѣ и наши должности, обязанности посреди того великаго семейства, которое покоитъ насъ въ нѣдрахъ своихъ; любовь и преданность къ той верховной власти, которая устрояетъ и наше благо и благо цѣлаго общества. — Теперь я описалъ бы спасительныя дѣйствія, происходящія отъ слiянiя просвѣщенія съ гражданскою и частною жизнію человѣка; изобразилъ бы тѣхъ просвѣщенныхъ друзей человѣчества, которые, — въ рубищахъ и въ изгнаніи, среди надежды и страха, радости и мученій, уязвленными стопами проходя дебри и пустыни, окруженные звѣрями лютыми и народами еще лютѣйшими, — обтекали зем-

ный шаръ отъ востока солнца до запада и всюду разливали чистѣйшій пламень мудрости и добродѣтели; воззвалъ бы изъ гробницъ со славою почившихъ мудрецовъ — и великія тѣни ихъ поставилъ бы во свидѣтели и провозвѣстники истины; оживотворилъ бы, словомъ своимъ, богоподобную добродѣтель, вѣнценоснаго Ангела, говорящаго, какъ нѣкогда среди васъ, почтеннѣйшіе Члены Университета, сіи безсмертныя слова: *Истинное просвѣщеніе основано на Евангеліи и Религіи*; — но мое слово не имѣло бы предѣловъ: мой духъ, пораженный важною обширностію предметовъ, палъ бы предъ величіемъ оныхъ; я не могъ бы представить другаго, не менѣе важнѣйшаго, не менѣе прекраснѣйшаго зрѣлища, плѣнившаго восхищенные мои взоры.

Мнѣ кажется, я вступилъ во святилище Мудрости, въ сіе величественное зданіе, современное самому міру. Сонмы избранныхъ, жаждущихъ просвѣщенія, наполняя огромную храмину, украшенную столпами ослѣпляющей бѣлизны, въ благоговѣйномъ безмолвіи ожидаютъ пришествія божества — руководительницы смертныхъ. Одна прозрачная завѣса отдѣляетъ ихъ отъ таинствъ неба и земли. . .

Мгновеніе — и завѣса исчезла; мгновеніе — и та, которая благолѣпнѣе солнца, предъ которой сокровища міра — песокъ малый, изъ устъ которой исходитъ истина, со знаменіемъ креста въ десницѣ и съ пылающимъ сердцемъ, висящимъ на персяхъ, — предстала изумленнымъ очамъ любимцевъ своихъ. Они поверглися бы во прахъ предъ величествомъ Мудрости, если бы кротость и милость не сіяли во взорахъ ея; они не уразумѣли бы словесъ ея, если бы, всеобъемлющая, не гремѣла и устами Пророка и лепетаніемъ младенца. . . .

„Привѣтствую васъ, чада свѣта, чада вѣчной жизни!" вѣщало божество всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ! Вы течете во святая святыхъ! Но прежде нежели постигнете все, возможное вамъ постигнуть, изучите книгу Откровенія, утвердитеся *въ Вѣрѣ*. Чисты и непреложны истины Евангелія; но сердца человѣческія, сіи кипящія пучины, невсегда доступны къ принятію свѣтлаго образа истинъ. И для того надобно безпрестанно испытывать самихъ себя, мужественно ратовать на семъ трудномъ поприщѣ: ибо одна только побѣда возлагаетъ вѣнецъ славы. Не помыслитъ ли кто, чтобы одинъ

разумъ, хотя бы стяжавшій всѣ знанія человѣческія, одинъ только разумъ приблизилъ къ высочайшему Творцу вселенныя? Онъ можетъ возбудить удивленіе къ нему, — но не откроетъ безпредѣльной благости Отчей, воплотившейся въ единородномъ Сынѣ Его и не воспламенитъ въ сердцахъ живѣйшей привязанности къ нему. И, можетъ быть, сей разумъ, отблескъ предвѣчнаго Солнца, не имѣя орудій, дерзнетъ взирать на сіе невечернее Солнце и находить въ Немъ темныя пятна. Тогда-то Вѣра, лучь Откровенія, покажетъ человѣку мѣсто, съ котораго простря взоры къ Океану свѣта, онъ сознается, что мнимыя пятна существовали въ искаженномъ его окѣ."

„Но хотя бы всесильная Вѣра смертнаго могла повелѣвать самою Природою, могла двигать моря и горы; хотя бы онъ говорилъ языками и человѣческими и ангельскими, но не питалъ въ сердцѣ чистѣйшей *любви:* онъ уподобился бы только мѣди звѣнящей или брящающему кимвалу — онъ былъ бы еще ничто! Ибо вѣра познается отъ дѣлъ. Послѣ неизъяснимой любви нашей къ Виновнику всѣхъ тварей, къ кому естественнѣе обратить сію благословенную, животворную и святую добродѣтель,

какъ не къ ближнимъ? Кто же ближайшіе человѣку? Родители. Что̀ его родители? Члены общества. Что̀ его общество? Великое семейство, охраняемое промыслительнымъ Отцемъ. . . Здѣсь средоточіе любви его! Государь и Отечество — вотъ олтари его сердца! Дикій и свирѣпый Кафръ неравнодушенъ къ странѣ бытія своего — и сынъ ли Мудрости охладѣетъ къ ней въ своихъ чувствованіяхъ? Грубый и необузданный Индіянинъ покаряется уставамъ старѣйшинъ — и сынъ ли Свѣта будетъ преслушенъ законамъ верховной власти? Пусть взглянетъ на самаго себя: кто управляетъ его чувствами, движеніями тѣла, его волею? Разумъ. Пусть взглянетъ на вселенную: кто движетъ колеса ея? Предвѣчный Разумъ! Да принесетъ же человѣкъ дары Мудрости въ жертву Государю и Отечеству. Какъ судія защищаетъ невинныхъ и наказуетъ преступныхъ; какъ воинъ — ограждаетъ Престолъ и страну отцевъ своихъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ смятеній; какъ наставникъ народа — озаряетъ умы истинными знаніями, возращаетъ сыновъ любезныхъ Богу и полезныхъ ближнимъ. О сладостное чувствованіе любви къ Отечеству! Тамъ, на скрижаляхъ бытописанія вы увидите чудесные подвиги сей великой добродѣте-

ли въ древнія и новѣйшія времена, тамъ увидите вы Мининыхъ, Пожарскихъ, Гермогеновъ, Шуваловыхъ, Демидовыхъ — и сердца ваши исполнятся священнаго благоговѣнія!«

»Преданные Отечеству, — отринете ли и сію любовь нѣжнѣйшую, *любовь къ человѣчеству*? Ахъ, слабое потомство Адамово живетъ одною любовію! Когда и гдѣ не была въ уваженіи сія гостепріимная любовь? — Явитесь времена Праотцевъ, раскройтесь сѣни Патріарховъ: тамъ колыбель сей любви, возросшей для человѣчества. Пустынный Арабъ не отвергаетъ иноплеменника, пригекшаго подъ шатеръ его. . . Но что я говорю? И самъ предвѣчный Отецъ человѣковъ, въ образѣ странника, не услаждался ли гостепріимною любовію въ сѣни дуба Мамврійскаго? Не Его ли священныя стопы ветхій Авраамъ омывалъ теплою водою? Не Ему ли престарѣлая Сарра готовила брашна для трапезы? — Велики и неисчислимы дѣйствія любви къ человѣчеству! Она заставляетъ воина щадить безсильныхъ враговъ своихъ; она побуждаетъ переплывать моря, проходить земли; она причиною открытій, изобрѣтеній, усовершенствованія познаній; она — гонимая, поруганная, пригвожденная ко кре-

сту человѣчествомъ, — умираетъ за человѣчество.«

Такъ вѣщала Мудрость — и повела своихъ избранныхъ во святилище таинствъ Природы и. человѣка: такимъ, или подобнымъ образомъ, высшія учебныя заведенія — органы Мудрости — распространяя, совершенствуя Науки и Искусства, поселяютъ не только въ питомцахъ своихъ, но и въ цѣломъ обществѣ страхъ Божій, преданность и покорность къ Государю, любовь къ отечеству и любовь къ роду человѣческому.

Къ тебѣ обращаю и взоры и сердце и мое слово, маститый Несторъ Музъ Россійскихъ — (*), и въ славный день твоего рожденія привѣтствую тебя! Обитель наукъ, искушенная опытами и бурями житейскими, ты красуешься во всей лѣпотѣ своей, подобно кедру, далеко простирающему густыя свои вѣтви! Что же принесу въ даръ тебѣ? Что реку? Что сотворю? Прославлять ли мнѣ служеніе твое Царю и Отечеству? — Я сынъ твой. Благодарить ли мнѣ за благодѣянія твои, на меня изліянныя? Мой языкъ не въ силахъ изразить оныхъ. Не мнѣ хва-

(*) Московскій Университетъ.

лишь тебя: пусть самъ Благословенный, о Которомъ ты проливала слезы и Котораго непрестанутъ оплакивать Россія и человѣчество, пусть самъ Вѣнценосный Геній твой начнетъ похвалу тебѣ: „*Московскій Университетъ оказалъ великое участіе въ образованіи людей, способныхъ для Государственной службы, въ распространеніи знаній и наипаче въ усовершенствованіи отечественнаго языка* (*).“ Какъ трогательна для насъ сія признательность нашего Благотворителя: она, составляя славу Университета, увѣковѣчиваетъ славу Александра: ибо свѣтъ знаній, подобно солнцу, ни чѣмъ не затемняется! . . . . Пойдемъ, пойдемъ, многолѣтній Несторъ, въ твою священную храмину — и съ благородною увѣренностію покажемъ лики знаменитыхъ мужей твоихъ. Какой блистательный рядъ представляется взорамъ! Здѣсь *Шуваловъ* и *Ломоносовъ* — твои основатели и покровители; здѣсь *Мелиссино* — твоя опора; *Херасковъ* — другъ твой; *Муравьевъ* — участникъ въ твоемъ преобразованіи; *Разумовскій*, *Голенищевъ-Кутузовъ* и *Оболенскій* — твои споспѣшествова-

(*) Подлинныя слова изъ Высочайше дарованной Грамматы Университету.

тели; здѣсь и настоящій наперсникъ Музъ, достопочтеннѣйшій Начальникъ нашъ, подражающій славнымъ своимъ предшественникамъ. Взгляни на сановитый рядъ твоихъ сподвижниковъ, питомцевъ: любовь къ наукамъ воспитала ихъ и трудъ осребрилъ главы ихъ! Таковъ краснорѣчивый *Поповскій;* таковъ строгій — *Десницкій*, гремѣвшій отечественнымъ словомъ — *Барсовъ*, глубокомысленный *Зыбелинъ*, высокій сердцемъ — *Чеботаревъ*, благопривѣтливый и важный — *Страховъ*, любимецъ Гиппократа — *Политковскій*, обширный знаніями и сладкорѣчивый — *Сохацкій*; стоикъ — *Панкевичъ*, философъ и словомъ и дѣломъ *Рейнгардъ*, остроумный *Буле*, любознательный *Тимковскій*, дѣятельный *Геймъ*, многосвѣдущій *Рихтеръ* и другіе достойнѣйшіе твои Члены. Окруженный сонмомъ знаменитыхъ людей, возвеселися сердцемъ въ день торжества твоего и помяни заслуги свои Царю и Отечеству: здѣсь палладіумъ и сила чести твоей! — И посреди васъ, Почтеннѣйшіе Члены Университета, я вижу мужей, которыхъ труды и познанія не заключатся въ тѣсныхъ предѣлахъ сей жизни. Душа безсмертная, какъ лебедь, воспаряя отъ земли къ небесамъ, привлекаетъ вниманіе современниковъ и потомства. Но ваша

скромность и мое къ вамъ уваженіе кладутъ печать безмолвія на уста мои.

Цвѣти, маститая обитель наукъ, осѣняемая могущественнымъ скипетромъ Благопромыслительнаго НИКОЛАЯ! Мужественная любовь предводительствуетъ побѣдоноснымъ войскомъ ЕГО въ предѣлахъ Азіи; любовь отверзаетъ Ему грады; любовь покаряетъ сердца враговъ: сей же духъ любви устроитъ и твое незыблемое благоденствіе. Славный Потомокъ Великаго Петра, достойный Внукъ Мудрой Екатерины и Сердобольный Братъ Благословеннаго Александра откроетъ тебѣ новые пути къ достиженію высокой цѣли твоей! Да сохраняетъ Его Небесный Царь Царей подъ благодатною Своею десницею!

Питомцы Московскаго Университета; юные друзья мои! вы — та желанная нива, на которой должно созрѣть сѣмя добра и истины! Не одно только богатое стяжаніе познаній — хаосъ свѣдѣній — составляетъ важность образованія, но соединеніе оныхъ съ Религіею и Нравственностію: первое сдѣлаетъ васъ только учеными, а послѣднее — просвѣщенными. Человѣческое сердце есть источникъ добра и зла: туда-то непрестан-

но обращайте умственныя очи свои и покаряйте безобразную гидру страстей. Всеобщая слабость людей возвышаться предъ другими; но сія слабость становится спасительною по словамъ Человѣковѣдца: *Болій въ васъ, да будетъ вамъ слуга.* Чѣмъ отличнѣе другихъ, тѣмъ обширнѣе, тѣмъ благодѣтельнѣе должны быть заботы, попеченія, труды ваши. Одинъ только червь пресмыкается во прахѣ: душа благородная, душа просвѣщенная превосходнѣе сего праха. Стать выше предразсудковъ и заблужденій вѣка, стать выше обыкновеннаго человѣчества въ мысляхъ, чувствованіяхъ и поступкахъ — и быть кроткимъ руководителемъ другихъ къ усовершенствованію: вотъ характеръ мужа просвѣщеннаго! — Надъ вами Богъ, предъ вами — Государь и Отечество, съ вами — наставники, за вами — слава! Мужайтеся и успѣвайте!

А Ты, Живоначальный Источникъ мудрости! Отъ Тебя я началъ мое слово, — да взыдетъ оно въ лоно Твое, Отче Святый!

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

О городѣ Тифлисѣ.

(Изъ Путешествія г-на Гамбы, Французскаго Консула въ упомянутомъ городѣ, 1826 года.)

Тифлисъ раздѣляется рѣкою Куромъ, или Курою, на двѣ части. На правой сторонѣ лежитъ старой городъ, сѣрныя теплицы и городъ новой; на лѣвой — предмѣстія Ивлабари, Исни и еще деревня, обитаемая Нѣмцами. Какъ старой мостъ черезъ рѣку уже клонился къ разрушенію, то за три года передъ симъ построенъ новый изъ дерева, объ одной аркѣ. Въ 1820 году я самъ видѣлъ, какъ всѣ почти улицы въ старомъ городѣ загромождены были развалинами — слѣдствіе Персидскаго нашествія; съ трудомъ отворялись низкія двери домовъ, почти ровныхъ съ землею; плоскія крыши на нѣкоторыхъ едва служили признаками узкихъ и кривыхъ улицъ. Но трехъ лѣтъ было

достаточно къ тому, чтобы городу Азіятскому дать всю благовидную наружность Европейской образованности. Улицы вытянуты довольно широкія и прямыя, а жители къ назначенному сроку обязаны были выстроить домы, вышиною отъ 12 до 14 футовъ, изъ жженаго камня. Для приготовленія сего матеріала отведено было пространное мѣсто. Работою занимались солдаты; другіе валили дубовыя деревья. Строевой лѣсъ сплавливали по Курѣ къ Тифлису, и зданія въ новомъ городѣ построены со скоростію, едва вообразимою. Мало помалу засыпаны были рвы въ старомъ городѣ, которой въ продолженіе немногихъ лѣтъ соединенъ съ новымъ; тутъ пространство мѣста дозволяло уже выводить улицы шириною въ 60 футовъ. Прекрасныя площади, казармы, больницы, зданія для присудственныхъ мѣстъ, частію изъ жженаго камня, частію изъ кирпича высушеннаго на солнцѣ, стараніемъ Генерала Ермолова были окончательно построены, и ничто неможетъ сравниться съ тою дѣятельностію, съ которою онъ украсилъ, или даже совсѣмъ перестроилъ главный городъ Грузіи. Распространеніе Тифлиса есть первый предметъ его удоволь-

ствій; Генералы, Князья тамошняго края и богатые Армяне другъ другу соревнуютъ въ сооруженіи красивыхъ зданій. Особенно отличается въ новомъ городѣ со вкусомъ построенный домъ Князя М — а. Но изо всѣхъ соорудителей новыхъ зданій самую большую похвалу заслуживаетъ Нарсесъ, Армянскій Архіепіскопъ въ Тифлисѣ. Сей великодушный Архипастырь построилъ въ новомъ городѣ до невѣроятности огромный караванъ-сарай, или домъ пристанища для путешественниковъ — заведеніе, предзнаменующее обширную, дѣятельную и цвѣтущую торговлю города. Онъ же учредилъ училище и помѣстилъ въ немъ учителей главнѣйшихъ языковъ Европейскихъ и Азіятскихъ, на тотъ конецъ чтобы одноземцамъ своимъ преподать наставленія, которыхъ имъ донынѣ вовсе недоставало. Въ 1822 и 1823 годахъ 400 Армянскихъ фамилій, и въ числѣ ихъ семеро священниковъ, перешло изъ Турецкихъ владѣній; онѣ поселились въ разныхъ деревняхъ Сумхетіи.

Такимъ образомъ гражданственность Европейская мало помалу распространяется въ Азіи. Между прочимъ содѣй-

ствуетъ тому и достопочтенный Нарсесъ, принадлежащій къ Армянской націи, прежде многолюдной и уважаемой, нынѣ порабощенной, разсѣянной, униженной. Не только въ качествѣ Архіепіскопа, но и какъ глава народа, онъ призналъ за благо мірское ученіе соединить съ духовнымъ, и симъ средствомъ старается онъ Армянъ содѣлать достойными подданными Россійской Имперіи. — Число жителей въ Тифлисѣ часъ отъ часу возрастаетъ; ибо тамъ ищутъ убѣжища Армяне отъ притѣснителей Персидскихъ и Турецкихъ. Въ Азіятской Турціи господствуютъ всеобщее безначаліе, насильства и безпорядки. Паши и вооруженная часть народа ни мало не помышляютъ о возстановленіи тишины и благоустройства. Въ Персіи даже самой сборъ доходовъ имѣетъ тѣсную связь съ притѣсненіемъ и насильствами: въ каждомъ Ханствѣ подати предоставлены губернатору, съ такимъ лишь условіемъ, чтобы онъ вносилъ въ казну Шаха опредѣленную сумму денегъ, и ему же Хану, какъ откупщику доходовъ государственныхъ, предоставлено право по собственному благоусмотрѣнію возвышать налоги, равно какъ и употреблять всѣ средства,

какія только алчное корыстолюбіе изобрѣсти можетъ, вымучивать деньги у несчастныхъ Персовъ. Каждой находится въ необходимости притворяться неимущимъ, боясь обременительнаго налога. По слѣдствію сей боязни, каждой Персъ, каждой Армянинъ остерегается предпринимать какую-либо обширную операцію по торговлѣ, дабы тѣмъ не привлечь на себя вниманія и не дать причины догадываться о великомъ своемъ богатствѣ. Отъ того происходитъ, что Персы, въ продолженіе двухъ послѣднихъ столѣтій, единственно стараются тайкомъ собирать деньги, а ремесла, земледѣліе и торговля остаются въ совершенномъ упадкѣ. Всѣ имѣющіе возможность пустить въ оборотъ свои капиталы обыкновенно переселяются въ Русскія провинціи. Одинъ Армянинъ, пріѣхавшій въ Тифлисъ 1820 года, завелъ тамъ большой караванъ-сарай, гораздо обширнѣйшій обоихъ, прежде находившихся въ старомъ городѣ. Безпрерывное движеніе верблюдовъ и лошадей, приходящихъ въ сіи гостинницы и отправляющихся въ дорогу, живость купцовъ Персидскихъ, которые далеко не походятъ на важно-неповоротливыхъ Армянъ и Тур-

ковъ, привозъ множества товаровъ изъ странъ отдаленныхъ, — все ето придаетъ подобнымъ гостинницамъ необычайной видъ, и дѣятельность отмѣнно любопытную, тѣмъ болѣе что останавливающіеся здѣсь купцы изъ разныхъ странъ, говорящіе на разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, живутъ какъ бы въ одномъ обществѣ. За квартиру и за складочное мѣсто для товаровъ ничего не платится; но хозяинъ получаетъ одинъ процентъ за коммиссію отъ товаровъ какъ проданныхъ, такъ и купленныхъ.

Число жителей Тифлиса увеличилось особенно въ послѣдніе годы. Въ 1820 году ихъ было почти 20,000 человѣкъ; но въ 1825 году число сіе возрасло до 33,000 и есть причины надѣяться, что народонаселеніе будетъ возрастать постоянно; ибо множество Христіанъ переселяется туда изъ Персіи и Турціи. Предполагать слѣдуетъ, что въ городѣ столь многолюдномъ, гдѣ жители принадлежатъ къ исповѣданіямъ столь различнымъ, при мудрой терпимости Правительства, должно быть большое разнообразіе и въ зданіяхъ, предназначенныхъ для богослуженія: оно

и есть дѣйствительно. Мусульмане обѣихъ сектъ, Шіиты и Сунниты, имѣютъ свои мечети; Хрістіане Греческаго и Армянскаго исповѣданій молятся въ своихъ церквахъ, которыхъ тамъ очень много; Римскіе католики имѣютъ также свою церковь.

Тифлисъ въ послѣдніе годы служилъ мѣстомъ отдыха для Англичанъ, ѣдущихъ изъ Индіи въ Европу. Сѣвши на корабль въ Бомбаѣ, они входятъ въ Персидскій заливъ, потомъ сухимъ путемъ ѣдутъ черезъ Персію въ Тифлисъ, а отсюда уже отправляются далѣе въ Европу. Кромѣ того, городъ предназначенъ сдѣлаться средоточнымъ мѣстомъ между Европою и Азіею. Когда, въ послѣдствіи времени, еще болѣе распространится Азіятская торговля, то Бухарцы и Индусы будутъ встрѣчаться на рынкѣ въ Тифлисѣ. Уже заложены большія проѣзжія дороги, строятся мосты и приняты всѣ нужныя мѣры къ облегченію для торговыхъ людей средствъ путешествовать и перевозить свои товары. — Постоянное увеличеніе дѣятельности купеческой донынѣ было уже причиною того утѣшительнаго явле-

нія, что въ жителяхъ возбуждена охота строиться, что она возрастаетъ очевидно и что положено хорошее начало сельской промышленности. Такимъ образомъ Князь Бебутовъ, построивъ великолѣпный загородный домъ, завелъ при немъ садъ съ террасами на южной возвышенности, господствующей надъ Тифлисомъ. Въ тѣхъ же окрестностяхъ при домѣ Генералъ-Губернатора заведенъ открытый садъ, обширный, богатый растѣніями и хорошо расположенный. Нѣсколько повыше стоитъ дворъ съ католическою церковью, удобный для гулянья, красующійся лозами Шираза, которыя присланы сюда отъ одного Англійскаго офицера, находящагося при Аббассѣ-Мирзѣ въ службѣ. Вотъ другія доказательства промышленности: въ Тифлисѣ можно найти теперь удобства, о которыхъ за 20 лѣтъ передъ симъ неимѣли никакого понятія; есть постоялые домы, содержимые Армянами, есть ресторація и двѣ Французскія кондитерскія лавки. Почтовой доходъ отъ пересылки писемъ, въ 1820 году простиравшійся до 22,000 руб. ассигнаціонныхъ, въ 1823 мъ состоялъ уже изъ 85,000 руб. Сборъ пошлинный увеличился отъ 100,000

до 400,000 рублей ассигнаціонныхъ. Нѣмецкіе колонисты, поселившіеся въ деревнѣ, которая съ лѣвой стороны Куры примыкаетъ къ предмѣстію, снабжаютъ городъ огородными овощами, ветчиной и соленымъ свинымъ саломъ. Колонія состоитъ большею частію изъ Виртембергцевъ. Они, и еще другіе поселенцы той же націи, первые начали тамъ разводить картофель. Сіи люди, какъ видно, очень довольны своей судьбою, и они со временемъ будутъ зажиточны.

(Изъ Нѣм. Ж.)

СМѢСЬ.

Политическія и другія происшествія.

Португаллія.

Банкъ возобновилъ свои выдачи, хотя впрочемъ съ большими ограниченіями. Принцесса Правительница, желая возстановить кредитъ, предложила банку свои брилліянты и частное свое имѣніе для составленія нужныхъ капиталовъ. Депутація, изъ Президента и нѣкоторыхъ чле-

новъ Банка, изъявила Ея Высочеству благодарность за сей великодушный подвигъ.

— Въ ночи съ 12 на 13 ч. Декабря (н. с.) въ 3 мъ часу 38 мин. глухой, грому подобный звукъ предвозвѣстилъ землетрясеніе. Спустя нѣсколько минутъ, послѣдовалъ весьма сильный ударъ, дважды повторившійся. Колокола звонили сами собою; даже стѣны въ домахъ какъ будто трещали. Всѣ жители мгновенно проснулись.

Испанія.

Дворъ находится въ Барцелонѣ. Нѣкоторые изъ тамошнихъ жителей взяты неожиданно подъ стражу. Декабря 16 го (н. с.) отплыли въ море корабли съ 230 человѣками, приговоренными къ ссылкѣ за участіе въ послѣднихъ возмущеніяхъ. Между тѣмъ въ разныхъ мѣстахъ Кастиліи возникаютъ новыя безпокойства.

— По прибытіи въ Мадритъ Французскаго курьера съ депешами, которыя немедленно отправлены къ Королю въ Берцелону (а нѣкоторыя изъ нихъ въ Лиссабонъ) разнесся слухъ, что Французскій Дворъ приглашаетъ Испанское Правительство къ посредничеству въ дѣлѣ съ Деемъ Алжирскимъ.

— Французскія войска оставятъ Кадиксъ, вѣроятно, въ Мартѣ мѣсяцѣ. Уже назначены, какъ говорятъ, четыре Испанскіе полка для гарнизона въ упомянутомъ городѣ.

— Благопріятныя слѣдствія прибытія фрегата Перлы изъ Гаванны уже ощутительны: піастры вошли въ обращеніе.

Франція.

Утромъ 26 го Декабря (н. с.) Инфантъ Португальскій Донъ Мигуель откланялся Королю и Королевской фамиліи. На другой день въ 4 мъ часу утра Е. В-о отправился въ Кале, со свитою своею и въ сопровожденіи Португальскаго Повѣреннаго въ дѣлахъ при Дворѣ Парижскомъ.

— Въ Министерствѣ воспослѣдовала важная перемѣна. 5 Января (н. с.) обнародовано Королевское повелѣніе, по которому Графъ Порталисъ, Перъ Франціи, назначается Министромъ Юстиціи — Графъ де ла Ферроне, Перъ Франціи, Министромъ Иностранныхъ дѣлъ — Виконтъ де Ко (Caux), Членъ Палаты Депутатовъ, Министромъ Военнаго Управленія. Представленія объ опредѣленіи на упраздненныя мѣста въ арміи будутъ подносимы Королю Дофиномъ, а приказы о семъ будутъ контрасигнированы Министромъ Военнаго Управленія. Виконтъ Мартиньякъ, Членъ Палаты Депутатовъ, наименованъ Министромъ Внутреннихъ дѣлъ. Департаменты торговли и мануфактуръ, состоявшіе подъ вѣдомствомъ Министра Внутреннихъ дѣлъ, отдѣляются отъ онаго и причисляются къ Департаменту коммерціи и колоній. Графъ де Сенъ-Крикъ, Членъ Палаты Депутатовъ, наименованъ Президентомъ Главнаго Совѣта коммерціи и колоній, а Графъ Руа, Перъ Франціи, Министромъ финансовъ. Департаментъ Народнаго просвѣщенія не будетъ принадлежать къ Министерству Духовныхъ дѣлъ. — Вторымъ повелѣніемъ, отъ того же числа, наименованы

Графы Виллель, Перонне, Баронъ Дамасъ; Маркизъ Клермонъ-Тоннеръ и Графъ Корбьеръ Государственными Министрами (безъ Департаментовъ) и Членами Государственнаго Совѣта. — Третьимъ повелѣніемъ Графы Виллель, Перонне и Корбьеръ пожалованы въ Перы Франціи.

Германія.

Въ Нѣмецкой *Всеобщей газетѣ* пишутъ изъ Константинополя отъ 11 Декабря, что и по отъѣздѣ Пословъ тамъ господствуетъ величайшее спокойствіе. Порта приказала объявить тѣмъ изъ подданныхъ трехъ союзныхъ Державъ, которые, по совѣту своихъ Посланниковъ, прибѣгнули къ защитѣ Нидерландскаго посольства, что они будутъ столь же безопасны подъ собственною защитою Порты. Впрочемъ Франки вовсе неудалялись изъ Царяграда, и ихъ опасеніе уменьшилось при продолжающемся спокойствіи.

— Въ письмѣ изъ Анконы въ Вѣну отъ 26 го Декабря (н. с.) увѣдомляютъ, что туда прибыла Англійская корветта, на которой Графъ Каподистрія отправится въ Грецію при первомъ попутномъ вѣтрѣ.

— Королева Баварская установила новый женскій Орденъ Святыя Терезіи, для опредѣленнаго числа незамужнихъ дворянскихъ дочерей, которыя получатъ, сверхъ знака отличія, приличное годовое содержаніе.

Нидерландское Королевство.

Нѣсколько военныхъ судовъ отправляется въ Смирну и Мальту для защиты Нидерландскихъ купеческихъ кораблей отъ Греческихъ корсаровъ.

Англія.

Декабря 3ого (н. с.), въ часъ по полудни, Инфантъ Донъ Мигуель прибылъ въ Англію; онъ вышелъ въ Гринвичѣ на берегъ, и былъ встрѣченъ Герцогомъ Кларанскимъ, Португальскимъ Посланникомъ, многими знатными чиновниками и находящимися въ Англіи Португальцами. На другой день Е. В-во принималъ Англійскихъ Министровъ, дипломатическій корпусъ и знатнѣйшее купечество Португальское. Послѣ того онъ отправился въ Виндзоръ. Въ слѣдующіе дни Король и другія особы угощали Инфанта великолѣпными обѣдами и праздниками.

— Лордъ Годричъ, какъ увѣряютъ, изъявилъ было желаніе оставить службу; но Король не согласился его уволить. Нѣкоторые изъ его друзей надѣялись, что онъ не выдетъ; теперь утверждаютъ за вѣрное, что Лордъ Годричь останется первенствующимъ въ Министерствѣ, и не на время, а навсегда.

— Изъ Мальты пишутъ отъ 2го Декабря, что Адмиралъ Кодрингтонъ принимаетъ самыя надежныя средства къ истребленію Греческихъ корсаровъ. Есть впрочемъ извѣстія, что всѣ морскія грабительства совершаются подъ Греческимъ имемемъ, между тѣмъ какъ екипажи сихъ раз-

бойничьихъ кораблей состоятъ изъ бѣглецовъ разныхъ націй, одѣтыхъ погречески, и грабящихъ всякіе, даже Греческіе корабли.

— По новѣйшимъ письмамъ изъ Корфу; Лордъ Кокренъ, по отбытіи союзныхъ караблей, блокируетъ гавань Наваринскую и не допускаетъ въ оную подвоза. Ибрагимъ-Паша отступилъ въ Модонъ.

Турція.

По извѣстіямъ изъ Константинополя отъ 16 Декабря, Гг. Стратфордъ-Каннингъ и Графъ Гильемино, выплывъ изъ Дарданеллъ, нашли Французскій фрегатъ, посланный имъ на встрѣчу Адмираломъ Риньи, и отправились на ономъ въ Смирну. По отъѣздѣ Тайнаго Совѣтника Рибопьера, Россійскіе подданные оставили столицу, вопреки увѣреніямъ Порты, что они могутъ быть въ безопасности. Нѣкоторыя Французскія фамиліи также удалились. — Австрійскій Интернунцій Оттенфельсъ нездоровъ.

— Много гаворятъ о военныхъ приготовленіяхъ Порты. Правительство, какъ сказываютъ, купило 120,000 ружей, собранныхъ въ Константинополѣ спекуляторами. Многія тысячи солдатъ идутъ изъ Азіи. Муфти издалъ грамату, въ которой онъ предписываетъ общенародныя молебствія о сохраненіи мира, но вмѣстѣ призываетъ всѣхъ истинныхъ Турковъ къ защитѣ Ислама, въ случаѣ опасности, и совѣтуетъ имъ предварительно обучаться ружью.

— Слухъ о сожженіи союзными ескадрами флотиліи Лорда Кокрена, при островѣ Хіосѣ, совершенно опровергнутъ: извѣстіе это есть не иное что, какъ выдумка враговъ Греціи. Лордъ Кокренъ, съ пособіемъ нѣкоторыхъ Европейскихъ кораблей, обыскалъ самыя сокровенныя бухты острововъ, гдѣ обыкновенно находятся корсары, и разрушилъ нѣсколько мистиковъ, коихъ екипажи состояли изъ бродягъ разныхъ націй, и не уважали никакихъ, ни даже Греческихъ флаговъ. Сожженіе сихъ разбойничьихъ судовъ, вѣроятно, подало поводъ къ баснѣ о сожженіи Греческой флотиліи.

— Вехабиты, или Вагабисы, ужасно бунтуютъ. Турки и Египтяне понесли великій уронъ, сражаясь съ ними. Мекка и Таифъ покорены оружіемъ сихъ мятежниковъ.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Вотъ какія неслыханныя диковинки пишутся въ Парижѣ: «Между тѣмъ какъ во Франціи мода на Алманаки Музъ, на Алманаки Дамскіе и Дѣвическіе, и на всѣ подарочные книжонки съ картинками и со стишками, очевидно, день ото дня слабѣетъ (!!), вы представить себѣ неможете, въ какомъ ходу они теперь въ Германіи, а еще и того больше въ Англіи. Заморскіе сосѣди наши

весь купеческій инстинктъ свой, всѣ затѣи роскоши истощили на ету новую спекуляцію, съ перваго взгляда столь мало представляющую средствъ къ извлеченію изъ нея большихъ выгодъ. Англійскій Курьеръ доноситъ, что Лондонскіе книгопродавцы въ нынѣшнемъ году больше чѣмъ одинъ милліонъ употребили на *алманаки* и *сувениры*, и что ето есть одно изъ самыхъ прибыльныхъ предпріятій; они дѣйствительно продаютъ по семи и по восьми тысячь екземпляровъ каждаго изъ двѣнадцати ежегодныхъ алманаковъ, изъ коихъ за каждой берутъ съ покупателя по 20 франковъ. Товаръ етотъ отпускается на твердую землю, въ Индію и въ обѣ Америки. — Славный граверъ Гитъ издалъ новый алманакъ подъ заглавіемъ: *Keepsake*, по выбору, по числу предметовъ и по совершенству гравировки *на стали* превзошедшій все, что ни выходило до сихъ поръ въ Англіи. Самому издателю обошелся онъ во 150,000 франковъ, и увѣряютъ, что хозяинъ еще до новаго года распродалъ 20,000 екземпляровъ почти по 30 франковъ каждой. Г. Гитъ располагается ежегодно издавать свой *Keepsake*.»

— Когда-то мы упоминали объ орудіи для извлеченія камней изъ мочеваго пузыря, которое не въ давнемъ времени изобрѣтено Французскимъ Докторомъ Сивіалемъ. Баронъ Цахъ, одинъ изъ первыхъ астрономовъ къ Европѣ, уже пожилыхъ

лѣтъ человѣкъ, прибѣгнувъ къ помощи г-на Сивіаля, имѣлъ счастіе освободится отъ *сорока* камней, находившихся въ мочевомъ пузырѣ больнаго. Баронъ Цахъ выдержалъ операцію почти безъ боли и совершенно выздоровѣлъ. На сихъ дняхъ читали мы любопытное извѣстіе, что посредствомъ *Литотритіи* (растиранія камня) уже и малыя дѣти освобождаются отъ сей ужасной болѣзни.

— Въ числѣ свидѣтелей по нѣкоторому дѣлу въ уголовномъ судѣ Парижскомъ недавно присутствовалъ одинъ человѣкъ мужественнаго вида, прилично одѣтый. Приступая къ показаніямъ въ свою очередь, онъ долженъ былъ объявить свое имя и назвалъ себя — *Елисаветою - Маріею.* «Стало быть вы женщина?» спросилъ его Президентъ Дегосси. — Точно такъ, милостивый государь! отвѣчалъ свидѣтель: я служила солдатомъ, и военный Министръ дозволилъ мнѣ носить мужское платье.

ПОПРАВКИ.

Въ No 20 Вѣст. Евр. 1827, на стран. 282 й *въ стр.* 12 й *должно быть:* и суеты боготворитель; *тамъ же въ примѣчаніи:* Ѳ. М. Рубецъ.

Въ No 22 мъ на стран. 121, *въ строкѣ* 16 й, *ссылка въ самомъ подлинникѣ показана невѣрно; надобно:* къ страницѣ 247 й. *На стран.* 123 *въ строкѣ* 7 й *должно читать:* коморникамъ. *На стран.* 131 й *въ стихѣ* 9 *мъ:* нескоштовать. *На стран.* 132 й *въ стихѣ* 13 мъ: шубовсть зъ воды.

Въ No 23 и 24 Вѣстн. Евр. 1827 на стран. 222 й *въ стр.* 21 *должно быть:* Керкеты. *На стран.* 233 й *въ стр.* 23 й *надобно:* долѣе. *На стран.* 235 й *въ первой стр. должно читать:* ужѐ; *въ стр.* 25 й: Оеоны. *На стран.* 240 й *въ стр.* 16 й; Clylipenus. *На стран.* 255 й *въ стр.* 5 й: могла Смоленская имѣть. *На стран.* 262 й *въ стр.* 17; *белишъ. На стран,* 298 *въ стр.* 13 й: пола. *На стран.* 301 *въ стр.* 2 й; При возстановленномъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 2.

ЯНВАРЬ 1828.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Краткое историческое обозрѣніе Тмутороканскаго Княжества.

Городъ, извѣстный у Лѣтописца Нестора подъ именемъ Тмуторокани (*), называемъ былъ Греками *Таматархою*, также *Матархою* и *Метрахою* (**); Нубійскій Географъ именуетъ его Метрехою (***); Байеръ первый сказалъ, что имя Тмуторокань есть одно съ именемъ Таматархи (****). Онъ первый также показалъ настоящее мѣстоположеніе сего города (*****). Но жившіе послѣ его любители Россій-

(*) Несторъ по Кенигсбергск. списку 84.
(**) Конст. Багрян. въ Бандури. I, 113,
(***) Тунман. Ueber die Gesch. Ost. Völk 156.
(****) Samml. Russ. Gesch. II, 77.
(*****) Comment. Acad. Scient. Imp. Petr. IX, 377—778.

ской Исторіи оставили мнѣніе Байера и начали искать Тмуторокани тамъ, гдѣ найти ея неможно было. Тщетные поиски продолжались до того времени, пока Графъ Мусинъ-Пушкинъ не подтвердилъ ясными доказательствами Байерова открытія.

Неудачныя изслѣдованія о Тмуторокани произошли именно отъ того, что въ древнихъ Русскихъ лѣтописяхъ нѣтъ ничего удовлетворительнаго, яснаго о семъ городѣ. Сіи изслѣдованія болѣе или менѣе любопытны, а потому мы замѣтимъ ихъ здѣсь въ короткихъ словахъ. Новогородская лѣтопись и Степенная книга полагали Тмуторокань въ Астрахани; Архіепіскопъ Ѳеофанъ Прокоповичъ — въ Литвѣ, гдѣ Новгородокъ. Татищевъ искалъ Тмуторокани въ Княжествѣ Рязанскомъ, въ верховьи рѣки *Прони*, при запустѣломъ каменномъ городищѣ:ето мнѣніе заставляло его иногда смѣшивать и разумѣть Князей Муромскихъ, Суздальскихъ, Рязанскихъ и даже Ростовскихъ подъ именемъ Тмутороканскихъ. Въ доказательство своего мнѣнія онъ приводилъ три причины: 1, что Стриковскій, Польскій писатель, называетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Исто-

ріи своей *Тмуторокань*, а въ другихъ спискахъ вмѣсто сего слова — *Рязань*; 2, что Святославовымъ сынамъ Ярославу и Святославу досталася Тмуторокань, но они считаемы были Князьями *Рязанскими*; 3, что одинъ знатный дворянинъ сказывалъ ему, будто въ верховьи рѣки Прони есть запустѣлое городище, коего имени никто не знаетъ, то и слѣдовало, по словамъ его, быть здѣсь Тмуторокани. Первая подпора, какъ замѣчаетъ Болтинъ, слаба для удостовѣренія, по причинѣ многихъ погрѣшностей Стриковскаго. Вторая также не тверже, говоритъ Графъ Мусинъ-Пушкинъ (*): ибо многіе Россійскіе Князья владѣли прежде не однимъ удѣломъ, а потому двояко и писались. Третія, кажется, совсѣмъ не можетъ имѣть мѣста въ Исторіи. Да и самъ Татищевъ, опредѣливъ селенія Касоговъ и Ясовъ въ Молдавіи по Дунаю, не знаетъ, какимъ образомъ Князья Тмутороканскіе могли ходить войною изъ Рязани на сихъ народовъ.

Князь Щербатовъ полагалъ Тмуторокань близь Азова; но въ другомъ своемъ сочиненіи, вмѣсто подтвержденія сего

(*) Изслѣдов. о мѣстоп. Тмутороканск. Княженія.

мнѣнія, сказалъ: «Едва ли намъ можно льститься дойти до совершеннаго увѣренія, гдѣ было Тмутороканское Княжество. Такъ ето темно въ Россійской Исторіи.« Болтинъ прежде согласенъ былъ, хотя и не во всемъ, съ Татищевымъ: онъ также назначалъ предѣлы Тмутороканскаго Княжества въ области Рязанской, но только въ другомъ мѣстѣ, именно тамъ, гдѣ была старая Рязань. Послѣ, читая сообщенныя ему Графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ извѣстія и находя несходство ихъ съ мнѣніемъ своимъ и Татищева, принужденъ былъ перемѣнить свои мысли. Въ Отвѣтѣ на письмо Князя Щербатова, напечатанномъ въ 1789 году, на стр. 71, онъ изъяснился такимъ образомъ: «Давно уже примѣтилъ я по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, что въ Рязани полагать Тмуторокань несходно; но необрѣтая другаго приличнѣйшаго мѣста, я принужденнымъ нашелся согласиться на мнѣнія Татищева.»

Кажется, одно извѣстіе, сохранившееся для насъ въ Патерикѣ, могло бы навести сихъ ученыхъ людей на путь истинный къ отысканію Тмутороканскаго Княжества. Мы приведемъ сіе замѣчательное мѣсто.

«Множащимся братіямъ въ пещерѣ, восхотѣ блаженный Никонъ отъити на уединеніе, и единъ о себѣ безмолствовати. Тѣмъ же по совѣту Преподобнаго Антонія, совѣщався съ другимъ черноризцомъ (иже бысть Болгаринъ, отъ святыя горы, изъ монастыря Св. Мины), отъиде съ нимъ и пришедше къ морю разлучишася. Болгаринъ убо идый къ Константиню граду, обрѣте островъ среди моря, и вселися въ немъ. Великій же сей Никонъ отъиде въ островъ Тмутороканскій, и обрѣтъ мѣсто чисто близъ града, вселися тамо. А по другимъ, близъ престольнаго града того Княженія, построилъ и монастырь Пресвятыя Богородицы, умершу же Ростиславу Владиміровичу, Князю острова того, умоленъ бысть преподобный отецъ Никонъ, отъ людей страны тоя, пойти къ Святославу Ярославичу Князю Черниговскому, и молити его, да пуститъ имъ сына своего Глѣба на престолъ Тмутороканскій. И яко дойде до града Чернигова, и врученное себѣ дѣло, добрѣ и благополучно соверши, обратися ко граду Кіеву и пріиде въ монастырь Печерскій, къ блаженному Игумену Ѳеодосію. И моляше преподобный Ѳеодосій, да неразлучи-

ся блаженный Никонъ отъ него, дондеже суть оба въ плоти: сей же обѣщался ему глаголя; яко точію дошедъ монастырь свой управлю, и абіе Богу изволившу, возвращуся вспять, яко же и сотвори. Дошедъ бо до острова Тмутороканскаго съ Княземъ Глѣбомъ Святославичемъ, и оному сѣдшу на престолѣ, управи, яко же обѣщася, монастырь свой, и возвратися вспять (*).»

Какой же сей упоминаемый здѣсь островъ, на коемъ существовало Тмутороканское Княженіе? — Для рѣшенія сего нужно было бы въ точности только разобрать упомянутое повѣствованіе Нестора о Никонѣ и нѣкоторомъ Булгаринѣ. Въ Патерикѣ сказано, что шли они изъ Кіева, и достигши моря, разлучились; что одинъ изъ нихъ отправился къ Константинополю, а другой къ острову Тмутороканскому. Отсюда видно, что море, при которомъ они разлучились, было Черное: ибо между Кіевомъ и Царьградомъ нѣтъ другаго. Невидно также ни на новѣйшихъ, ни на древнихъ картахъ другаго острова, столь пространнаго, на кото-

(*) Патерикъ Кіевопечерск. листъ 72.

ромъ могло бы быть основано княженіе, кромѣ Тамана; а потому на семъ островѣ должно было бы искать Тмуторокани, тѣмъ болѣе что Константинъ Богрянородный упоминаетъ именно о семъ островѣ, назначая на ономъ крѣпость Таматарху въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ древніе полагали Фанагорію, бывшую столицу Воспорскаго Царства въ Азіи.

Наконецъ сомнѣніе рѣшилось: найденъ весьма важный памятникъ — Тмутороканскій камень — флота Капитаномъ Пустошкинымъ, близъ крѣпости Тамана, въ солдатской казармѣ, гдѣ положенъ былъ вмѣсто порога. На немъ есть надпись, въ которой нѣкоторыя буквы отъ долгаго времени попортились; но ето однакожъ невоспрепятствовало разобрать оную. Начертанныя на семъ камнѣ слова означаютъ слѣдующее: «въ лѣто 6576 индикта, 6, Глѣбъ Князь мѣрилъ море по леду отъ Тмутороканя до Кърчева 8054 сажени.» Сія надпись, означающая предѣлы самаго Княженія, во всемъ согласна съ самыми лѣтописями, которыя показываютъ: 1, что въ то время былъ шестой индиктъ; ибо, находя каждому за-

данному году соотвѣтствующій индиктъ, откроется, что въ 1068 году былъ шестой. 2. Что въ Тмуторокани княжилъ въ сіе время Глѣбъ, сынъ Святославовъ, который хотя въ 1064 году былъ вторично выгнанъ изъ Тмуторокани Ростиславомъ, Княземъ Владимірскимъ и Червенскимъ, но по смерти его, ускоренной въ 1065 году отравою, онъ пришелъ съ Преподобнымъ Никономъ изъ Чернигова и опять вступилъ во владѣніе Тмутороканскаго Княжества. 3. Самая мѣра саженями тогда не только была уже извѣстна, но и употребительна: еще за 17 лѣтъ предъ симъ, именно подъ лѣтомъ 6559мъ, Несторъ пишетъ такъ: «Иларіонъ . . . ископа печерку малу *двy сажну* (*).» 4. Какъ почеркъ буквъ, высѣченныхъ на семъ камнѣ, сходенъ съ писменами самыхъ древнихъ книгъ, какія только находятся у любителей древности, или въ книгохранилищахъ государственныхъ; 5) такъ и самый образъ начертанія рѣчей то же показываетъ. Тамъ написано вмѣсто Керчи, или Корчева, *Кърчева.*

(*) Лѣтоп. Нестор. по Кениг. спис. 108.

Кажется, надпись сія сдѣлана въ память рѣдко случающейся въ тѣхъ мѣстахъ стужи, отъ которой Таврическій проливъ, не смотря на быстроту своего теченія, покрылся льдомъ. Пользуясь случаемъ, благоразумный Князь Глѣбъ Тмутороканскій измѣрилъ по льду пространство сего пролива отъ Тмуторокани до противолежащаго Таврическаго города Керчи. Византійскіе писатели также упоминаютъ о подобныхъ замерзаніяхъ Чернаго моря, какъ необыкновенныхъ въ тамошнемъ краѣ. Такъ на примѣръ они говорятъ, что въ царствованіе Императора Константина Копронима, въ 763 г., Понтъ Евксинскій такъ замерзъ, что отъ Крыма, называвшагося тогда Хазаріею, можно было ѣздить на самыхъ тяжелыхъ повозкахъ по льду во Ѳракію до Мезембріи, а изъ Константинополя переходили также льдомъ въ Хрѵзополисъ (Скутари).

Любопытно знать, какимъ образомъ изъ слова Тамата́рха сдѣлалось Тмуторокань? — Для сего должно замѣтить: 1) что предки наши, вмѣсто нѣкоторыхъ гласныхъ буквъ, особливо въ начальномъ слогѣ, употребляли въ письмѣ ъ; на пр.

вмѣсто восточный, писали въсточный; вмѣсто возлюбленный, възлюбленный; вмѣсто речемъ, ръчемъ. Посему и выйдетъ вмѣсто Томатарха Тъматарха: — въ спискахъ же древнихъ лѣтописей писалось разно: Томуторокань, Тъмуторокань и Торокань. 2) Въ древности было въ употребленіи имена народовъ и иностранныхъ городовъ перелагать на свой языкъ, такъ чтобъ сіи названія имѣли на немъ какое нибудь значеніе, хотя и не всегда основательное, а другимъ давали наименованіе и отъ себя, на пр. народъ Пацинаки, назвали Печенегами; Константинополь Царь-градомъ; Саркелъ Бѣлою Вежею; таковыхъ названій у иностранныхъ писателей ни гдѣ ненаходимъ, т. е. ни Печенеговъ, ни Царя-града, ни Бѣлой Вежи. 3) При произношеніи иностранныхъ рѣчей почти всегда нѣкоторыя или буквы, или слоги въ нихъ простымъ народомъ перемѣняются, на пр. вмѣсто Стокгольма, говорятъ Стекольной; вмѣсто Ораніенбаумъ, Рамбовъ. 4) Иногда для стеченія буквъ согласныхъ, отъ котораго дѣлается произношеніе затруднительнымъ, нѣкоторыя изъ нихъ въ произношеніи отбрасываются, на пр. вмѣсто чувства говорятъ чуства; вмѣ-

сто сердце, серце; вмѣсто Твердь, Тверь, хотя сей городъ, построеный въ 1182 г. Великимъ Княземъ Всеволодомъ III мъ, точно назывался Твердь. По такому же поводу и изъ Таматархи, Томуторокани, сдѣлалось Тъмуторокань — названіе, могущее имѣть хотя и не очень хорошее значеніе.

Такимъ образомъ городъ и Княжество Тмуторокань по изслѣдованіямъ, которыя изложены были Графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, оказались на островѣ Таманѣ. Въ наши времена однакожъ появляются противъ сего возраженія (*). Можетъ быть, ими откроется что-либо любопытное въ Россійской Исторіи.

Теперь замѣтимъ нѣкоторыя достопамятныя черты, сохранившіяся для насъ въ Исторіи. Построеніе Тмуторокани намъ не извѣстно. Островъ Таманъ въ первой половинѣ десятаго столѣтія принадлежалъ Козарамъ. В. К. Святославъ Игоревичь I, побѣдивши Козаръ, Ясовъ и Касоговъ, тогда же, какъ должно думать, завоевалъ городъ Таматарху; кажется, съ сего времени она осталась въ полной вла-

---

(*) Московск. Вѣстникъ 1827 No XXII, стр. 231.

сти у Великихъ Князей. Первымъ Тмутороканскимъ Княземъ считается Святославъ I Игоревичь; вторымъ Князь Владиміръ I Святославичь. При раздѣленіи Государства на удѣлы Тмутороканское Княжество получилъ Мстиславъ Владиміровичь, убившій на поединкѣ Редедю, Князя Касоговъ, и овладѣвшій всею областію его. За нимъ наслѣдовалъ Тмутороканское Княжество Ярославъ I Владиміровичь, который при смерти своей завѣщалъ оное сыну своему Святославу II, а сей еще при жизни своей отдалъ Тмуторокань своему сыну Глѣбу Святославичу. Глѣбъ Святославичь изгнанъ былъ изъ Тмуторокани въ 1064 г. Ростиславомъ Владиміровичемъ, Княземъ Владиміра на Волынѣ. Тогда вторично принялъ Тмутороканское Княженіе Глѣбъ Святославичь. Сей-то Князь въ 1068 г. мѣрилъ Воспорскій проливъ и въ память того положилъ мраморный камень, найденный, какъ уже замѣчено, въ недавнія времена. Такимъ образомъ Тмутороканское Княжество переходило по наслѣдству отъ одного Князя къ другому. Нашествіе Половцевъ не позволило Русскимъ Князьямъ удержать за собою сіе Княженіе. Кня-

зья, владѣя отдѣльными удѣлами, обезсиливая другъ друга несогласіями и междуусобными бранями, не въ состояніи были воспрепятствовать набѣгамъ и разореніямъ Половцевъ, которыхъ сила скоро ослабила власть Князей въ Тмуторокане, какъ области пограничной и населенной большею частію иноплеменными. Наконецъ Тмутороканское Княжество совершенно исчезло: съ 1194 г. болѣе уже не упоминается о немъ въ Лѣтописяхъ.

Дм. Жуковъ.

Обозрѣніе Исторіи Козаковъ.

Первоначальное происхожденіе Козаковъ теряется въ отдаленности временъ, и мы не имѣемъ достовѣрныхъ источниковъ, могущихъ точно показать намъ ихъ истинное начало. Ученые мужи протекшаго и нынѣшняго времени говорятъ о семъ народѣ, прославившемся храбростію своею, различнымъ образомъ, и весьма часто ихъ мнѣнія, подтвержденныя разными доказательствами, опровергаются другими доказательствами же, хотя сильнѣйшими, но все основанными только на сомнитель-

ныхъ догадкахъ и неимѣющими началъ твердыхъ, опредѣленныхъ. Самое названіе Козаковъ не объяснено точнымъ образомъ, и иностранные писатели, надѣясь догадками попасть на истину, выдумываютъ для онаго различные корни, часто весьма нелѣпые; для примѣра мы приведемъ здѣсь мысли нѣкоторыхъ изъ писателей: Гербиній производитъ названіе Козаковъ отъ косы, предполагая, что большая часть сего народа въ древнія времена вооружалась косами; Пясецкій, Гарткнохъ и Лешевалье почитаютъ оное происходящимъ отъ козы, съ коею сравниваютъ они проворство, ловкость и оборотливость Козаковъ въ непроходимыхъ мѣстахъ; Зиморовичь говоритъ, что оно происходитъ отъ слова козака, означающаго будто на нашемъ языкѣ муху, и проч.

Въ описаніи происхожденія Козаковъ я держался мнѣнія Г. Еверса, извѣстнаго глубокою своею ученостію и познаніями обширными. Онъ руководствовался писателями Византійскими, Русскими Лѣтописями, путешествіями ученѣйшихъ мужей, и сличая, разбирая сказанія, достовѣрнѣйшими стезями шествовалъ по лабиринту древности.

Названіе козакъ по всей вѣроятности есть Татарское, которое означало воина бездомовнаго, ибо еще въ древнія времена Татарскіе баскаки имѣли обыкновенно при себѣ для разсылокъ нѣкоторое число воиновъ, козаками называемыхъ, и Татары еще до нынѣшнихъ временъ называютъ всѣхъ нашихъ солдатъ козаками. Такимъ образомъ названіе Козаковъ получило начало въ древнія времена; оно существовало еще прежде Батыева нашествія на Россію, и вѣроятно принадлежало Торкамъ, Берендеямъ и Чернымъ Клобукамъ, называвшимся также Черкасами и обитавшимъ на берегахъ Днѣпра.

Приступая къ описанію происхожденія Козаковъ, мы должны обратить вниманіе на упомянутыхъ въ нашихъ Лѣтописяхъ Касоговъ, которыхъ Владиміровъ сынъ Мстиславъ подчинилъ Тмутороканскому Княжеству въ 1022 году, и которыхъ мы видимъ данниками сего Княжества уже въ 1065 мъ. Сіи Касоги вѣроятно были жители страны Казахіи, которая, по повѣствованію Константина Багрянороднаго, находилась въ нынѣш-

ней Кабардѣ (*), и которую вѣроятно Масуди разумѣлъ подъ именемъ Кашека, имѣвшаго торговыя сношенія съ городомъ Тревизонтомъ (**). Ибн-ел-Варди въ своемъ сочиненіи также говоритъ о народѣ Кашекахъ, обитавшихъ въ Кавказскихъ странахъ, выхваляя красоту его женщинъ (***). Все сіе, такъ какъ и положеніе земли, намѣкаетъ на нынѣшнихъ Черкесовъ, между коими тѣмъ болѣе мы имѣемъ причинъ искать первоначальныхъ Козаковъ, что Оссетинцы еще до нынѣшнихъ временъ называютъ

(*) A Tamatarcha octodecim aut viginti milliaribus fluvius est Ucruch appellatus, qui Zichiam et Tamarcha separat. Ab Ucruch usque Nicopsin flumen, in quo etiam urbs ejusdem nominis habetur, Zichia est, ad spatium milliarium trecentorum: supra Zichiam Papagia regio jacet; supra Papagiam Casachia; supra Casachiam mons Caucasus; supra montem Caucasum Alania regio. *Bandurii Imp. Orient. I*, 113.

(**) ... Tout ce pays, jusqu'à la mer de Constantinople, était tres peuplé; sur le bord de cette mer est la ville de Thrébisonde, où tous les ans des marchans Musulmans, Roum, Armeniens, et ceux du pays de Kaschek, se rendent en grand nombre pour vendre et acheter des marchandises. *Notices et extraits des manuscrits de la Biblioth. de R.*

(***) Opus cosmographicum Ibn el Vardi... ed. Andr. Hylander.

Черкесовъ Казахами (*Путешест. Гильденштедта I, 466*).

Къ сему прибавить можно повѣствованіе Болтина, помѣщенное въ первой части его Примѣчаній на Исторію Леклерка. Въ 1282мъ году Татарскій Баскакъ Курскаго Княженія вызвалъ Черкесовъ изъ Бештау, или Пятигоріи, и поселилъ ихъ слободами подъ названіемъ Козаковъ. Въ скоромъ времени грабежи и разбои, производимые ими, встревожили сосѣдственныхъ жителей. Жалобы послѣднихъ были причиною того, что Курской Князь Олегъ, по дозволенію Хана Мангутимура (?), разрушилъ ихъ жилища и многихъ изъ сихъ переселенцовъ предалъ смерти; уцѣлѣвшіе же отъ кровопролитія разсѣялись по разнымъ мѣстамъ. Но Козаки, соединясь съ Россійскими бѣглецами, занимались еще долгое время грабительствомъ и скрывались отъ преслѣдованія въ лѣсахъ и ущеліяхъ. Стоило великихъ трудовъ, чтобъ выгнать ихъ изъ убѣжищъ своевольства, дабы обезпечить сосѣдственныя страны отъ ихъ буйности. Многочисленная толпа Козаковъ, не находя болѣе безопасности, пришла

къ Баскаку въ Каневъ, и онъ позволилъ имъ поселиться на берегахъ Днѣпра. Тамъ они построили себѣ небольшой городокъ, или острогъ для обороны, и дали ему названіе Черкаска, по той причинѣ что большая часть изъ нихъ была Черкескаго происхожденія.

Дабы объяснить названіе народа, мы должны обратиться къ древнѣйшей его исторіи, всегда основанной на преданіяхъ отечественныхъ. Надобно думать, что предки Черкесовъ пришли въ Крымъ изъ Египта (*) или изъ Аравіи (**), и что родоначальникъ какого-либо изъ колѣнъ ихъ назывался Кабаромъ (***); всѣ они однакожъ удержали Татарское названіе Черкесовъ, означающее разбойниковъ (см. Klaproth's Reise in den Kaukasus. I, 558). Кабардою называются земли, лежащія при верхней части рѣки Бельбека, а имя Черкесіи принадлежитъ прекраснымъ странамъ,

(*) Reinegg's's Beschreibung Kaukasus. I, 239.

(**) Pallas's Bemerkungen auf einer Reise, I, 337.

(***) «Noch jetzt bedeutet in ihrer Sprache Kabardisch einen Kabardischen Tscherkessen.» Klaproth's Reise I, 560.

находящимся между Бельбекомъ и Катшою (см. Pallas's Bemerkungen auf einer Reise. I, 337). Они, оставивъ Крымъ въ 7мъ столѣтіи, принесли свое названіе къ народамъ, которыхъ нашли въ обитаемыхъ нынѣ ими странахъ, а сіи народы, по словамъ Осетинцевъ, какъ повѣствуетъ Клапротъ, прежде своего смѣшенія съ пришедшими къ нимъ Черкесами назывались Казахами. Трудно опредѣлить, какого происхожденія были сами Казахи; но, кажется, не погрѣшивъ противъ вѣроятія, можно назвать ихъ людьми происхожденія Турецкаго, по слѣдующимъ причинамъ: 1. Казахи обитали въ области Козаровъ; 2. въ Кавказской странѣ еще до сего времени находится малочисленный народъ Казахи, говорящій Турецкимъ языкомъ (*); 3. кромѣ собствен-

---

(*) «Der Distrikt Kasachi liegt an der rechten des Kur vom Indscha hinab bis an den Distrikt Bortschalo und theils bis an Gandscha; südlich hat er den Distrikt Lampek.» Güldenstädt's-Reise. I, 362. Также и Реинеггсу извѣстна сія страна; онъ говоритъ: Diese Gebirge (Dambeck's) sind so wie ihre fruchtbahren Thäler, von Völkern bewohnt, . . . и т. д. Съ языкомъ же ихъ насъ познакомилъ Гильденштедтъ, помѣстивъ въ своемъ путешествіи богатое собраніе словъ, которое назвалъ: Kosachisch-Tatarische Mundart. Сіи слова по большой части суть настоящія Турецкія. *Соч.*

наго языка своего, Черкесы говорятъ и пишутъ еще и потатарски (см. Reineggs's Beschreibung Kaukasus. I, 245); 4. большая часть Половецкихъ (т. е. Татарскихъ) именъ, встрѣчающихся въ Россійскихъ лѣтописяхъ, находится и въ лѣтописяхъ Черкескихъ (Klaproth's Reise); 5. ихъ нравы также весьма сходны съ Татарскими (Reineggs's Beschr. Kauk.).

Такимъ образомъ сродство между Казахами, упоминаемыми Константиномъ Багрянороднымъ, Несторовыми Касогами, Черкесами и новѣйшими Козаками, весьма замѣтно. Въ то время, когда Татары владѣли южными странами Россіи, наши Козаки не были еще извѣстны; они являются, когда владычество Татаръ надъ сими странами совершенно упало (*).

Н. З.

(*) Въ заглавіи сей статьи должно читать: *Начало исторіи Козаковъ* (а не *Обозрѣніе.*)

Старинныя народныя Святки и Коледа.

(Отрывокъ изъ Описанія народныхъ Русскихъ праздниковъ.)

Народный праздникъ, коимъ оканчивается одинъ и начинается другой годъ, есть *Святки* или *святые вечера*; по имени своему и по цѣли они должны святить благочестіемъ торжественное воспоминаніе Рождества Христова; но какъ древній праздникъ народный, предшествовавшій и послѣдовавшій Христіанству, онѣ извѣстны въ разныхъ мѣстахъ Россіи подъ различными наименованіями и отправляются съ различными обрядами.

Великороссійскія святки заключаютъ въ себѣ: загадыванье различными способами о будущей судьбѣ, по большей части, относительно брачной жизни — ибо сіе приходится предъ *Свадьбами* (Февралемъ мѣс.) (*) — переряживаніе и другіе обряды, обычаи суевѣрные и пѣсни (**).

(*) Въ *Псков. Лѣтоп.* 6910: «Явися звѣзда хвостатаа на западной странѣ, и въсхожаше съ прочими звѣздами отъ *Свадебъ* (Февр. мѣс.) до Вербной субботы.» —

(**) Абевега Русскихъ суевѣрій. М. 1786, и Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. Guthrie. S. P. 1795.

Загадыванье начинается индѣ съ перваго, а индѣ съ другаго дня праздника, и продолжается до Крещенія. Для сего предпочитается Васильевскій вечеръ. Оба пóла участвуютъ въ семъ дѣйствіи. При хороненіи золота дѣвицы и юноши, сѣвши полукружіемъ, передаютъ тихонько кольце изъ рукъ въ руки съ пѣніемъ извѣстной пѣсни: *Палъ, палъ перстень въ калину, въ малину, въ черную смородину*, означая горечью первой горесть, сладостью второй удовольствіе, а послѣднею смѣсь той и другаго; между тѣмъ одна дѣвица, или мущина ищетъ кольца; у кого найдется, тому самому приходится искать. — Еще кладутъ въ блюдо запонки, перстни и кольцы съ кускомъ хлѣба и съ холоднымъ углемъ, и закрывъ платкомъ, встряхиваютъ, чтобы смѣшать оные; при етомъ поютъ подблюдныя пѣсни, начавъ пѣснею хлѣбу; старуха, держащая блюдо съ жребіями, наугадъ и неглядя вынимаетъ ихъ; въ какую пѣсню кому вынется кольце, то и сбудется, не минуется. Такъ напр. исполненіе желанія при пѣсни:

Летитъ соколъ изъ улицы,
Голубушка изъ другой;

Сплетались, цѣловалися,
Сизыми крыльями обнималися.

Или несчастное событіе.

Также:

Ужь на небѣ двѣ радуги,
У богатаго мужика двѣ радости:
И онъ сына то женитъ, дочь за мужъ отдаетъ.

Жемчужина окатная!
До чего тебѣ докатитися?
Пора тебѣ выкатитися
Князьямъ и боярамъ на шапочку.

Между гаданіями есть слѣдующее, похожее на Римскія авгуріи: берутъ куръ по числу дѣвицъ, изъ коихъ каждая отмѣчаетъ одну для себя; ставятъ передъ курами пшеницу и воду; судя по ѣдѣ, питью и движеніямъ оныхъ, дѣлаютъ замѣчанія о свойствѣ суженыхъ и ряженыхъ своихъ; на пр., если курица мало или совсѣмъ не пьетъ, это предвѣщаетъ трезваго мужа; а ежели много пьетъ и ѣстъ, то невоздержнаго и т. д. Черезъ дугу переводятъ лошадь: когда лошадь задѣнетъ ногою дугу, то минуется женидьба, а дѣвушкѣ замужство; когдажъ не задѣнетъ, то выдетъ противное. Въ Россіи, подобно какъ и въ Германіи, дѣвушки льютъ воскъ

и олово въ воду (Wachsgießen u. Bleyzießen). Если желаютъ узнать, какого ремесла и званія будетъ ихъ мужъ; въ полночь съ приговорами стучатся въ курятникъ: ежели запоетъ въ ето время пѣтухъ; то вѣрятъ, что скоро быть за мужемъ. Кому не извѣстно изъ наблюдающихъ отечественные обычаи старинные: наведеніе въ полночь на мѣсяцъ зе́ркала, въ коемъ показывается суженый и ряженый, спрашиваніе именъ у проходящихъ за воротами съ первымъ кускомъ хлѣба во рту, бросаніе на улицу башмаковъ черезъ воро̀та, хожденіе на перекрестки, на кладбища, подслушиваніе подъ окнами домовъ и подъ вереею воротною, чуранье и тому подобное: изъ чего дѣлаются толкованія, по разнымъ явленіямъ и примѣтамъ, въ хорошую или дурную сторону.

Переряживанье о Святкахъ есть народный Русскій маскарадъ. Позднимъ вечеромъ и ночью мущины и женщины, перерядясь въ различные виды и надѣвъ на себя личины, ходятъ изъ дома въ домъ и тамъ шутятъ, представляютъ разные фарсы и пляшутъ. Извѣстно изъ Исторіи, что и Царь Иванъ Васильевичь съ опричниками своими, надѣвъ на себя личины, веселился, и что К,

Михайло Репнинъ лучше согласился жизни лишиться, чѣмъ надѣть на себя маску, которую онъ растопталъ ногами въ присутствіи Царя, сказавъ: «Государю ли «быть скоморохомъ (*)?» —

Въ Новгородѣ святошники со втораго дня праздника до самаго Богоявленія Господня ходятъ по городу въ тѣ домы, гдѣ въ знакъ приглашенія ставятся на окошкахъ зажженныя свѣчки, и веселятъ хозяевъ шутками, каррикатурными представленіями, пѣснями и плясками. Въ етой забавѣ народной принимаютъ участіе и люди значительные въ городѣ, куда иногородные нарочно пріѣзжаютъ на то время, чтобы посмотрѣть Новгородскихъ окрутниковъ. Въ Тихвинѣ о Святкахъ снаряжается большая лодка, которая ставится на нѣсколько саней и по улицамъ городскимъ везется множествомъ лошадей, изъ коихъ на каждой сидитъ по окрутнику; сію-то лодку занимаютъ, подъ разноцвѣтными флагами, святошники, которые, окрутившись (одѣвшись) въ разныя личины и виды, подъ именемъ *окрутниковъ*,

(*) *Карамз.* И. Р. Г. Ч. VIII, и ст. Weihnacht въ Grosses Universal-Lexicon, Leipz. 1747.

кудесниковъ, *куликовъ* и *щеголей*, поютъ, играютъ и веселятся; толпы народа, одѣтаго въ лучшія платья, провожаютъ кудесниковъ; зажиточные подчуютъ ихъ виномъ и кушаньемъ.

Въ Торопцѣ, Псковской губерніи, Святки называются *Субботками*; тогда незамужнія дочери Торопецкихъ обывателей сбираются въ домы бѣдныхъ, но честныхъ вдовъ, гдѣ нарочныя дѣлаются приготовленія къ етому случаю: устроиваются для посѣтительницъ скамейки уступами, съ полу до потолка, въ родѣ амфитеатра; по срединѣ горницы вѣшается огромный фонарь, сдѣланный изъ цвѣтной, намазанной масломъ бумаги, украшенный разноцвѣтными лентами и со множествомъ свѣчь; по сторонамъ горницы ставятся скамейки для мущинъ. Богатыя и бѣдныя Торопчанки, одѣвшись, какъ можно лучше, по своему старинному обычаю, вмѣняютъ себѣ въ обязанность присутствовать на Субботкахъ. Когда всѣ мѣста въ амфитеатрѣ займутся дѣвицами; тогда отпираются ворота и начинается пріѣздъ холостыхъ мущинъ. При входѣ каждаго гостя дѣву-

шки величаютъ его пѣснями, кои изстари поются на Субботкахъ съ припѣвомъ къ каждому стиху:

Дунай, Дунай, многолѣтствуй
И съ твоей полюбовницей!

Гости должны платить за ету честь; желая заслужить себѣ у красавицъ хорошее мнѣніе, они стараются превзойти другъ друга своею щедростію; собранныя деньги остаются въ пользу бѣдной хозяйки дома. При семъ случаѣ женихъ высматриваетъ себѣ невѣстъ, а невѣста жениховъ. Замѣчательно, что женатые и замужніе не имѣютъ права присутствовать на Субботкахъ.

Въ Малороссіи и Бѣлоруссіи, въ уѣздахъ Витебскомъ, Полоцкомъ, Городецкомъ, Суражскомъ, Лѣпельскомъ и Бабиновецкомъ вечеръ, предшествующій Рождеству Христову, называется *Коледою*, сверхъ коей есть еще двѣ Коледы: *Васильевская* или богатая (*), также богатый вечеръ, и *Крещенская* или у б о г а я, постная, что въ Великороссіи извѣстно

(*) Слоб. Украинской губ., въ мою тамъ бытность, вечеромъ подъ Новой Годъ пѣвали не *колядки*, а *щедровки*. *Рдр*.

подъ именемъ сочельниковъ. Тогда въ Малороссіи, изъ пшена сваривъ кутью, ставятъ ее на покути (въ переднемъ углу горницы подъ образами) на столѣ, покрытомъ скатертью, подъ коею настилается сѣно, послѣ раздаваемое для здоровья скотинѣ домашней. Въ Подольской и Волынской губерніяхъ, какъ и въ Малороссіи, ходятъ молодые люди *коледовать* — пѣть подъ окнами домовъ съ музыкою и съ колокольчикомъ, въ честь праздника или въ честь хозяина, который даетъ колядчикамъ деньги, калачи и водку. Въ Гумбингенскомъ же округѣ тогда, ничего не ѣвши, велятъ обвязывать соломою всѣ плодовитыя деревья, употребляя на то хотя бы по нѣскольку соломинъ.

Авторъ Абевеги Русскихъ суевѣрій приводитъ въ примѣръ слѣдующую старинную колядскую пѣсню:

Виноградье красно, почему спознать:
Что Устиновъ домъ Малафсевича,
Что у его у двора все шелкова трава,
Что у его у двора все серебряный тынъ;
Ворота у него дощатыя,
Подворотчики рыбья зубья;
На дворѣ у него да три терема:
Во первомъ терему да свѣтелъ мѣсяцъ,

Во второмъ терему красно солнышко,
Во третьемъ терему часты звѣзды;
Что свѣтелъ мѣсяцъ, то Устиновъ домъ,
Что красно солнце, то Улита его,
Что часты звѣзды, малы дѣтушки;
Да дай Боже, Устину Малафеевичу,
Съ борзыхъ коней сыновей женить,
Да дай Боже Улитѣ Хавроньевнѣ
Съ высока терема дочерей выдавать.
Подари Государь колядовщиковъ!
Наша коляда ни рубль, ни полтина,
А всего полъалтына.

Въ Украинскомъ Вѣстникѣ 1817 г. въ Апрѣлѣ, Г. Срезневскій приводитъ слѣдующую старинную пѣсню колядскую:

За рѣкою, за быстрою, ой калѵодка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни Калѵодушкѣ;
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ;
Возлѣ его козелъ стоитъ.

При каждомъ стихѣ сей пѣсни, показывающей приготовленіе къ жертвоприношенію, повторяется: *ой каліодка!*

Въ Стоглавѣ обличительно говорится о томъ, что «на вечеріи Р. Х. и Крещенія сходятся мужи и жены и дѣвицы «на ночное плещованіе и на безчинный говоръ и на скаканіе.» Подобный сему примѣръ Кранцъ приводитъ въ своей Saxonia, что въ Галберштадскомъ округѣ въ деревнѣ Шолбекѣ юноши и мужи съ женщинами въ безчинныхъ плaскахъ и съ крикомъ пьяные проводили навечеріе Р. Х. на погостѣ С. Магна.

Въ Кормчей, Номоканонахъ, въ Стоглавѣ, въ Духовномъ Регламентѣ и Пастырскихъ Посланіяхъ обличаются гаданія и суевѣрныя примѣты, какія бываютъ въ Россіи о Святкахъ, какъ языческіе обычаи. Съ нашимъ гаданіемъ святошнымъ было сходное у древнихъ Грековъ *κληδὼν*, которое имѣло также предметомъ брачную судьбу. Собравшіяся Гречанки клали въ сосудъ съ водою свои кольцы, перстни, или монеты, кои потомъ, при пѣніи загадочныхъ пѣсень, вынимали изъ сосуда, и при какой чей перстень вынется, то и сбудется. По свидѣтельству Соннерата, у Индѣйцевъ въ Январѣ бываетъ праздникъ Перунъ-Понголъ, въ которой варя пшено съ молокомъ, по кипѣнію его гадаютъ о

будущемъ (*). Это сходствуетъ съ Малороссійскою кутьею, о коей мы сказали.

Чтожъ касается до переодѣванія въ разные виды; то объ немъ въ Кормчей гл. 17 говорится слѣдующее: «Да отвержены будутъ отъ вѣрныхъ житія и «врумаліа и коланды и плясанія, яже на «почесть богомъ и комическая и сатир«ская и козляя лица.» Въ толкованіи на сіе правило сказано: «Св. отцы не «повелѣваютъ мужемъ облачатися въ жен«скія ризы, ни женамъ въ мужескія, еже «творятъ на праздникъ Діонисовъ пляшу«ще; ни лицъ же косматыхъ возлагати на «ся, ни козлихъ, ни сатирскихъ. Косма«тая оубо лица суть наруганіе нѣкимъ «оухищрена; козляя же, яко жалостна и «на плачь подвизающе.» — Такое запрещеніе Кормчей основано на словахъ Св. Писанія, гдѣ во Второз. XXII, 5, именно предписано: *Да не будетъ утварь мужеска на женѣ, ни да облачится мужъ въ ризу женску: яко мерзость есть Господеви Богу твоему всякъ творяй сія.* — Въ Номоканонѣ, напечатанномъ въ Кіевѣ 1624 г., на стр.

(*) Voyages aux Indes orientales et à la Chine par Sonnerat. t. I, p. 240.

36, о семъ же предметѣ упоминается слѣдующее: «Нынѣ Хрістіанскія дѣти сія «творятъ: въ одежду женскую мужіе облачатся и жены въ мужескую; или наличники, яко же въ странахъ Латинскихъ «злѣ обыкоша, творятъ, различныя лица «себѣ притворяюще.» — Въ поученіи Архіепіскопа Луки, XII вѣка (*), запрещается *москолоудство имѣти*. По мнѣнію покойнаго Р. Ѳ. Тимковскаго, *москолоудство* происходитъ отъ *моска* вм. маска и *луды* — испещреннаго театральнаго одѣянія, lidux, которое относилось къ народнымъ играмъ тогдашняго времени; а Памва Берында объясняетъ слово *лудъ* глупымъ, безумнымъ. Упоминаемая же въ Патерикѣ *луда на бѣсѣ въ образѣ ляха* означаетъ личину, или маскерадное платье (**). Въ Прологѣ (23 Декабря) личины и хари называются *скуратами*, вѣроятно, отъ Латин. слова scurra, шутъ: отсюда и прозвище убійцы Св. Филиппа Митрополіта — Малюты *Скуратовича*.

(Окончаніе въ слѣд. книж.)

(*) Русскія Достопамятности Ч. I М. 1815. Церков. Словарь П. Алексѣева. М. 1815. 5 Т.

(**) Отсюда вѣроятно и глаголъ *лудить* — *полуда* посуды.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Бабушка. Повѣсть Г. Клаурена.

(Продолженіе.)

И такъ за общественнымъ столомъ, находясь въ обстоятельствахъ довольно затруднительныхъ, я попалъ на счастливую мысль явиться въ Кларенбургѣ подъ чужимъ именемъ; посредствомъ етой мысли весьма удачно уклонился я отъ концертовъ, баловъ и фейерверковъ; узналъ положеніе мѣста; воспользовался случаемъ изъ подъ маски своей тихонько сдѣлать наблюденія надъ семью дѣвушками и надъ прочими обитательницами города.

Я велѣлъ подать себѣ перо съ чернилицей; написалъ отъ своего имени къ исполнителю завѣщанія, Градскому Совѣтнику Рюдериху; непреодолимыми препятствіями извинялъ предъ нимъ свое продолжительное отсутствіе, и поручилъ благосклонному его расположенію подате-

теля письма, друга моего, господина Тайнаго Секретаря Страгуро; просилъ, чтобы моему повѣренному открыты были всѣ подробности касательно завѣщанія, и обѣщался, по возвращеніи господина Страгуро, когда получу отъ него подробное во всѣхъ частяхъ донесеніе, въ непродолжительномъ времени явиться въ Кларенбургѣ, если окажется, что присутствіе мое тамъ будетъ необходимо. Положивъ письмо въ портфейль, я сѣлъ въ коляску и отправился въ путь свой не съ веселымъ духомъ. Смущеніе усиливалось во мнѣ по мѣрѣ приближенія къ роковому Кларенбургу.

Въ отдаленной долинѣ показались башни города, освѣщаемыя лучами вечерняго солнца. Уже могъ я различать полуосыпавшіеся валы и полуразвалившіяся стѣны: внутри ихъ жила та, которую покойница назначила мнѣ въ сопутницы жизни! Тщетно старался я выдти изъ печальнаго расположенія и освободить душу свою отъ тѣсноты, ее томившей.

«Стой!» закричалъ я почтарю, когда мы, разстояніемъ на полчаса отъ

города, въ одной отмѣнно опрятной и веселой деревенькѣ, ѣхали мимо трактира весьма красивой наружности, осѣненнаго вѣтвистыми деревьями, обставленнаго множествомъ столиковъ и стульевъ, на которыхъ сидѣвшіе гости, по одиначкѣ и цѣлыми семействами, лакомились и освѣжались всякою всячиною: «остановись! я хочу здѣсь отдохнуть и утолить жажду; вели подать и себѣ вина, пива или чего угодно.» Мнѣ должно было выдти изъ коляски и сколько нибудь разгуляться между народомъ; ибо въѣхавши съ такимъ расположеніемъ въ Кларенбургъ, я могъ бы возъимѣть къ нему омерзѣніе на всю жизнь свою.

Почтарь, задобренный моимъ щедрымъ предложеніемъ, прочиталъ похвальное слово особѣ моей передъ трактирнымъ слугою, которой принесъ ему требуемой напитокъ, а лошадямъ связку сѣна; разсказывалъ, какъ славно далъ я на пиво его предмѣстнику, съ какимъ Христіанскимъ терпѣніемъ въ жаркую пору дня сидѣлъ я въ коляскѣ, не думая гнать лошадей, которыя шли себѣ почти шагомъ (чего, правду сказать, я, занятый

мыслями, вовсе не примѣтилъ). Витiйствуя такимъ образомъ, онъ за мое здравiе потягивалъ изъ ковша вино, принесенное слугою.

Между улицей и зеленою въ кругу деревъ площадкою передъ домомъ, гдѣ находились упомянутые выше столы и стулья, была загородка; прислонившись къ ней, стоялъ маленькой, круглой господинъ съ Голландскою въ рукахъ трубкою, почти равной длины съ его ростомъ. Онъ слушалъ прозаическiй умнъ возницы моего, и улыбкою изъявлялъ свое одобренiе; посматривалъ на меня такими взглядами, которые показывали, будто онъ меня знаетъ; обращаясь къ семейству своему, которое сидѣло позади его за столомъ, уставленнымъ виномъ, лимонадомъ и другими снадобьями, и неспуская съ меня глазъ, перешептывался съ нѣкоторыми членами общества. Я былъ въ мучительномъ замѣшательствѣ, ибо видѣлъ, что мое обдуманное инкогнито, отъ котораго ждалъ я послѣдствiй самыхъ благословенныхъ, находится въ большой опасности. Но возможно ли? Здѣсь въ жизнь свою не бывалъ я ни разу; даже отсюда за сто миль, въ столицѣ, гдѣ маленькой

багряной одутикъ могъ когда нибудь меня видѣть, въ послѣднее время провелъ я не больше трехъ мѣсяцевъ; если же толстякъ и дѣйствительно тамъ со мною повстрѣчался какъ нибудь, то я навѣрное теперь могъ бы припомнить себѣ его фигуру; прежде того времени я занятъ былъ должностію по службѣ на противуположной границѣ Имперіи; учился же я въ иностранномъ Университетѣ, и немногіе годы между академическою жизнію и вступленіемъ въ службу употребилъ на путешествіе: изъ столь разнообразныхъ путей своея жизни точно я ни на одномъ не встрѣчался съ етою Бургонско-винною физіономіей, слѣдственно и знать меня она неможетъ.

Я велѣлъ подать себѣ холодную чашу Англійскаго пива, сѣлъ за столикъ спиною къ любопытствующему семейству и болѣе необращалъ на него вниманія. Напротивъ того взоръ мой съ удовольствіемъ носился надъ прочими столами, и я долженъ былъ отдать справедливость вѣрному вкусу ратушнаго копеиста, превозносившаго любезность обитательницъ Кларенбурга; куда ни обращался взоръ мой,

вездѣ находилъ я или пригожую женщину, или прекрасную дѣвицу, такъ что уже и самой городъ, изобилующій такими благородными созданіями Природы, сталъ казаться мнѣ не столько печальнымъ, какъ прежде. Могло статься, что и романтическая внѣшность деревни способствовала къ перемѣнѣ мрачнаго души моей расположенія. Мѣсто передъ домомъ украшено было цвѣтами и кустами чужеземными; фонтаны (ихъ насчиталъ я семь) шумомъ своимъ доставляли отрадное препровожденіе вечерняго времени стаямъ гусей и утокъ, которые плескались на поверхности ихъ бассейновъ; домы вообще были новы и красивой наружности; передъ каждымъ находился маленькой цвѣтникъ; небольшія окна осѣнялись высокими, пестрѣющими кустами; жители деревни обоего пола, которые незаняты были работою въ полѣ, сидѣли передъ дверьми: иная пряла, другой выправлялъ зубцы на серпѣ, третій тоже хлопоталъ около чего нибудь полезнаго въ быту домашнемъ, и всѣ, мущины и женщины, работницы и работники, малой и старой, всѣ были одѣты чисто, опрятно, всѣ однако же носили

черную ленту или черной крепъ, однѣ на чепцѣ, другіе на шляпѣ.

«Что это значитъ?» спросилъ я молодую, пригожую хозяйку, которая принесла ко мнѣ холоднаго пива въ серебряной мисѣ, и также имѣла на чепцѣ своемъ и на бѣломъ платьѣ по черному банту: «мода ли здѣсь такая, или вся деревня ваша носитъ трауръ?»

— Передъ симъ за полгода скончалась владѣлица нашей деревни, госпожа Милльборнъ; — опустивъ глаза, отвѣчала мнѣ хозяйка: она была госпожа предобрая, и мы всѣ ее очень любили. Мы несговаривались надѣть трауръ; поутру старая госпожа скончалась, а послѣ обѣда вдругъ на всѣхъ увидѣли то, что̀ вы теперь на насъ видите. Такихъ добрыхъ, такихъ милыхъ господъ уже намъ не имѣть больше.— Она хотѣла продолжать, но голосъ ея ослабѣлъ; идучи назадъ, непримѣтно утирала она глаза свои.

Я всталъ съ мѣста, не дотронувшись до блестящей чаши; склонился къ загородкѣ, чтобы никто не замѣтилъ слезъ, которыя выступили въ глазахъ моихъ при безъискусственномъ надгроб-

номъ словѣ молодой хозяйки. Мысль, что я нахожусь въ моемъ наслѣдіи, всеобщее сѣтованіе по кончинѣ жены великодушной потрясли мою душу. Никогда здѣсь не бывши, вдругъ нахожу какъ бы свою родину; мнѣ, возростшему безъ братьевъ и безъ сестеръ, всѣ жители деревни съ ихъ простымъ траурнымъ нарядомъ представлялись ближайшими членами моей фамиліи. Еще болѣе предался бы я своимъ печальнымъ и вмѣстѣ сладостнымъ чувствамъ, еслибъ не присутствіе городскихъ посѣтителей. Неумышленно оборачиваюсь къ обществу, принадлежавшему къ маленькому, толстому пагоду: всѣхъ головы протянуты были ко мнѣ; но вдругъ всѣ бросились къ своимъ мѣстамъ, когда я оборотился, и въ то же мгновеніе услышалъ я весьма явственно произнесенныя слова одною дамою, матерью младшихъ, какъ я подумалъ: «Бьюсь объ закладъ, что ето онъ!» сказала дама, продолжая смотрѣть на меня пристально. Тутъ ни за что въ свѣтѣ я не взглянулъ бы опять въ ту сторону: вызовъ побиться объ закладъ очевидно клонился до меня, и я долженъ былъ заключить, что съ кѣмъ-то, извеснымъ ихъ обществу, имѣю пора-

зительное сходство. Въ тотъ же мигъ отвѣчалъ папа̀: «Да вотъ мы разомъ допытаемся.» Всталъ, сдѣлалъ маневръ на проѣзжую дорогу, не покидая своей дымящейся трубки, и атаковалъ моего возницу.

Не смотря на расположеніе духа моего въ сію торжественную минуту, я принужденъ былъ почти въ слухъ засмѣяться при фланговомъ движеніи, которымъ шаровидный вздумалъ обойти правое крыло мое, чтобы отъ простодушнаго почтаря добиться толку. Изъ пантомимы возницы, которой дѣйствовалъ по ту сторону дороги, можно было заключить, что онъ не могъ удовлетворить его желаемымъ открытіемъ. Тогда любопытный повернулся на право кругомъ, выпустилъ густое облако дыму и переваливаясь съ ноги на ногу, взялъ направленіе прямо къ моему центру. Едва ли когда нибудь видѣлъ я такую комическую фигуру: голова составляла пятую часть всего корпуса; лице походило на темнобагряной мѣсяцъ во всей полнотѣ сего свѣтила; углы рта примыкали къ ушамъ величины почти необыкновенной; точно такого же размѣра былъ и носъ, сплюс-

нутый, набитый табачнымъ зельемъ; волосы, вздувшіеся на головѣ отъ множества пудры и помады, оканчивались назади толстымъ пучкомъ старомоднымъ; глаза чуть видны; особа малорослаго толстяка обернута была въ отлетной фракъ шелковый, сѣро-пепеловаго цвѣта съ бѣлыми полосами, и вложена въ бѣлое исподнее платье и камзолъ, въ разныхъ мѣстахъ промокшіе отъ поту; ноги спрятаны были въ лоснящіяся ботфорты съ большими серебряными шпорами.

«Прошу извинить!» прокряхтѣлъ онъ ко мнѣ съ веселой улыбкою: «не изъ столицы ли ваша милость?»

Я подтвердилъ мысль его учтивою уклонкой и стиснулъ зубы, чтобъ удержаться отъ смѣха.

«Не обогналиль ваша милость одного молодаго господина, ѣдущаго также изъ столицы, и, какъ навѣрное полагать должно, также на екстрапочтовыхъ, съ часу на часъ нами ожидаемаго?» Я не успѣлъ еще собраться съ духомъ, чтобъ отвѣчать, какъ вдругъ мой вопрошатель, давно искавшій повода вступить въ раз-

говоръ со мною, пустился разсказывать, что уже въ третій разъ на текущей недѣлѣ ежедневно пріѣзжають они сюда въ Герцфельде, дабы надлежащимъ образомъ встрѣтить наслѣдника госпожи Мильборнъ, о которой упоминала хозяйка; что ожидаемый гость есть Совѣтникъ Правленія Блумъ, котораго они почитаютъ своимъ, такъ сказать, семьяниномъ, потому что жили въ тѣсной дружбѣ съ покойною госпожею Мильборнъ, душа въ душу, какъ говорится. «Вы знаете,» продолжалъ онъ съ какою-то особою ухваткою лукавства и съ такою улыбкой, что оба угла рта почти сошлись назади подъ пучкомъ, а глаза совсѣмъ исчезли: «вѣроятно, вы знаете нашего добраго Совѣтника Правленія, и слѣдственно можете дать намъ достовѣрное извѣстіе о времени его сюда прибытія.»

Не льзя мнѣ было сказать, что не знаю Блума, когда уже я рѣшился выступить на другой день въ качествѣ своего повѣреннаго. Вотъ я и объявилъ, что не только лично знакомъ съ господиномъ Совѣтникомъ Правленія, но имѣю честь принадлежать къ числу короткихъ друзей

его; прибавилъ, что онъ самъ скоро пріѣдетъ, если не встрѣтятся какія нибудь важныя препятства.

Маленькой, сѣро-бѣлой полосатикъ сгорбился, принялъ положеніе лягушки, которая сбирается перепрыгнуть через ямку, шагнулъ подъ перекладиною загородки (при семъ движеніи Голландская трубка его разбилась въ дребезги), обхватилъ меня обѣими руками, началъ увѣрять въ неизъяснимой своей радости, что имѣетъ случай познакомиться съ другомъ господина Совѣтника Правленія; представилъ меня своему семейству, требовалъ, чтобъ я расположился за одимъ столомъ съ ними; самъ перенесъ мою чашу съ пивомъ; приказывалъ своей Динушкѣ наливать; рекомендовался мнѣ въ званіи Ревизора податей со скотины, подъ именемъ Цвикера; въ безостановочномъ стремленіи говорливости разсказывалъ все, чѣмъ онъ самъ, жена и дѣти его обязаны покойной госпожѣ Мильборнъ; наконецъ приглашалъ меня жить съ нимъ вмѣстѣ во все время пребыванія моего въ Кларенбургѣ и просилъ почитать домъ его своимъ собственнымъ.

Напуганный неутомимымъ болтовствомъ и нечистымъ усердіемъ Сандлера, я учтиво отклонилъ всѣ предложенія; но папа̀ Цвикеръ продолжалъ, ни на что не взирая: «Нѣтъ, я вовѣки не простилъ бы себѣ, допустивши, чтобъ вы, ближайшій другъ нашего любезнаго Совѣтника Правленія, остановились въ другомъ мѣстѣ. Старая Госпожа Мильборнъ . . . говорю прямо, ибо мнѣ тутъ нѐчего стыдиться. Вступивши въ службу и получивъ мѣсто Визитатора акцизныхъ сборовъ, я былъ, что называется, голъ какъ соколъ; да и послѣ, уже въ званіи Инспектора надъ воротами, мнѣ съ дюжиною, безъ одного, живыхъ дѣтей житье было самое плохое; жалованье скудное, а отъ нашихъ Кларенбургскихъ купцовъ поживиться чѣмъ нибудь было слишкомъ трудновато; извѣстно, что дружась съ начальниками, етотъ народъ мало смотритъ на нашу братью, должностныхъ чиновниковъ. Все пошло иначе, какъ скоро покойная госпожа Мильборнъ узнала о тѣсныхъ обстоятельствахъ моего семейства: каждую недѣлю приходилъ къ намъ возъ, нагруженный съѣстными припасами; на себя взяла платить за ученье въ шко-

лѣ моихъ ребятишекъ, а передъ святками всѣ они отъ мала до велика получали по новому платью. И мѣстомъ Брандтмейстера при главной трубѣ ратушной обязанъ я единственно ея предстательству: должность трудная, ибо горитъ ли днемъ или ночью, а на пожарѣ быть должно] непремѣнно, да и грудь надобна самая здоровая, чтобъ управлять пожарнымъ народомъ: но за то уже и сто талеровъ не бездѣлица; сверхъ того каждой разъ отсчитывается мнѣ по двадцати талеровъ, если съ трубою своею прискакалъ на пожаръ я не послѣдній: пособіе изрядное, особливо въ наше время, когда, благодареніе Всевышнему, грѣшно было бы намъ пожаловаться на недостатокъ въ пожарахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ досталось мнѣ доходное ревизорское мѣсто, хотя покойная Мильборнъ и перестала подавать прежнюю помощь; однакожъ дѣтей все таки незабывала по старому. Но пачѐ всѣхъ полюбила она Бернардину и полюбила, такъ сказать, до безумія: въ продолженіе трехъ лѣтъ дочка моя должна была жить у нее по цѣлымъ недѣлямъ, и — ей же, ей нелгу! — для нея не житье было тамъ, а масляница. Всего вдоволь, чегобъ только

душа ни пожелала; и учителямъ платить деньги не скупилась покойница. Ну, признаться, издержки не брошены даромъ: въ глаза могу сказать своей дочери, что не будетъ несчастливъ тотъ, кому Господь опредѣлилъ быть ея супругомъ. Я вамъ откроюсь amice,» продолжалъ онъ, принявъ тонъ искренней довѣренности, соскочилъ внизъ со стула, и даннымъ знакомъ отвелъ меня немного въ сторону: «долженъ вамъ признаться, что покойная старуха съ нашей Динушкою in puncto puncti, кажется, имѣла какіе-то особливые планы; откройтесь и вы подружески: вѣдь нашъ доброй Блумъ еще непопался въ сѣти супружества?»

— Стало, вы думаете .... началъ было я въ замѣшательствѣ.

«Я ничего не думаю,» отвѣчалъ онъ, еще болѣе понизивъ голосъ, «а говорю только, что ежели дорогой нашъ Совѣтникъ Правленія, въ столицѣ ли, или гдѣ бы то ни было, еще не вступилъ въ бракъ; то могу васъ увѣрить, что старуха даже во гробѣ встрепенулась бы отъ радости, когда бы онъ ... Ну, да чего тутъ? вы другъ его и пріятель старинный: узнаете нашу

Динушку, и сами скажете, выражусь метафорически, что наше деревцо зазеленѣетъ и расцвѣтетъ, лишь бы только привязать его къ етой тычинкѣ. Разумѣется, что у многихъ въ нашемъ городѣ на умѣ тѣже мысли; но вѣдь кто первой успѣлъ, тотъ и правъ. Потому-то, сами видите, я всякой день и сижу здѣсь въ Герцфелдѣ, какъ гвоздёмъ приколоченный къ мѣсту, дожидаясь его прибытія. Намъ нужно только, чтобъ онъ лишь увидѣлъ Динушку; а тамъ, увѣренъ я, другая уже ему никакъ не полюбится. Онъ долженъ будетъ у насъ жить на квартирѣ; мы наложимъ арестъ на его особу (понимаете ли?) единственно изъ чистой благодарности къ покойной бабушкѣ. Во всѣхъ прочихъ поднимется желчь отъ досады; но намъ какая до нихъ нужда? Пускай себѣ ждутъ его приѣзда и его визитовъ; а тутъ удалой Ревизоръ повернулъ умомъ-разумомъ — и дѣло въ шляпѣ!»

Стало быть и Бернардина! потому-то она перемѣнилась въ лицѣ, когда рѣчь дошла до Совѣтника Правленія Блума; потому-то овладѣло ею замѣшательство, и

отвѣты ея состояли изъ словъ односложныхъ; потому-что она дрожала, когда, по приказанію отца, предлагала мнѣ пиво; потому-что немогла держать прямо тарелки въ рукахъ своихъ!

Не льзя сказать, чтобъ она была дурна собою. Если оставить въ сторону ротъ, съ прочими частями головы нѣсколько несоразмѣрный своей величиною (родительское наслѣдіе!); то въ чертахъ лица ея найдется много умнаго, и самое замѣшательство дѣвическое, котораго причина мнѣ уже извѣстна, было ни мало нелишнимъ въ ея особѣ. Но хотя бы, при дальнѣйшемъ знакомствѣ, я успѣлъ открыть въ ней новыя прелести — отецъ, скотной ревизоръ, не далъ бы мнѣ забыться ни на минуту. Онъ возвратился къ столу, за которымъ сидѣло его семейство, и я изумленъ былъ самымъ непріятнымъ образомъ, когда замѣтилъ, что оставшееся въ чашѣ пиво, въ наше отсутствіе, осушено было дочиста, вѣроятно младшими членани достопочтенной Цвикеровской фамиліи.

Такая черта жаднаго лакомства и наглости разстроила меня совершенно, и я

благодарилъ моего Создателя, что въ ту самую минуту пришедшій почтарь напомнилъ мнѣ о порѣ ѣхать далѣе и объ отвѣтственности его передъ почтмейстеромъ за отсутствіе слишкомъ продолжительное. Тутъ Цвикеръ мой вывелъ изъ за стола младшую половину родной своей челяди; изъявилъ свое желаніе, чтобы Динушка помѣстилась со мною въ коляскѣ для указанія почтарю улицы и дома, и жестоко вознегодовалъ, когда я руками и ногами уперся противъ его неотступнаго домогательства. Онъ оштрафовалъ парою бранныхъ словъ Бернардину за ея неповоротливость, именно за то, что она своею прозьбою не подкрѣпила его предложенія, и скрылъ свою досаду, когда послушная дочь, къ великой моей радости, не отворяя рта, единственно убѣждающимъ взоромъ содѣйствовала отцу склонить меня къ тому, чтобы я остановился въ ихъ домѣ. Наконецъ и дорогой Цвикеръ перемѣнилъ мысли, когда я, отведши его въ сторону, напомнилъ, что онъ самъ хотѣлъ предложить домъ свой общему нашему другу Блуму, что Совѣтникъ Правленія долженъ пріѣхать въ непродолжительномъ времени, и что въ такомъ случаѣ намъ обо-

имъ жить у него будетъ тѣсновато. Цвикеръ пересталъ мучить меня своимъ расчетливымъ гостепріимствомъ, видя непоколебимую рѣшительность мою расположиться въ гостинницѣ, и требовалъ только чтобы я прямо ѣхалъ къ вывѣскѣ Быка золотаго. Узнавши, что почтарь мой предлагалъ мнѣ квартиру подъ вывѣскою Синяго Ангела, Цвикеръ съ жаромъ доказывать началъ, что всѣ почтари подкуплены содержателемъ гостинницы Синяго Ангела; стоялъ горою за Быка золотаго; увѣрялъ, что трактиръ етотъ находится въ десяти шагахъ отъ его дома, что онъ самъ ежедневно просиживаетъ тамъ вечера̀ за бутылкою, что содержатель человѣкъ самой честной, что въ гостинницѣ Синяго Ангела уже и для хозяйской дочери никакъ не совѣтовалъ бы онъ останавливаться молодому путешественнику.

Декламируя со всею живостію пламеннаго актера, онъ нѣсколько разъ давалъ знать глазами Бернардинѣ, чтобъ сбирала со стола и прятала. Сперва дочь не понимала, или притворялась, будто не понимаетъ; но какъ скоро онъ изъявилъ

ей внутреннюю досаду свою суровыми взглядами, сверкнувшими подобно молніи изъ маленькихъ его глазокъ — Бернардина въ то же мгновеніе принялась подбирать на столѣ оставшіеся куски сахару, пирога и нѣсколько сливъ желтыхъ; все проворно клала она въ сафьянной мѣшокъ свой къ чулошнымъ игламъ съ нитками, между тѣмъ какъ любезной папà заслонилъ флангъ ея широкою своей фигурою, чтобы маркеръ или хозяйка дома незамѣтили маневра слишкомъ неделикатнаго. Надобно думать, что онъ прочиталъ на лицѣ моемъ нестерпимое неудовольствіе, овладѣвшее мною при столь отвратительной сценѣ: улыбаясь, хвалилъ онъ хозяйственность Динушки; увѣрялъ, что для будущей хорошей домоводки главное правило — не бросать ничего попустому, и что богатая госпожа Мильборнъ, которая посредствомъ сего правила такъ хорошо умѣла превращать пфенниги въ луидоры, не лѣнилась подбирать даже брошенныхъ на полъ недогорѣвшихъ лоскутковъ бумаги, чтобы только не починать цѣлаго листка, когда кто нибудь изъ гостей ея хотѣлъ закурить трубку.

Сѣвши въ коляску, я началъ дышать свободно. — И Бернардина прочь изъ списка! Ни за какія пріятности въ свѣтѣ не могъ бы я забыть скрытнаго подбиранья оставшихся крохъ со стола хозяйскаго. Правда, она исполнила приказъ отцовскій; но развѣ должна была исполнять его? Никогда не могъ бы я имѣть довѣрія къ такой подругѣ; власть родительская не перестала бы дѣйствовать на умъ ея, на правила, и наконецъ меня самаго запрятали бы въ ридикюль женскій. Если добрая моя бабка въ самомъ дѣлѣ имѣла въ виду союзъ мой съ Бернардиною; то вѣрно уже ей неизвѣстно было то направленіе, которое отецъ даетъ склонностямъ своей дочери. Знаю, что грѣха въ томъ нѣтъ никакого: за все спрятанное въ мѣшокъ заплачены деньги; никакой несправедливости несдѣлано; и скупость не была причиною осуждаемаго поступка, ибо остатки лакомства нестоили двухъ грошей — но главное тутъ неделикатность, а въ дѣвицѣ она по моему мнѣнію есть порокъ, порокъ тѣмъ болѣе несносный въ глазахъ моихъ, чѣмъ явственнѣе представляю себѣ всѣ возможныя послѣдствія. Притомъ же, дорогой тестюшка,

ревизоръ надъ скотиною! Съ какою неутомимою, съ какою систематическою наглостію ввязывался бы онъ и въ плѣнительное Герцфельде и во все наслѣдство, оставшееся послѣ госпожи Мильборнъ! Нѣтъ, Динушка исключается изъ списка.

Городоваго поручика Лотушка давно уже получила свой абшидъ; Адель, искусница облизывать губки, — тупоносочка Прокофьевна, — издали плѣняющая Юлинька — однимъ словомъ, всѣ уже и по сдѣланному описанію для меня ни мало непривлекательны. Мнѣ однакожъ извѣстны только пять; послѣднихъ двухъ изъ семи чудесъ Кларенбургскаго дѣвическаго міра, полагалъ я, вѣроятно никогда неузнаю, ибо я принялъ твердое и непреложное намѣреніе не освѣдомляться объ нихъ ни у одного человѣка.

(Будетъ продолженіе.)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Взглядъ на торговлю Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

(Изъ Вардена.)

Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты въ короткое время оказали удивительные успѣхи въ торговлѣ и мореплаваніи. Превосходныя гавани, большіе заливы и множество судоходныхъ рѣкъ не мало способствуютъ распространенію и успѣхамъ ихъ промышленности купеческой; притомъ же дѣла торговыя и мореходныя производятся здѣсь гораздо поспѣшнѣе и съ меньшими издержками, нежели въ другихъ странахъ: ибо нагрузка и выгрузка кораблей оканчивается весьма скоро, а товары позволяется безъ всякой пошлины развозить во всѣ области республики.

Моряки Соединенныхъ Штатовъ весьма проворны и предпріимчивы. Китовые промышленники, неимѣя никакихъ, или по крайней мѣрѣ имѣя очень мало свѣдѣній о

морскихъ путяхъ, направленіи вѣтровъ, приливахъ и различныхъ портахъ, развѣдали всѣ берега и, къ удивленію самихъ Европейцевъ, совершали плаваніе свое скорѣе нежели самые опытные кормчіе.

Война, продолжавшаяся въ Европѣ съ 1802 до 1812 года, содѣлала Американцевъ коммиссіонерами всего почти коммерческаго свѣта, доставляя имъ барыша по 10 процентовъ со всѣхъ капиталовъ; сверхъ сего получали они еще 5 процентовъ отъ курса, и такимъ образомъ иностранная торговля доставляла имъ прибыли 15 процентовъ. Изъ произведеній Соединенныхъ Штатовъ особенно отпускаются за границу: мука, маисъ, хлопчатая бумага, льняное сѣмя, табакъ, строевой лѣсъ, дубовыя доски, поташъ, соленая рыба и разныя произведенія животныхъ; а изъ иностранныхъ отправляютъ оттуда: сахаръ, кофе, хлопчатую бумагу, какао, индиго, перецъ и другіе колоніальные товары. Изъ отечественныхъ произведеній до послѣдней войны (1813) почти половина шла въ Англію, осьмая часть во Францію, а десятая въ Испанію. Изъ иностранныхъ товаровъ третья доля отпускалась во

Францію, одна четвертая въ Испанію, одна седьмая въ Великобританію и столько же въ города Ганзейскіе.

Изъ привозныхъ товаровъ, потребляемыхъ въ Американскихъ Штатахъ, половина была произведеніемъ Англійскихъ мануфактуръ, какъ-то: шерстяныя, полотняныя, пеньковыя, шелковыя, желѣзныя, стальныя, мѣдныя, фаянсовыя, стеклянныя и другія издѣлія.

Въ 1815 заключенъ на четыре года между Соединенными Штатами и Великобританіей торговый договоръ, по которому обѣ Державы пользовались совершенно свободою торговли, за ввозъ и вывозъ товаровъ платя пошлины, установленныя для всѣхъ дружественныхъ Державъ; по тому же трактату дозволено Американскимъ кораблямъ производить торговлю съ Восточною Индіею, на томъ же основаніи, какъ и другія дружественныя націи. Однако же торговля между Сѣверо-Американскими Штатами и Англійскими колоніями воспрещена; равно какъ и совершенно уничтожена данная Американцамъ по мирному договору 1783 года при-

вилегія заниматься рыбнымъ промысломъ во владѣніяхъ Англійскихъ.

По акту Конгресса Соединенныхъ Штатовъ 1817 года запрещается изъ иностранныхъ портовъ привозить товары на другихъ корабляхъ, кромѣ принадлежащихъ самимъ Штатамъ или подданнымъ того Государства, коего оные товары сутѣ произведеніе земледѣлія и промышленности.

Входъ въ гавани Соединенныхъ Штатовъ запертъ для кораблей, принадлежащихъ вполнѣ или отчасти подданнымъ Короля Англійскаго и прибывшихъ изъ такихъ портовъ, въ которые по навигаціонному акту недопускаются корабли Американскіе. Таковые же корабли немогутъ выйти изъ Штатовъ, съ грузомъ отечественныхъ товаровъ, не представивъ обезпеченія въ томъ, что товары сіи не будутъ отправлены въ такіе порты, куда не допускаются корабли Американскіе.

Для споспѣшествованія внутренней торговлѣ приняты благоразумныя и надежныя мѣры. Множество рѣкъ, пересѣкая области въ разныхъ направленіяхъ, впада-

ютъ въ Океанъ и озера и весьма много способствуютъ торговлѣ. Южные и Восточные Штаты производятъ безпрерывную мѣну товаровъ. Восточные доставляютъ ромъ, спирты; сушеную рыбу, Европейскіе товары и т. д.; а въ замѣнъ того получаютъ отъ Южныхъ: маисъ, хлѣбъ, хлопчатую бумагу и табакъ.

Соединенные Штаты производятъ значительную торговлю съ разными Индѣйскими племенами, стараясь чрезъ то сохранить съ ними дружбу и распространить между ними выгоды образованія.

Главное правленіе Индѣйской торговли, находясь въ Джорджь-Таунѣ, имѣетъ сношеніе съ семнадцатью Агентами, пребывающими на озерахъ, на Миссисипи и Миссури. Индѣйцы доставляютъ кожи буйволовыя, лосевыя, дикихъ козъ, бобровыя, сало, свѣчи и другія свои издѣлія, и за то получаютъ толстое сукно, серебряныя и мѣдныя украшенія, ружья, порохъ, пули, разныя галантерейныя вещи (*). Торговыя сношенія съ Китаемъ

(*) Отпускъ товаровъ на С. З. берегъ Америки въ 1811 составлялъ сумму 115,400 долларовъ.

также довольно важны. Въ 1817 году изъ Китая въ Соединенные Штаты вывезено на Американскихъ корабляхъ разныхъ товаровъ на 6,900,000, а на Англійскихъ на 5,900,000 долларовъ. Главныя статьи вывоза были: чай (*), шелкъ, нанки, фарфоръ, лѣкарственныя растѣнія и киноварь. Въ замѣну сихъ товаровъ изъ Соединенныхъ Штатовъ отправлены въ Китай: доллары, опіумъ, джинъ-джинъ, сандалъ, мѣха, кожи съ С. В. береговъ и ртуть изъ Тріеста.

Н. Пельтъ.

1828 Года.

(*) Количество привознаго чая въ иные годы простиралось отъ 4 до 8 и даже до 11 милліоновъ фунтовъ.

Объ Англійскомъ Обществѣ для обращенія Евреевъ къ Христіанской вѣрѣ.

(Извлеченіе изъ годичнаго отчета, читаннаго въ Шефильдѣ.)

Ежегодный доходъ Общества состоялъ въ послѣднее время изъ 13,193 фунтовъ стерлинговъ. Духъ Христіанства примѣтно распространяется между Евреями. Издаваемый для сего, по распоряженію Общества, журналъ, соотвѣтствующій предположенной цѣли, читается ими. Мущины и женщины постоянно посѣщаютъ мѣста, гдѣ преподается имъ ученіе въ первые воскресные дни и четверги каждаго мѣсяца. Въ Плеймутѣ главный ораторъ сунагоги при многочисленномъ собраніи народа принялъ Христіанскую вѣру въ одной изъ тамошнихъ приходскихъ церквей. Жена его въ скоромъ времени послѣдовала примѣру мужа. Такимъ же образомъ еще два Еврея крестились, одинъ въ Екзетерѣ, другой въ Бристолѣ. Училища, зависящія отъ распоряженій Общества, находятся въ цвѣтущемъ состояніи. Въ продолженіе года принято было девять мальчиковъ

и одиннадцать дѣвочекъ. Семеро изъ числа первыхъ отдано учиться ремесламъ; столько же дѣвочекъ поступило въ услуженіе къ Христіанамъ.

Хорошее поведеніе новообращаемыхъ Евреевъ соотвѣтствуетъ ожиданію Общества. — Въ училищахъ всего на все считалось 38 мальчиковъ и 48 дѣвочекъ. Общество послало за границу слишкомъ 10,000 екземпляровъ Священнаго Писанія и 400 Выписокъ изъ Библіи. Пущено въ оборотъ 31,000 томовъ съ выписками изъ книгъ духовныхъ и 19,000 сочиненій на языкахъ Еврейскомъ и Нѣмецкомъ, неполагая въ сіе число 15,000 екземпляровъ, напечатанныхъ на иждивеніи Общества и розданныхъ отъ него въ Голландіи и въ Германіи. Печатается новое изданіе обоихъ Завѣтовъ на Еврейскомъ языкѣ. Сдѣлано начало переложенія Ветхаго Завѣта на нарѣчіе Польскихъ Евреевъ. Такимъ образомъ Священное Писаніе распространится между 500,000 Евреевъ и Евреекъ Польскихъ. Жалуется Общество на недостатокъ въ потребномъ числѣ миссіонаріевъ и молитъ Бога Израилева даровать ему способныхъ и ревностныхъ проповѣдни-

ковъ. Изъ заграничныхъ донесеній оказалось, что г. Тетвель, доколѣ позволяло ему здоровье, вмѣстѣ съ г-ми Стокфильдомъ и Черекеромъ, усердно трудился надъ обращеніемъ Евреевъ въ Амстердамѣ. Грубое невѣжество, въ какомъ коснѣютъ Жиды Голландскіе, служитъ великимъ препятствомъ успѣхамъ обращенія. Замѣтить должно, что тамъ господствуетъ холодность къ религіи, и что она принадлежитъ къ отличительнымъ признакамъ Евреевъ. Со всѣмъ тѣмъ, каждый изъ Жидовъ Голландскихъ, принявъ Христіанскую вѣру (хотя это случается и рѣдко), отъ чистаго сердца и постоянно исповѣдуетъ новое ученіе. — Г. Банга, находящійся въ Базелѣ миссіонарій, особенно старался собрать потребныя свѣдѣнія о Евреяхъ, живущихъ во Франціи, Швейцаріи, Германіи. — Онъ изображаетъ Жидовъ Алзацскихъ и большую часть изъ обитающихъ въ южной Германіи совершенными невѣждами, преданными предразсудкамъ и суевѣрію; замѣчаетъ впрочемъ, что въ Базелѣ Жиды, по собственному побужденію, учредили училище; увѣдомляетъ, что большая часть Жидовъ Страсбургскихъ расположена присоединиться къ Церкви

Хрістовой. — Во время послѣдней войны г. Смитъ, путешествуя по Германіи и Пруссіи, роздалъ множество книгъ духовнаго содержанія. Старанія его, какъ видно, увѣнчаны желаемымъ успѣхомъ. Невѣжество и предразсудки Жидовъ, равно въ упомянутыхъ земляхъ, какъ и въ другихъ странахъ свѣта, суть главная преграда обращенію ихъ въ Хрістіанство; однакожъ они вообще желаютъ образованія для дѣтей своихъ и съ благодарностію принимаютъ вручаемыя имъ книги; но жизнь самыхъ Хрістіанъ, несоотвѣтствующая правиламъ благочестія, много препятствуетъ успѣхамъ истины. — Е. В. Король Прусскій постоянно покровительствуетъ Обществу, съ такою же цѣлью учрежденному въ Берлинѣ. Въ минувшемъ году болѣе ста Евреевъ окрестилось. Съ неменьшимъ стараніемъ дѣйствовалъ Англійскій Агентъ, г. Геноесъ. Ему дозволено было произнести въ сунагогѣ слово, которое сдѣлало сильное впечатлѣніе въ слушателяхъ. Два Раввина, недавно окрещенные въ Ирландіи, отправлены въ Польшу для обращенія Евреевъ. Посланные къ берегамъ Средиземнаго моря ревностно исполняютъ долгъ свой, не смотря на тысячу препятствъ,

встрѣчаемыхъ ими какъ со стороны хладныхъ къ религіи Жидовъ, такъ и отъ вольнодумства Хрістіанъ неблагоразумныхъ. — Извѣстія изъ Мадраса, Палестины, Сvріи очень удовлетворительны.

(*Изъ Dr. bl.*)

СМѢСЬ.

Мысли Карпинскаго.

(Между бумагами знаменитаго Поэта Польскаго осталось собраніе отдѣльныхъ мыслей, неимѣющихъ никакой взаимной связи между собою. Оказалось, что авторъ готовилъ ихъ съ намѣреніемъ помѣстить въ разговоры между древними мудрецами. Нѣсколько такихъ разговоровъ онъ успѣлъ кончить; для другихъ приготовилъ матеріалы. Предлагаемъ нѣкоторыя мысли Карпинскаго, собранныя имъ для разговора о супружествѣ.)

Венера не одна: первая безъ матери — небесная: отъ нея любовь чистая; у другой мать удовольствіе: эта земная.

Истинная любовь никогда не была продажною.

Ухо, не око, должно̀ выбирать супругу.

Стараясь достать жену, ты стараешься о счастіи въ жизни. И какъ же надобно всматриваться въ свою будущую подругу, чтобы не попасть на несчастье!

Входъ къ супружеству устланъ цвѣтами; но переступивши за порогъ, часто находимъ волчецъ и терніе. Сторонніе хотѣли бы жить тамъ; а хозяинъ иногда радъ бы спасаться бѣгствомъ.

Если будущая жена твоя скромна, если имѣетъ склонность къ домашнему хозяйству и отвращеніе отъ большаго свѣта, если будетъ не любовницею твоей только, но и другомъ: тогда женитьба твоя счастлива.

Тотъ не любитъ ни одной женщины искренно, кто любитъ болѣе, чѣмъ одну.

Великое зло на землѣ чужеложникъ, ищущій собственнаго удовольствія во злѣ ближняго; но большою опасностію пріобрѣтаетъ онъ удовольствіе кратковременное.

Прекраснѣйшей женщинѣ всего легче быть добродѣтельною.

Несправедливо называютъ Ѳеону прекрасною Авророй: она просыпается въ полдень.

Ксантиппа дома (говаривалъ Сократъ) учитъ меня терпѣнію, которое долженъ я имѣть, обращаясь съ людьми внѣ дома.

Золото испытуютъ огнемъ, женщину золотомъ, а мущину женщиною.

Геркулесъ не могъ преодолѣть тринадцатаго подвига — не успокоилъ жены своей.

Въ супружескомъ быту часто родятся прежде огорченія, нежели дѣти.

Мало ли есть женъ, которыя отдали бы жизнь мужа своего за жизнь птички, или собачки любимой!

(Съ Польск.)

Политическія и другія происшествія.

Португаллія.

Въ Палатѣ Перовъ 9 Января былъ прочитанъ отвѣтъ Инфанта Дона Мигуеля на поздравительный адрессъ по случаю обрученія Его Высочества съ Королевою Донною Маріею II. Въ от-

вѣтѣ написано между прочимъ: «Сей счастливый союзъ, который, какъ вы благоразумно упомянули въ своемъ адрессѣ, оставляетъ неприкосновенными законы Монархіи, сохраняя навсегда Королевскую власть Августѣйшей Браганцской фамиліи, совершаетъ отеческія намѣренія моего Августѣйшаго брата и Государя, и также мои собственныя; онъ, при помощи Всевышняго, утвердитъ спокойствіе въ Королевствѣ и благоденствіе Португальской націи.»

Испанія.

По извѣстіямъ изъ Барцелоны отъ 12 Января, Дворъ еще на нѣкоторое время останется въ упомянутомъ городѣ, по причинѣ болѣзни Его Величества.

— Въ продолженіе нѣсколькихъ дней носился слухъ о приготовляемомъ всеобщемъ прощеніи, подъ которое подойдутъ люди всѣхъ партій и всѣхъ мнѣній съ 1808 года, за исключеніемъ только осми лицъ. Предположеніе о семъ, какъ говорили, было уже принято въ Кастильскомъ совѣтѣ большинствомъ 9 голосовъ противу 7. Послѣ оказалось, какъ увѣряютъ, что Верховный Трибуналъ, отъ котораго потребовано было мнѣніе, призналъ мѣру сію неполитическою и пагубною.

— Въ воздаяніе вѣрности и преданности, оказанныхъ къ особѣ и Дому Его В-ва городомъ Валенціею, Король пожаловалъ оному титулъ Превосходительнаго.

— Разбои и грабительства все еще не прекратились. Легкая почта между Барцелоною и

Мадритомъ ограблена была трижды сряду разбойниками. У одного Посланника похитили они багажъ и бумаги. Шайки безчинствуютъ въ окрестностяхъ Вича, Реуса, Таррагоны, Кардоны и Олота.

Франція.

Повелѣніемъ отъ 17го Января (н. с.) Г. де Ко наименованъ Министромъ Статсъ-Секретаремъ военныхъ силъ съ предоставленіемъ ему всѣхъ обязанностей и правъ, сопряженныхъ съ званіемъ военнаго Министра, кромѣ представленій касательно замѣщенія должностей въ арміи. Право сіе остается при Дофинѣ.

— Генералъ Графъ Гильемино, по прибытіи своемъ въ Тулонъ на фрегатѣ Юнонѣ, получилъ приказаніе воротиться въ Корфу и не отлучаться отъ Россійскаго и Англійскаго Пословъ при Портѣ Оттоманской.

— По полученнымъ въ Гаврѣ письмамъ изъ Фернамбука, отъ 16го Декабря (н. с.), война между Бразиліею и Буеносъ-Айресомъ продолжается съ великимъ упорствомъ, и торговля терпитъ отъ сего чрезвычайно.

Италія.

По извѣстіямъ изъ Рима, Президентъ Греческаго Правительства, Графъ Каподистрія, 28 Декабря (н. с.) сѣлъ въ Анконѣ на Англійскій фрегатъ для отплытія въ Грецію. На кораблѣ тотчасъ подняли Греческій флагъ и салютовали ему 21-пушечнымъ выстрѣломъ.

— Учрежденная въ Римѣ слѣдственная Коммиссія открыла многихъ злодѣевъ и негодяевъ, съ давняго времени причинявшихъ ужасные безпорядки. Между виновными нашлись люди, принадлежащіе къ почтеннымъ фамиліямъ. Святый Отецъ повелѣлъ подвергнуть всей строгости законовъ единственно главныхъ злодѣевъ и начальниковъ скопищь. Носились слухи о новыхъ злонамѣренныхъ дѣйствіяхъ карбонаровъ въ Неаполѣ, особливо же на островѣ Сициліи.

Англія.

Въ придворной Газетѣ 25 Января увѣдомляютъ объ утвержденіи новаго Министерства. Герцогъ Веллингтонъ наименованъ Первымъ Лордомъ Казначейства; г. Генри Гольборнъ Канцлеромъ Казначейства; г. Джонъ Геррисъ Начальникомъ Монетнаго двора; Лордъ Ебердинъ Канцлеромъ Герцогства Ланкастерскаго, а г. Джонъ Бекеттъ Главнымъ Судіею арміи. Лорды Казначейства остаются прежніе, за изъятіемъ Кавалера Керри, на мѣсто коего поступаетъ Лордъ Гренвиль Сомерсетъ. Г. В. Пиль смѣнитъ г-на Спрингъ-Рейса въ должности втораго Статсъ-Секретаря внутреннихъ дѣлъ, а г. Давсонъ назначенъ вторымъ Секретаремъ Казначейства на мѣсто г-на. Франкланда Левиса; г. Планта остается первымъ Секретаремъ. Прежніе Члены Министерства вручили въ Виндзорѣ Королю печати своихъ должностей, а новые Министры получили оныя изъ рукъ Е. В-а.

— Въ 29 день Января воспослѣдовало открытіе Парламента. Въ Королевской рѣчи, пред-

ставленной особою Коммиссiею, упомянуто о Наваринскомъ сраженiи, какъ о неожиданной стычкѣ между флотами союзнымъ и Турецкимъ; сказано, что сiе событiе, по всей вѣроятности, не будетъ имѣть дальнѣйшихъ неприязненныхъ послѣдствiй и непомѣшаетъ примиренiю между Портою и Греками, ко взаимной ихъ пользѣ. Отъ имени Короля объявлено также, что поелику спокойствiе въ Португаллiи возстановлено; то Е. В-во повелѣлъ немедленно вывести оттуда свои войска. Наконецъ Парламентъ извѣщается о заключенномъ дружественномъ и торговомъ трактатѣ съ Императоромъ Бразильскимъ и съ Соединенными Мексиканскими Штатами.

— По послѣднимъ извѣстiямъ, Инфантъ Донъ Мигуель все еще ожидаетъ въ Плимутѣ перемѣны противныхъ вѣтровъ.

— Общество Британскихъ Католиковъ собиралось 22 го Января (н. с.); положено снова подать Парламенту прозьбу объ уравненiи Католиковъ въ правахъ съ Протестантами.

— Въ письмѣ изъ Корфу, отъ 25 Декабря (н. с.), увѣдомляютъ о сдачѣ цитадели Хiоской по капитуляцiи. Турковъ, какъ говорятъ, переправили на твердую землю, и Греки овладѣли всѣмъ островомъ.

— По письмамъ изъ Александрiи, отъ 16 Декабря, Паша повторилъ Европейцамъ увѣренiе, что они пребудутъ подъ покровительствомъ его, какой бы оборотъ ни приняли рѣшенiя Дивана.

— Извѣстно, что 12 Января (н. ст.) утромъ въ 7 часу, въ подземельномъ пути подъ Темзою снова сдѣлался провалъ и вырытое мѣсто въ одну минуту наполнилось водою. Шесть человѣкъ погибло, и самъ Брюнель (молодой) находился въ величайшей опасности. Теперь пишутъ, что работы снова продолжаются съ неутомимою дѣятельностію; проломъ почти совсѣмъ задѣланъ и вода изъ подъ русла Темзы выкачивается паровою машиною. Надѣются въ скоромъ времени отыскать тѣла несчастныхъ работниковъ, утонувшихъ при залитіи подземнаго пути водою.

Турція.

Въ мечетяхъ читанъ былъ Султанскій указъ, коимъ повелѣвается Мусульманамъ наблюдать совершенную тишину, положиться во всемъ на попеченіе и бдительность правительства, и быть въ готовности защищать престолъ и религію. Многіе уѣздные Айяны и начальники пріѣзжаютъ въ столицу, являются къ Великому Визирю и Министрамъ, получаютъ отъ нихъ почетные кафтаны и также наставленія, и потомъ возвращаются во свояси. Порта продолжаетъ посылать войска въ крѣпости, лежащія по Дунаю, а въ Дарданеллы отправляетъ канонеровъ и артиллерію. Гуссеинъ Паша, назначенный главнокомандующимъ главною арміею, скоро отправится въ Адріанополь; перестройки и поправки въ тамошнемъ Султанскомъ дворцѣ производятся съ величайшею дѣятельностію. Вице - Адміралъ Тагиръ-Паша, недавно прибывшій въ Константинополь изъ Наварина, отправится въ Геллеспонтъ

для успѣшнѣйшаго производства оборонительныхъ приготовленій, дѣлаемыхъ въ Дарданеллахъ, а можетъ быть и для командованія находящимися тамъ военными кораблями. Работы въ арсеналѣ производятся съ великою поспѣшностію.

— Порта (сказано въ Австрійскомъ Наблюдателѣ), по отъѣздѣ изъ Константинополя трехъ Посланниковъ, приняла ихъ соотечественниковъ подъ непосредственное свое покровительство. Тотчасъ сдѣланъ былъ списокъ всѣмъ подданнымъ Союзныхъ Державъ, находящимся въ Константинополѣ, также и всѣмъ кораблямъ, которые имъ принадлежатъ. Кромѣ того, велѣно выслать изъ столицы всѣхъ праздношатающихся и подозрительныхъ людей.

— Писали съ Турецкой границы, отъ 1 го Января (н. ст.), что Ибрагимъ-Паша вывелъ всѣ свои войска изъ внутренности Мореи, и расположился станомъ при Модонѣ и Коронѣ; также что Египтянами заняты только Патрасъ, Коронъ и Модонъ, а всѣ прочія мѣста оставлены ими. Теперь увѣдомляютъ, что упомянутыя Греческія крѣпости объявлены находящимися въ блокадѣ, и что Ибрагимъ - Паша хотѣлъ отправиться, или уже отправился, тихонько въ Александрію на военныхъ судахъ, оставшихся отъ истребленія во время битвы Наваринской. — Изъ Тріеста писано было, отъ 14 Января, что Лордъ Кокренъ крейсируетъ передъ Наваринскимъ портомъ.

— Военныя предприятія Генерала Чорча въ западной сторонѣ Греціи увѣнчаны совершеннымъ успѣхомъ. Три тысячи Грековъ, подъ его на-

чальствомъ, прибывъ къ Катохи, завладѣли тамошними Турецкими магазинами. Греки издали многія объявленія, въ коихъ призываютъ своихъ единовѣрцовъ собраться подъ знамя креста и ратовать за отечество.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Докторъ Моррисонъ пишетъ, что въ Китаѣ былъ нѣкогда обычай зарывать вмѣстѣ съ умершимъ глиняные возки и фигуры человѣческія изъ соломы, предназначаемые будто бы для услугъ покойнику въ другомъ мірѣ. Етотъ обычай хранится и донынѣ. Дѣлаютъ изъ бумаги опредѣленное количество утварей; сожигая ихъ, превращаютъ такимъ образомъ въ состояніе невидимыхъ, въ какомъ и должны онѣ служить умершему. Съ тѣмъ же намѣреніемъ дѣлаютъ и сожигаютъ носилки, ладьи, лодошниковъ, служителей, одежды и другія вещи. Сожигаютъ также и платье, въ которомъ ходилъ покойникъ, богатъ ли онъ былъ, или бѣденъ. Обычай сей называется *хаоу ко-го* (сожигать одежду для перехожденія черезъ рѣку), а рѣка, черезъ которую переходить должно, называется *гоангъ-го* (рѣка желтая).

— Съ границъ Сибири увѣдомляютъ о смерти Вана, или Князя Жунджуна Дорджія, главно-

управлявшаго пограничными дѣлами, имѣвшаго пребываніе свое въ Монгольскомъ городѣ Урѣ, въ 300 верстахъ отъ Кяхты; онъ умеръ 25 Ноября минувшаго года, именно сбиравшись предпринять путешествіе въ Пекинъ, не смотря на худое состояніе своего здоровья. Какъ потомокъ могущественнѣйшаго изъ Хановъ Монгольскихъ, сей Ванъ былъ отлично хорошо воспитанъ въ Пекинѣ, женился на Принцессѣ Императорской фамиліи и послѣ участвовалъ въ церемоніальныхъ обрядахъ по случаю принятія Англійскаго посла Лорда Макартнея. Заслуженное довѣріе, которымъ онъ пользовался, доставило ему должность главноуправляющаго пограничными дѣлами; почему онъ былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ начальствомъ Иркутской губерніи, и въ продолженіе 20 лѣтъ, находясь въ Урѣ, отправлялъ должность свою съ отличною честію. Его совѣты, какъ сановника дѣятельнаго и просвѣщеннаго, постоянно имѣли вѣсъ при Дворѣ Пекинскомъ во всѣхъ случаяхъ по обязанностямъ занимаемаго имъ важнаго мѣста. Жунджунъ Дорджій умеръ шестидесяти лѣтъ слишкомъ. По обычаямъ тамошняго края, старшій сынъ покойнаго наслѣдуетъ всѣмъ его имѣніемъ; однакожъ многіе Китайцы говорятъ, что мѣсто Жунджуна заступитъ, по всей вѣроятности, третій сынъ его, весьма съ выгодной стороны извѣстный Богдо-Хану и также общественнымъ

мнѣніемъ предназначаемый въ преемники умершему родителю.

— При Нѣмецкихъ вѣдомостяхъ публикуютъ о вышедшемъ изъ печати *военномъ алманакѣ*; въ другомъ мѣстѣ находимъ извѣстіе объ алманакѣ *наукъ химическихъ*. И такъ отъ насъ недалеко время, когда въ сихъ уютныхъ книжечкахъ станутъ искать *всего*, кромѣ лишь существенно долженствующаго входить въ составъ хорошаго алманака (т. е. кромѣ росписи днямъ и праздникамъ, показаній о движеніяхъ свѣтилъ небесныхъ, извѣстій о важнѣйшихъ перемѣнахъ, о приходящей и отходящей почтѣ и проч.). Но нѣтъ и худа безъ добра: имѣемъ право ждать появленія алманаковъ *Грамматики*, *Риторики*, *Пінтики*, вообще *Правилъ словесности*, *Studiorum humaniorum*. Счастливая мысль посредствомъ алманаковъ навести самородныхъ геніевъ на путь истины!

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1.

Отъ Правленія ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета объявляется, что съ позволенія Университетскаго начальства будутъ въ нынѣшнемъ году издаваться: *Изображенія растеній, преимущественно Россійскихъ, употребляемыхъ въ лѣкарства, и такихъ, которыя наружнымъ видомъ съ ними сходны и часто за нихъ принимаются, но лѣкарственныхъ силъ не имѣютъ*.

Изданіе сихъ изображеній поручено Доктору Медицины и Ординарному Профессору Ботаники *И. А. Двигубскому.*

Въ наше время всѣ чувствуютъ необходимость знать растенія полезныя и вредныя; охота къ изслѣдыванію ихъ годъ отъ году болѣе умножается: но въ Россіи нѣтъ еще достаточныхъ пособій къ поддержанію сей похвальной склонности облегченіемъ средствъ для удобнаго узнаванія растеній, преимущественно отечественныхъ, какъ такихъ, которыя на всякомъ шагу представляются нашимъ взорамъ и, кажется, просятъ обратить на нихъ надлежащее вниманіе и пользоваться заключающимися въ нихъ полезными качествами.

Съ сею-то цѣлію предполагается изданіе изображеній растеній. Каждое растеніе будетъ тиснуто на одной большаго формата осмушкѣ; цвѣты и плоды съ ихъ частями будутъ представлены отдѣльно на томъ же листѣ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ увеличенными. Если корень какого-либо растенія употребляется въ лѣкарства, то въ такомъ случаѣ онъ весь, или часть его будетъ изображена; названія растеній выставятся на Россійскомъ и Латинскомъ языкахъ.

Каждому растенію будетъ сдѣлано особое приличное описаніе на такой же осмушкѣ листа. Въ описаніи положено наблюдать слѣдующій по-

рядокъ: 1. Систематическое опредѣленіе растеній съ его названіями Русскими и иностранными; 2. краткое его описаніе, съ показаніемъ, въ какихъ Россійскихъ губерніяхъ оно ростетъ дикое, или сѣется, когда цвѣтетъ и приноситъ плодъ, и притомъ однолѣтнее ли оно, или двулѣтнее, или многолѣтнее; 3. какія его части употребляются въ лѣкарства и въ какомъ видѣ; 4. какія оно имѣетъ свойства и силы и въ какихъ болѣзняхъ употребляется; 5. когда собирается для употребленія; 6. употребленіе въ домашнемъ хозяйствѣ, въ ремеслахъ и художествахъ.

Изъ сего видно, что сіи изображенія растеній съ краткимъ ихъ описаніемъ будутъ весьма полезны: 1) *Врачамъ*, особливо же въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ аптекъ, и гдѣ они сами должны заботиться и о лѣченіи болѣзней, и о приуготовленіи лѣкарствъ; 2) *аптекарямъ*, которымъ нужно знать не только собираніе полезныхъ травъ и время, когда ихъ собирать, но и различеніе полезныхъ отъ вредныхъ, или, по крайней мѣрѣ, неимѣющихъ никакихъ врачебныхъ силъ, и которыя такъ походятъ на другія лѣкарственныя растенія, что безъ сравненія съ вѣрными изображеніями, по одному описанію, различить ихъ трудно, и 3) *учащимся Ботаникѣ*, которые не только найдутъ здѣсь изображенными всѣ части растеній подробно, но и могутъ уз-

нать весь порядокъ системы какъ Линнеевой или другой какой-либо искуственной, такъ отчасти и всякой естественной.

Поелику лѣкарственныя растенія имѣютъ, кромѣ врачебныхъ свойствъ, и другія полезныя качества въ хозяйствѣ, ремеслахъ и художествахъ, то вѣрныя ихъ изображенія и *для хозяевъ и для ремесленниковъ*, *фабрикантовъ и заводчиковъ* будутъ весьма полезны. Наконецъ изображеніе сихъ растеній, которыхъ изданіе продолжится нѣсколько лѣтъ, доставитъ приятное занятіе всѣмъ желающимъ знать, что растетъ въ богатой естественными произведеніями и мало еще изслѣдованной Россіи; ибо помѣщаемы будутъ изображенія растеній, растущихъ въ разныхъ и совершенно различныхъ по климату и почвѣ странахъ Россійскаго Государства.

Поелику каждое растеніе и описаніе его будутъ находиться на отдѣльныхъ листочкахъ, то и можно располагать ихъ по какой угодно системѣ, Ботанической или Медицинской, а потому листочки только для счету будутъ обозначены числами внизу.

Подписка на сіе изданіе принимается въ Типографіи Московскаго Университета.

За годовое изданіе, состоящее изъ 60 рисунковъ въ осьмую долю листа и 60 листочковъ

описанія, для Особъ, желающихъ подписаться, цѣна назначается слѣдующая:

За изображенія растеній нераскрашенныя 12 *руб.* 50 *коп.*, а за раскрашенныя и на лучшей бумагѣ 20 *руб. ассигнаціями;* за пересылку сверхъ сего Гг. иногородные прилагаютъ вѣсовыхъ за 3 фунта. По окончаніи подписки, имѣющей продолжиться до 10 го Апрѣля сего года, цѣна изданію возвысится *до* 15 *руб.* съ черными изображеніями, и до 25 р. съ изображеніями раскрашенными. Въ годъ выдетъ три тетрадки: первая раздаваться будетъ въ Маѣ мѣсяцѣ, вторая въ Августѣ или Сентябрѣ, а третья въ началѣ или концѣ Декабря, о чемъ и будетъ объявляемо въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

2.

Въ Университетскую книжную лавку поступили въ продажу слѣдующія новыя книги.

Записки Москвича. М. 1828. Цѣна 5 рубл.

Чувствительное путешествіе по Невскому Проспекту. М. 1828. Цѣна 250 коп.

Печатано по опредѣленію Университетскаго Совѣта. Разсматривалъ *Ординарный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Василій Котельницкій.* Положенное число екземпляровъ, куда слѣдуетъ, доставлено. 1828 года Февраля 1 дня.

Секретарь Совѣта *Орд. Пр. Павелъ Щелкинъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 3.

ФЕВРАЛЬ. 1828.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Старинныя народныя Святки и Коледа.

(Окончаніе.)

Константинъ Багрянородный въ *Описаніи церемоній Византійскаго Двора* упоминаетъ о *Готическихъ* святошныхъ играхъ, кои отправлялись во дворцѣ, въ присутствіи Императоровъ. «Назначенные для «такихъ потѣхъ люди являлись въ личинахъ «и въ шубахъ, наизнанку вывороченныхъ» (какъ и въ Россіи, большею частію, наряжаются); «бѣгали, вертѣлись, ударяли же«злами въ щиты и пѣли пѣсни подъ музы«ку.» — По свидѣтельству жъ Кодина, «свя«тошныя потѣхи отъ того назывались *Го«тическими*, что Греки, перерядившись Гот«ѳами, какъ можно страннѣе, приходили «къ Императору съ поздравленіемъ и за-

«что получали отъ него деньги.» Двору, вѣроятно, подражали вельможи.

Церковные и мірскіе писатели говорятъ, что веселіямъ и переряживаніямъ, въ Календы Январскія бывшимъ у язычниковъ, подражали и Христіане; другіежъ писатели объясняютъ переряживаніе и надѣваніе личинъ прообразованіемъ минувшаго и будущаго времени, коего сvмволомъ былъ допотопный и запотопный дѣдъ Ассуровъ и двуличневый Янусъ (*). Отсюда произошли такъ называемыя Cervua (**), во время коихъ играющіе, надѣвъ на себя личины различныхъ звѣрей и старухъ, безчинствовали по стогнамъ градскимъ, такъ что Западною Церковію для прекращенія такихъ безчинствъ, вкравшихся въ обычай торжественный къ правомыслящимъ, установлены особенные посты и молитвословія. Но въ послѣдствіи времени и самою Церковью Римскою учреждены были объ Р. Х. *Праздникъ пьяныхъ vподіаконовъ*, въ коемъ участвовали и другіе священ-

(*) Церковный Словарь Петра Алексѣева, изд. 1815. М. въ сл. Коледа.

(**) Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. Edit. Halens. Adelungii, 6 vol.

но и церковнослужители; *Праздникъ дураковъ*, въ коемъ первые, надѣвъ церковныя облаченія на выворотъ, притомъ вымаравъ себя дрождями, пѣли въ церкви соблазнительныя пѣсни съ прибавленіемъ другихъ безчинствъ, кои подробно описаны Милленемъ; сюда же относились и *праздники цѣломудренныхъ*, *рогоносцевъ* и *ословъ*. Послѣдній совершался въ честь сына подъяремнича, какъ свидѣтеля Р. Х., или въ самый день Рождества, или Обрѣзанія, съ торжественными и вмѣстѣ нелѣпыми обрядами. Такія празднества, ближайшія къ язычеству, чѣмъ къ Хрістіанству, именовались *Декабрскою вольностію* (libertas Decembrica), о коей Белетъ (*), писатель XII в., говоритъ слѣдующее: «Есть церкви, въ коихъ водится, что да«же Епіскопы и Архіепіскопы въ обите«ляхъ съ подчиненными своими забавля«ются играми. Это такъ называемая «Декабрская вольность, нѣкогда бывшая «у язычниковъ въ обыкновеніи; потому что «въ Декабрѣ рабы и рабыни, пользуясь свобо«дою, по окончаніи жатвы, вмѣстѣ и

(*) Glossarium manuale etc. — Denkwürdigkeiten aus der christlichen Archäologie, von Dr. J. Augusti. Leipz. 6 Th. 1820.

«наравнѣ съ господами своими отправляли «общія празднества. Хотя же въ столь «великой Церкви, какова Римская, и до«нынѣ ведется сей обычай; однакожь по«хвальнѣй было бы оный уничтожить.» — Ужè въ концѣ XV вѣка на соборахъ З. Ц. воспрещено было духовенству на праздникахъ ослихъ раздѣванье, переряживаніе и козлогласованіе въ церкви, обливаніе водою уставщика дураковъ; а всѣ другіе при томъ бывшіе обряды дозволялись, какъ и самый праздникъ. Папа Иннокентій III (1198 — 1216 г.) касательно позорищь въ церкви объ Р. Х. писалъ къ Гнѣзненскому Архіепіскопу Генриху: «Такъ какъ въ церквахъ совершаются позорища и не только вводятся «для потѣхи чудовищныя личины (mon«stra larvarum), но даже при нѣкото«рыхъ праздникахъ сами діаконы, пре«свутеры и поддіаконы участвуютъ въ «безчинныхъ играхъ: то тебѣ возлюблен«ному о Хрістѣ брату и препоручаемъ «въ подвѣдомственныхъ церквахъ иско«ренять подобные обычаи, да не обез«честится домъ Господень таковою «мерзостію.» — Подобныя сценическія представленія извѣстны были съ XIII

вѣка и въ Германіи подъ именемъ Fastnacht-spiele, кои способствовали къ развитію драматической поезіи (*).

Изъ Западной Церкви прокрались и въ Грекороссійскую нѣкоторыя сценическія представленія изъ Св. Исторіи, впрочемъ не столь предосудительныя, на пр. совершавшееся въ Новгородѣ и Москвѣ на недѣлѣ предъ Р. Х. *пещное дѣйствіе* въ память бывшихъ въ пещи отроковъ Ананіи, Азаріи и Мисаила. Такъ называемая Халдейская пещь, употреблявшаяся при етомъ обрядѣ, теперь хранится вмѣстѣ съ рѣзными древними образами въ Новгор. Софійскомъ Соборѣ. Донынѣ обносимые съ пѣніемъ въ Малороссіи и даже въ Бѣлоруссіи по домамъ и улицамъ *вертепы*, *виѳлеемы* и *звѣзды* также относить должно къ старинному обыкновенію, которое, вѣроятно, перешло къ намъ изъ Польши.

По нѣкоторому сходству Римскихъ Календъ съ нашимъ Колядою, — коего Карамзинъ, согласно съ предшествовавшими

(*) Vorlesungen über die Geschichte der deutschen Poesie von J. Nasser. Altona, 1798, 3 Th. u. Vorlesungen über die Geschichte der teuschen Nationallitteratur von Dr. L. Wachler. I Th. Franckf. am Main. 1818.

ему мѵѳографами, признаетъ богомъ торжествъ и мира, но о коемъ никто изъ древнихъ нашихъ лѣтописцевъ не упоминаетъ — производили Коляду или Коледу отъ Календъ. — «*Каланди* суть» по толкованію Кормчей книги «первіи въ коемждо «мѣсяцѣ дніе, въ нихже обычай бѣ еллиномъ творити жертвы, и воты, и врума«лія: еллинстіи бяху праздницы.» — Въ Стоглавѣ (62 прав.), съ нѣкоторыми только отмѣнами, подобное сдѣлано объясненіе, а именно: «Каллиды (въ другомъ спи«скѣ *каланты*) й вота и врумаліа еллински «и по Греческимъ языкомъ глаголется, «еже есть первіи дніе коегождо мѣсяца, «но и паче Марта мѣсяца, празднованіе «веліе торжественно сотворяюще, и игра«нія многа содѣвашеся по еллинскому обы«чаю.» —

Посмотримъ, имѣютъ ли какое отношеніе Римскія Календы къ Славянскому божеству, если его только можно признать въ Коледѣ! Хотя Календы въ Кормчей и Стоглавѣ названы *Еллинскими* праздниками; но извѣстно, что не у Грековъ были Календы въ мѣсяцахъ, а у Римлянъ, и что Св. Отцы именовали *Еллинами* всѣхъ

язычниковъ въ противоположность Грекамъ, какъ православнымъ, также Іудеямъ (*). Притомъ у Римлянъ Календы не въ одномъ были Январѣ, но и во всѣхъ мѣсяцахъ; да и въ Стоглавѣ говорится объ особенномъ празднованіи Календъ *въ Мартѣ мѣсяцѣ*, когда у Римлянъ до Цесаря Августа, равно какъ у Рускихъ до XIV в., начинался новый годъ. Кромѣ переодѣванія въ разные виды, едва ли Коледа имѣетъ что сходное съ Календами.

Въ Марселѣ праздникъ Р. Х. и даваемое въ ето время пиршество семейное называются *Каленами*, вѣроятно, отъ *καλέω*, сзываю; ибо на сію торжественную трапезу обыкновенно сзываются ближніе и родственники; или отъ *καλεῖν*, пиршествовать.

Одинъ изъ Визант. историковъ, Кодинъ, описывая святошныя игры при Византійскомъ Дворѣ, говоритъ, что «въ Р. Х. подходили съ поздравленіемъ къ сидѣвшему за «столомъ Императору вельможи и чиновники; потомъ Варанги и другіе иноплеменники, составлявшіе Царскихъ тѣлохранителей, возглашали многолѣтіе Госу-

(*) I. C. *Suiceri* Thesaurus ecclesiast. Amstel. 1772. f.

«дарю; а пѣвчіе пѣли кондакъ: *Дѣва днесь «пресущественнаго рождаетъ*, и оканчивали «многолѣтіемъ.»

Въ Богемской Исторіи XI вѣка упоминается, что Чешскій Князь Бржетиславъ II, по вступленіи своемъ на княженіе, немедленно изгналъ всѣхъ колдуновъ, предсказателей и оборотней изъ своихъ владѣній; строго запретивъ всѣ суевѣрные обряды, оставшіеся отъ времёнъ язычества, повелѣлъ Пражскому Епіскопу такъ устроить, чтобы каждый священникъ въ праздникъ Р. Х. обходилъ домы своихъ прихожанъ съ крестомъ и св. мощами, и замѣчалъ, кто станетъ отвращаться отъ поклоненія святыни. Набожный обычай древности донынѣ сохранился въ Богеміи и называется *Коледою* (*).

Это и по имени и по дѣйствію очевидное имѣетъ сходство съ Малороссійскими *Колядками* и съ Великороссійскимъ *славленьемъ*, отзываясь болѣе Греческимъ глаголомъ *κοιλαδεῖν* пѣть, воспѣвать, чѣмъ Римскими *Календами* и сомнительнымъ божествомъ *Коллдою*, и кажется, вѣроятнѣе

(*) Вѣст. Евр. 1827, No 21.

мнѣнія г. Гнѣдича, который производитъ Коледу отъ колбасы (*χολαδεῖς*, кишки), коей кольцо при щедрованьи выпрашиваютъ себѣ въ пѣсни колядовщики (*). Сверхъ того, по свидѣтельству Боёція и другихъ писателей изъ среднихъ временъ, священнослужители З. Ц. назывались Colidei, Keledei и Culdei отъ colendo, богочтецы. Совмѣстныя между собою понятія въ Греческомъ словѣ *κοιλαδεῖν* воспѣвать и въ Латинскомъ colere чтить, ублажать, объясняютъ Коледу (**).

Кроаты, Босняки и другіе народы Славянскаго племени подъ *Коледою* также разумѣютъ подарокъ въ новый годъ. Объ Р. Х. въ церквахъ Римскокатолическихъ раздавались народу во время проповѣди сдѣланныя изъ тѣста пеленки, ясли и другія принадлежности къ мѣсту рожденія І. Х.: ето также называлось *Колендами.* Гваньини говоритъ, будто у Рускихъ Боярскія дѣти часто получали отъ Вел. Князя *кіовую коленду*, т. е. палочный подарокъ.

(*) См. Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, изд. *Н. Гнѣдича.* С. п. б. 1825, и Малороссійскія пѣсни, изд. *М. Максимовича.* М. 1827.

(**) *Ducange* Gloss. mediae et infimae Graecitatis.

Южная и западная Коледа на сѣверѣ Россіи и донынѣ называется *Кудесами* — Святки въ Новгородской, Вологодской и другихъ сѣверныхъ Губерніяхъ. Сіе слово, останавливающее наше вниманіе, ближе Коледы, кажется, къ язычеству; ибо всѣхъ чародѣевъ, колдуновъ и даже языческихъ жрецовъ называютъ наши Лѣтописи *кудесниками*, также *кобниками* (*). По объясненію Памвы Беренды, ссылающагося на Патерикъ Соловец. Чудотворцевъ, *кудесъ*, *кудесникъ* «чортъ, или чаровникъ, по нѣкихъ повѣсти въ Москвѣ нарицается.» Въ XIV вѣкѣ С. Стефанъ посрамилъ и уничтожилъ *кудесниковъ* Пермскихъ и Обдорскихъ, а въ XVI Архіеп. Макарій посылалъ инока Илію для истребленія между прочими суевѣріями *кудесъ* въ Чудской землѣ, куда Новгородцы еще въ XII вѣкѣ ходили гадать къ *кудесникамъ*, которые призывали бѣсовъ себѣ во храмину. Кн. Глѣбъ въ XI в. умертвилъ Чудскаго *кудесника*, торжественно порицавшаго вѣру Хрістіанскую въ Новгородѣ. Въ 41 главѣ Стоглава запрещается *кудесы бить*. На дорогѣ изъ Кіева въ Галичь былъ и городъ *Кудинъ Божскій*,

(*) Карамз. И. Р. Г. Ч. II, пр. 113-119 IV, пр. 45.

что нынѣ *Кудинка. Кудесы*, по всему видно, означали гаданія, кои составляли у Славянъ часть языческой ихъ религіи и кои сопровождались пѣснопѣніями.

Благоговѣйная же мысль, почерпнутая изъ Хрістіанства и проявляющаяся въ разныхъ образахъ на Югѣ, Западѣ, Востокѣ и Сѣверѣ Россіи, есть основаніе *Славленья*, которое перешло къ намъ изъ Византіи, и *Коледованья*, которое у Линде въ Словарѣ также производится и отъ *колѣнъ-даванія*, т. е. преклоненія колѣнъ предъ рожденнымъ Спасителемъ міра. Но какъ народъ примѣшивалъ къ заимственнымъ понятіямъ свои собственныя, укоренившіяся въ его умѣ и воображеніи, что̀ случилось при замѣщеніи въ Россіи языческихъ мнѣній Хрістіанскими правилами; то иногда послѣднія у него принимали обликъ первыхъ, особливо когда открывалось хотя внѣшнее сходство, по коему можнобъ сдѣлать примѣненіе одного къ другому, не смотря на внутреннюю противуположность: отъ сего и произошло такое смѣшеніе, какое мы видимъ въ Коледѣ. Св. проповѣдники Хрістіанства, учреждая въ церкви благоговѣйныя торжества и праздники, поставляли

ихъ въ противуположность съ языческими, кои замѣнялись оными, и понятія народа, относившіяся къ предметамъ чувственнымъ, обращали къ духовнымъ; для сего первыя принимали они иногда для прообразованія послѣднихъ. Такъ учрежденіе Церковію въ 24 д. Декабря высокаго праздника рожденія Свѣта міру, Солнца правды, смертію смерть поправшаго было противоположностію языческимъ Врумаліямъ и празднеству солнца, рождеству Непобѣдимаго (Natales Invicti sc. solis), которое отправлялось въ Римѣ 24 и 25 Декабря, и рожденія Миѳра, коему подъ разными именами покланялись отъ Днѣпра до Парижа (*). Вотъ почему иногда дѣлается примѣненіе и сравненіе рожденнаго Христа съ возраждающимся и объюнѣвшимъ солнцемъ, въ коемъ, какъ сказано въ Словѣ на Р. Х. «*Сівѵлла Августови показа дѣвицу младенца на руку держащую* (**). Яснѣе еще сдѣлано такое примѣненіе въ слѣдующемъ древнемъ пѣснопѣніи Римско-католической церкви:

(*) Religions de l'antiquité, par Dr. *Creuzer*, refondu en partie et complété par *J. D. Guiqniaut*. t. I. à Paris. 1826.

(**) Четья Минея, Декабрь.

«Послѣ поворота солнечнаго, когда «Хрістосъ плотію родился, при обновленіи «солнца, измѣнилъ хладную зиму, и возво-«дя спасительное для смертныхъ свѣтило, «съ умноженіемъ дня повелѣлъ умаляться «ночи (*).»

Всѣ вышеизложенныя мною наблюденія и подведенныя изъ отечественныхъ и чужестранныхъ писателей свидѣтельства сводятся на вѣроятныя заключенія, что въ нашихъ Святкахъ смѣшано языческое съ Хрістіанскимъ, самородное въ народѣ съ заимственнымъ отъ чуждыхъ племенъ, съ коими Славяне и Рускіе входили въ сношенія, напр. съ Варягами, Готѳами и Греками. Мнѣнія отъ одного народа заносятся къ другому, какъ вѣтромъ сѣмена растѣній изъ одной страны въ другую; но одно явленіе природы можетъ навести разные племена на одну мысль и

(*) Прилагаю здѣсь преложеніе А. Н. Муравьева:
Солнце на зимнюю грань едва лишь стало — внезапно
Новое съ нимъ востекло свѣтило, бури сметая:
Воплотился Хрістосъ! и лучь проливая спасенья,
Днямъ растущимъ велѣлъ питаться добычею ночи! —

произвесть одинъ обрядъ, одинъ праздникъ, въ коемъ народъ выражаетъ свои мнѣнія и качества. Посему-то обряды и повѣрья святошныя, какъ-то: *загадыванье и переряживанье*, имѣютъ отношеніе и къ временамъ года и къ солнечной системѣ; ибо Купало и Коляда по солнечному теченію раздѣляютъ годъ, который, вѣроятно, считался у Славянъ отъ лѣтняго до зимняго равноденствія. Въ древности у насъ Рождественскій постъ отъ короткихъ дней именовался *Корочунъ* (*), словомъ, которое сходно съ извѣстнымъ въ народѣ *карачуномъ* и съ *Керечуномъ* — названіемъ у Карпатороссовъ нашихъ Святокъ. И какъ въ Купальскій день купаются въ водѣ, такъ послѣ Коледы загадывавшіе и рядившіеся о Святкахъ, вскорѣ по освященіи воды въ Богоявленіе, омываются въ рѣкахъ и прудахъ, не взирая на стужу; въ Купалу раскладываютъ огонь и перескакиваютъ черезъ него, а подъ *Водокрещи*, какъ слыветъ у простаго народа день Просвѣщенія (день свѣтовъ *ἡμερα τον φωτων*), думаютъ, что огонь въ полночь спускается на воды. Въ

(*) *Новгор. Лѣтоп. л.* 1143: «стояла вся осенина дъждева отъ Госпожина до *Корочуна*.»

первомъ праздникѣ видимъ, при умаленіи дней, въ другомъ, при возрастаніи дней, самое Солнце, источникъ Свѣта.

И. Снегиревъ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Бабушка. Повѣсть Г. Клаурена.

(Продолженіе.)

«Ступай!« кричалъ я почтарю: «скорѣе ступай, чтобъ намъ засвѣтло попасть къ Быку золотому!« — Къ Золотому быку вамъ угодно? спросилъ почтарь, крайне удивленный: да я съ ординарною почтою, въ торговую пору, вожу туда по нѣскольку Богемскихъ разнощиковъ съ нитками; а порядочные люди тамъ неостанавливаются. Такого господина, какъ вы. . . . Нѣтъ, баринъ! на меня всѣ по улицамъ стали бы пальцами указывать, когдабъ я привезъ васъ къ Быку золотому. Вѣдь ето шинокъ съ пивною продажей, да и самой мизерной: еслибъ не дюжина старичковъ,

которые по вечерамъ сбираются тамъ потолковать о всякой всячинѣ; то хозяину давно уже пришлось бы сѣсть на своего Быка и отправиться въ тюрьму городскую. Вотъ иное дѣло Синій Ангелъ: тутъ останавливаются Князья и Графы; подадутъ вамъ всего, что̀ душѣ угодно; нечего сказать, старикъ Вейнлихъ знаетъ свое дѣло; а пуще всего домъ его славится дочкою. Я знавалъ ее въ пеленкахъ; теперь, посмотришь, что̀ за пригожайка! Въ Клаpенбургѣ нѣтъ подобной красавицы! Другіе нарочно заѣзжаютъ въ нашъ городъ, чтобы взглянуть на Флорентину; а вы, честной господинъ, хотите къ Быку золотому! — «Ну, инъ къ Синему Ангелу!»

Повернувши въ улицу, почтарь мой затрубилъ передъ блестящею вывѣской и двумя ярко горящими фонарями. У самыхъ дверей встрѣтила меня бѣлокурая, съ завитыми кудрями красавица, въ свѣтло-голубомъ, простомъ, но отмѣнно чистомъ платьѣ; въ лѣвой рукѣ ея былъ серебряной подсвѣчникъ, хотя и безъ того лѣстница освѣщалась нарядными люстрами. Дѣвушка приняла меня съ ласковымъ и скромнымъ привѣтствіемъ; по ея

выразительному взору, по юношеской полнотѣ и свѣжести, по умной улыбкѣ на лицѣ, цвѣтущемъ красотою, вообще по милому образу невинности и любезности я тотчасъ догадался, что ето была живая и веселая Флорентина, прославившая вывѣску гостинницы родительской.

Прекрасная Флорентина обошлась со мною не какъ съ путешественникомъ, котораго никогда не видала, но какъ со стариннымъ знакомцемъ и давно жданнымъ гостемъ, ни мало впрочемъ не измѣняя дѣвической скромности; съ большимъ участіемъ жалѣла, что я принужденъ былъ ѣхать въ такое жаркое время; спрашивала, не угодно ли мнѣ ужинать вмѣстѣ съ хозяевами, потому что они сидѣли уже за столомъ.

Изумленный ловкостію и восхитительными приемами юной красавицы, я подалъ ей руку, чтобъ вмѣстѣ идти въ столовую, и будучи въ странномъ замѣшательствѣ, насказалъ ей множество учтивостей — самыхъ нескладныхъ, какъ тогда же замѣтилъ; ибо умная и бойкая дѣвушка отвѣчала мнѣ на нихъ однимъ молчаніемъ, какъ бы давая знать, что все

подобное уже не разъ говорено ей было и гораздо замысловатѣе и съ большимъ искусствомъ.

Отецъ и мать Вейнлихи, вставъ съ мѣста, привѣтствовали меня съ ласкою гостепрiимнаго доброжелательства, а взгляду Флорентины на тафельдекера обязанъ я былъ тѣмъ счастiемъ, что приборъ для меня поставили рядомъ съ ея приборомъ.

Мнѣ было не до пищи и не до питья, ибо я сидѣлъ подлѣ Флорентины; она сама накладывала; между тѣмъ какъ отецъ и мать занимались другими гостями, она вела разговоръ со мною о томъ, о десятомъ; умѣла своими уловками и живостiю придавать особую занимательность вещамъ ничего незначущимъ, и чѣмъ болѣе говорила, тѣмъ болѣе казалась прекрасною, тѣмъ болѣе восхищала меня своею любезностiю. Ослѣпительная бѣлизна тѣла, нѣжной румянецъ, которой отчасу болѣе густѣлъ и разливался на лилейныхъ щечкахъ, грацiя во всѣхъ движенiяхъ, золотистыя кудри, при богатомъ освѣщенiи стола отливавшiя подобно мягкому шелку, глаза краснорѣчивые. . . Ахъ, Боже

мой! и я хотѣлъ-было остановиться подъ вывѣской Быка золотаго!

Не знаю самъ какимъ образомъ, въ разговорѣ нашемъ рѣчь дошла до столичной жизни; я описывалъ ей — (у любви всегда въ готовности легкая, самая исправная почта: если волею бабушки назначено одной изъ дѣвицъ Кларенбургскихъ въ качествѣ Совѣтницы Правленія Блумъ ѣхать со мною въ столицу, то ета дѣвушка, говорилъ я самъ себѣ въ какомъ-то темномъ гаданіи, но исполненный радостнаго предчувствія, отъ котораго сердце мое обливалось горячею кровью; должна быть непремѣнно Флорентина: ибо во всю жизнь мою никогда еще не былъ я въ такомъ пылу, какъ здѣсь въ первыя минуты) — и такъ я описывалъ ей, самъ не вѣдая для чего, столицу нашу въ самомъ восхитительномъ видѣ; изображалъ ее очаровательнѣйшими красками, и думалъ, что Флорентинѣ покажется она райскою обителью въ сравненіи съ ея Кларенбургомъ. Напротивъ, собесѣдница приняла мои слова иначе, нежели какъ мнѣ думалось и хотѣлось: она завела рѣчь о жизни сельской, и ей отдавала всѣ преиму-

щества передъ городскою! Я возразилъ въ шутку, что вѣроятно по однимъ лишь книгамъ извѣстна ей жизнь сельская, которая въ существенности совершенно отлична отъ воображаемой сочинителями романовъ. Но Флорентина покачала головою, и объявила съ важнымъ видомъ, что она провела въ деревнѣ счастливѣйшіе дни своей жизни; «Одна почтенная, благотворительная, любезная дама, именно госпожа Мильборнъ» — и хотѣла было продолжать; но при воспоминаніи объ умершей слёзы навернулись въ глазахъ ея. Слѣдственно это шестая!

Такъ дѣйствительно; изъ разсказа, которой стала продолжать Флорентина, собравшись съ духомъ, тотчасъ открылось, что она принадлежала къ седмеричному созвѣздію; говорила съ такимъ усердіемъ о счастливыхъ дняхъ своихъ, проведенныхъ при покойной благодѣтельницѣ, что я, забывъ о ролѣ Страгуро, приподнялъ стаканъ и приглашалъ ее чокнуться въ память госпожи Мильборнъ. — «Развѣ знали вы госпожу Мильб. . .» и не кончила; быть можетъ въ головѣ ея сверкнула мысль, что съ нею говоритъ

едва ли не самъ Совѣтникъ Правленія Блумъ, о скоромъ прибытіи котораго безъ сомнѣнія слыхала она, равно какъ и всѣ жители города.

— Только лишь по имени — подхватилъ я съ возможнымъ равнодушіемъ: у насъ живетъ родной внукъ ея, одинъ изъ лучшихъ друзей моихъ.

«Совѣтникъ Правленія Блумъ? не такъ ли?» сказала она съ самымъ пріятнымъ удивленіемъ, какъ можно было замѣтить; обнаруживъ нетерпѣливое любопытство, оборотилась ко мнѣ прелестнымъ своимъ личикомъ, съ живостію спрашивала, что̀ онъ за человѣкъ, какихъ лѣтъ, каковъ собою, каковъ нравомъ и проч. и спрашивала съ такимъ участіемъ, что я долженъ былъ нѣсколько разъ браться за стаканъ съ водою, дабы скрыть сильное расположеніе свое къ смѣху.

«Сказываютъ,» начала было продолжать она, какъ по всему видно, съ обдуманнымъ намѣреніемъ вести разговоръ окольною дорогой: «сказываютъ, что онъ скоро пріѣдетъ сюда за своей женою.»

— За своей женою? — возразилъ я со смѣхомъ. Вдругъ послышался колокольчикъ, и въ тужъ минуту закричалъ маркеръ, отворивъ двери: «Екстрапочта!» Флорентина вскочила, обнаруживъ нѣкоторую досаду, что разговоръ прерванъ совсѣмъ не во время, и побѣжала изъ комнаты.

Какія же онѣ лукавицы! Милая крошка, едва семнадцати лѣтъ отъ роду, вдругъ придумала средства узнать всѣ подробности сердечныхъ дѣлъ моихъ, и выѣзжаетъ съ замысловатымъ вопросомъ, женатъ ли я. По всѣмъ слухамъ о моей особѣ, и по всему, что ей безъ сомнѣнія весьма извѣстно было въ домѣ бабушки, она знала, что я не женатъ; но за первымъ вопросомъ, разумѣется, слѣдовалъ бы другой — именно, не сговоренъ ли я. Такой таинственный ходъ мыслей въ головѣ подъ золотыми кудрями служилъ для меня благопріятнымъ доказательствомъ, что ей нужно знать, свободенъ ли я сердцемъ, или несвободенъ: и мое тщеславіе строило прекрасной карточной домикъ на етой сладостной увѣренности.

Теперь ясно, почему скотной ревизоръ хотѣлъ преградить мнѣ дорогу къ

Синему Ангелу. Увидѣвъ Флорентину, такъ расчитывалъ толстякъ мой съ толстымъ пучкомъ у затылка, я не сталъ бы уже заботиться, существуетъ ли на свѣтѣ Цвикерово отродье.

Но гдѣжъ *она* такъ долго? Маркеръ увѣдомилъ объ екстрапочтѣ; Флорентина взяла ту же свѣчку, съ которою и меня встрѣтила. Стало быть она принимаетъ путешественниковъ, и безъ сомнѣнія такъ же ласково; но всѣ ли, какъ я, тихи и скромны? Дочь трактирщика многое должна переносить отъ наглости постояльцовъ... Я сидѣлъ на иглахъ, и взоръ мой не сходилъ съ двери. Вотъ маркеръ несетъ четверное блюдо къ ужину, а Флорентины нѣтъ какъ нѣтъ! Грудь мою давило; я не могъ взять куска въ ротъ, и вино показалось мнѣ желчью.

Растворилась дверь... Флорент...— Опять не она: вошелъ шафельдекеръ съ тарелкою десерта.

Меня стало трясти, какъ въ лихорадкѣ. Не въ моей волѣ было усидѣть на мѣстѣ; не помня, что̀ дѣлаю, я вскочилъ со стула и побѣжалъ къ двери. Тутъ являётся Флорентина, съ погасшею

въ рукѣ свѣчою; сказала мнѣ, не иду ли уже спать, между тѣмъ какъ намъ еще о многомъ говорить остается; шепнула отцу, что пріѣхало двое Англичанъ, которымъ она отвела комнату подъ No 7; сѣла опять за столъ со мною, и желая связать прерванную нить разговора, начала: «И такъ онъ не женатъ? У насъ по крайней мѣрѣ говорятъ, будто онъ ужь помолвилъ, и дѣло будто бы почти кончено. Да, мущинѣ молодому и съ такимъ наслѣдствомъ очень мудрено было бы увернуться отъ столичныхъ дѣвушекъ.»

Я готовъ былъ повести шутку, и сказать ей, что другъ мой Блумъ, сколько мнѣ извѣстно, теперь лишь принялъ твердое намѣреніе повергнуть свое сердце къ стопамъ одной любезнѣйшей дѣвицы; но — погасшая свѣча, указаніе комнаты двумъ Англичанамъ, нестерпимо продолжительное отсутствіе, рѣчь о наслѣдствѣ, наконецъ, если только глаза мои не обманулись, поизмятые волосы на головѣ и черепаховый гребень, только лишь половиною зубцовъ придерживающій локоны. . . — Мучимый досадою и ревностію, я совѣтовалъ ей покрѣпче заткнуть гре-

бенъ, чтобъ онъ снова не выпалъ, и внутренно веселясь ядовитою злобою своею, прибавилъ: «Не худо бы также и локоны нѣсколько поправить; вамъ они были очень къ лицу. . . .» Такая позолота пилюли заставила самаго меня вздрогнуть.

— Не всѣ же такъ учтивы, какъ молодые путешественники изъ столицы; отвѣчала она съ едва примѣтнымъ замѣшательствомъ, оправляя голову розовыми пальчиками своими. Отвѣтъ ея за однимъ разомъ истребилъ во мнѣ и сомнѣнія объ ея благонравіи и мысль, что она забыла обо мнѣ, заговорившись съ Англичанами. — Вы однако же хотѣли было о Совѣтникѣ Правл. . . —

«Англичане были неучтивы?» спросилъ я съ живостію, едва ли приличною для незнакомца, и которая обнаруживала мое нетерпѣливое участіе.

— Не уже ли вы незнаете подобныхъ господъ путешественниковъ? Они ѣздятъ съ своими гинеями и почитаютъ все дозволеннымъ для себя въ Германіи? Но вы хитѣли-было о Совѣтникѣ Правленія. . . —

«Счастье, что его нѣтъ здѣсь въ это время! Еслибъ онъ видѣлъ тутъ происходившее и любилъ бы васъ; то съумѣлъ бы раздѣлаться съ обоими наглецами.»

— Такъ онъ ревнивъ? Ахъ, какъ это хорошо! Нѣтъ ревности, нѣтъ и любви! Если женщина умѣетъ искусно поддерживать эту страсть въ мужѣ; то каждой шагъ ея, точно какъ въ шахматной игрѣ, будетъ часъ отъ часу интереснѣе.»

«Да, и наконецъ шаху матъ.»

— Вы не такъ меня понимаете. Давно замѣчено, что при безопасномъ обладанiи счастiемъ нашимъ, наслажденiе наконецъ притупляется. Примѣръ вамъ восхитительныя окрестности нашего города: мы, которые живемъ здѣсь и умираемъ, совсѣмъ не такъ цѣнимъ ихъ, какъ люди, издалека прiѣзжающiе сюда на короткое время; они наслаждаются, ибо не забываютъ ни на минуту, что скоро должны разстаться со здѣшними мѣстами. Такъ и мужъ, совершенно увѣренный въ женѣ своей: если не боится, что она можетъ принадлежать вмѣстѣ и другому, то наконецъ перестанетъ дорожить сво-

имъ счастьемъ. Владѣлецъ недвижимаго имѣнія даже и въ смутное время бываетъ спокойнѣе, нежели владѣлецъ денежнаго капитала; ибо тотъ знаетъ, что никто въ свѣтѣ не похититъ его собственности, между тѣмъ какъ деньги — товаръ лакомой для всякаго. Вотъ отъ чего последній бережетъ шкатулку свою въ кладовой за крѣпкими замками и запорами, иногда неспитъ цѣлыя ночи, и предметъ заботы становится для него тѣмъ любезнѣе; владѣлецъ же недвижимаго имѣнія оставляетъ собственность свою открытою со всѣхъ сторонъ, ибо увѣренъ, что никто не унесетъ съ собою добра, ему принадлежащаго. Не знаю, ясно ли я выразила свои мысли. —

«Очень ясно!» отвѣчалъ я, чувствуя, что меня бросило въ потъ отъ проклятыхъ ея софизмовъ, и прибавилъ, съ намѣреніемъ сколько нибудь, если можно, отвратить ее отъ богопротивныхъ мыслей о счастіи супружескомъ: «но ваше сравненіе звонкой монеты съ прекрасною молодой женщиною не совсѣмъ годится; деньги — монета ходячая; а женщина совсѣмъ не то; лигатура и рѣзьба

въ прекрасномъ полѣ несравненно мягче, нѣжнѣе, и онѣ скорѣе стерлись бы, нежели обыкновенныя наши монеты. Женщина должна быть не монетою, а медалью кабинета, и единственно для своего мужа.»

— Кто вамъ сказалъ ето? спросила Флорентина, часъ отъ часу дѣлаясь болѣе опасною; она смотрѣла плутовскими глазками, какъ бы давая знать, что продолжаетъ разговоръ единственно для шутки, и нарочно противурѣчитъ съ намѣреніемъ извлечь поучительныя для себя свѣдѣнія о семъ любопытномъ предметѣ: женщины столько же принадлежатъ свѣту, какъ и мущины. Отъ насъ требуютъ общественнаго духа, патріотическихъ расположеній; какъ же можно имѣть то и другое безъ любви къ общественности и къ отечеству? Если должно, чтобы добродѣтели сіи пустили корень; то надобно, чтобы въ сердцѣ женщины подлѣ мужа оставалось мѣстечко еще и для другихъ сыновъ отечества. Вашъ идеалъ женскій напротивъ того всею любовію сердца единственно, исключительно и навсегда принадлежать долженъ мужу! Хотите, чтобъ весь міръ несуществовалъ для вашей супруги,

кромѣ тѣснаго уголка, въ которомъ вы расположились жить съ нею! Не егоизмъ ли ето? не излишнее ли властолюбіе? —

«Екстрапочта!» опять прокричалъ маркеръ, и Флорентина, очевидно недовольная помѣхою въ продолженіи разговора, побѣжала принимать новыхъ гостей, бросивъ на меня взглядъ умильный, и сказавъ, что возвратится въ одну минуту.

Уже намочилъ-было я кончикъ указательнаго своего пальца, чтобы стереть имя Флорентины, шестой особы въ числѣ извѣстной седмерицы; но взглядъ ея! Ахъ, какою силою волшебства обладаютъ глаза дѣвицы прекрасной! Я оставилъ свое намѣреніе, и въ досадѣ ломая миндальные орѣхи, воображалъ себѣ всю нелѣпость заведеннаго порядка въ домѣ, что Флорентина должна привѣтствовать каждаго путешественника; думалъ, что доставшись благоразумному супругу, и вышедши изъ круга трактирнаго, она можетъ еще исправиться въ образѣ мыслей, можетъ забыть вредныя правила. Однакожъ она опять что-то медлитъ. . . Флорентина еще почти ребенокъ; сердце ея способно принимать всякія впечатлѣнія; при та-

кихъ неосторожныхъ родителяхъ, которые заставляютъ ее встрѣчать всѣхъ приѣзжихъ и тѣмъ подвергаютъ ее очевидной опасности, она идетъ прямымъ путемъ къ погибели. Такимъ образомъ въ душѣ моей непроизвольно составилась мысль, для меня самаго неясная, что ей ни одного часа недолжно оставаться въ етомъ домѣ; что въ тихомъ уединеніи она узнаетъ цѣну существеннымъ обязанностямъ своего пола, и что при свѣтломъ умѣ ея отнюдь не трудно будетъ. . . Но гдѣ же она опять такъ долго? Не еще ли злой духъ пригналъ сюда пару неотвязныхъ жителей туманнаго острова? — Меня обдало какъ бы горячею водою. Я хотѣлъ было встать, идти и посмотрѣть, гдѣ она замѣшкалась; но уже я вставалъ однажды, и возвратился, когда она явилась; родители и гости вѣроятно и безъ того замѣтили, что она была мнѣ надобна. Чтожъ подумаютъ теперь, когда я встану и опять сяду, какъ скоро она покажется!

Входитъ гусарской Маіоръ, обхвативъ рукою Флорентину! Оба смѣются и шумятъ. Она проситъ меня отодвинуться

немножко; приказываетъ подать приборъ для Маіора; садится съ нимъ, оборотясь ко мнѣ спиною; дружески раздобарываетъ и хохочетъ, а меня какъ будто нѣтъ и на свѣтѣ! . . . .

Тогда я опять снарядилъ указательный перстъ свой и — прочь Флорентина. Но я обмакнулъ его въ кровь своего сердца; ибо почувствовалъ колотье въ лѣвой сторонѣ груди своей. Таковъ былъ мигъ пробужденія моего послѣ розовыхъ мечтаній.

По видимому, знакомство между ними было ни чуть не новое. Она говорила о послѣднемъ балѣ на теплыхъ водахъ по близости Кларенбурга; онъ величалъ ее царицею вечера, и жалѣлъ, дѣлая между тѣмъ нѣжныя укоризны, что неудостоился болѣе трехъ разъ танцовать съ нею; разсказывалъ, какъ одинъ референдаріусъ, ошибкою счелъ ее за свою даму для третьяго котильона и хотѣлъ было драться съ адьютантомъ, какъ вся зала была въ восторгѣ отъ ея гавотты, какъ другія дѣвушки едва не лопнули отъ зависти и досады — и отчасу болѣе кружилъ голову суетной Флорентинѣ.

Я не могъ вытерпѣть; всталъ, чтобъ идти къ себѣ въ комнату и лечь въ постелю. Невольно взоръ мой упалъ на Флорентину, и я все еще нашелъ ее удивительно прекрасною! Мнѣ представилась только лишь боковая сторона лица ея; но не можетъ быть ни столь благородной, ни болѣе плѣнительной наружности: полный, ослѣпительной бѣлизны затылокъ, алебастровыя плеча, лебединая шея, нѣжный на лилейной щекѣ румянецъ, пышныя кудри головы золотистой! Я стиснулъ вѣжди, чтобы напечатлѣть въ душѣ своей милый образъ и сохранить его для сладостныхъ мечтаній.

«Я слышалъ отъ дочери,» сказалъ мнѣ отецъ, вставая изъ за стола вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ «что вы въ знакомствѣ съ господиномъ Совѣтникомъ Правленія Блумомъ. Надѣемся скоро увидѣть его здѣсь. Если угоденъ ему нашъ домъ, то мы отъ всей души готовы принять его. Покойная госпожа Мильборнъ много намъ дѣлала добра и всегда насъ жаловала. Потрудитесь написать къ нему, что лучшая комната въ домѣ, подъ No 3мъ, рядомъ съ комнатою нашей дочери, будетъ для него въ совершенной готовности.»

Тутъ родилась во мнѣ охота намекнуть отцу о превратномъ воспитаніи, какое онъ даетъ Флорентинѣ. Я старался завести объ ней рѣчь непримѣтнымъ образомъ; говорилъ, къ великому удовольствію хозяина, что другъ мой Блумъ именно совѣтовалъ мнѣ ѣхать прямо къ Синему Ангелу; что онъ съ восторгомъ отзывался о дочери хозяйской, о которой, надобно думать, подробно освѣдомлялся, ибо описывалъ мнѣ портретъ ея съ вѣрностію опытнаго живописца; что я узналъ ее съ перваго взгляда; что онъ впрочемъ по пріѣздѣ своемъ найдетъ въ ней достоинства далеко выше всѣхъ своихъ ожиданій; что я не желалъ бы однако сегодня видѣть здѣсь моего друга.

«Вы желали бы, чтобъ онъ сегодня не пріѣхалъ!» возразилъ мой содержатель гостинницы, съ напряженнымъ вниманіемъ, неожидая ничего хорошаго отъ мины, которую сдѣлалъ я при окончаніи своей рѣчи: «что бы вы разумѣли подъ етимъ?»

— Моя мысль та, что онъ съ другой стороны могъ бы въ ожиданіяхъ своихъ быть обманутъ вразсужденіи дѣвицы Флорентины. —

Тутъ папа̀ Вейнлихъ навострилъ уши.

— Вотъ на примѣръ — говорилъ я далѣе, будто не замѣчая мучительной нетерпѣливости слушателя — сколько знаю друга своего Блума, не думаю, чтобъ ему понравился заведенный въ домѣ вашемъ тотъ порядокъ, что дѣвица Флорентина должна встрѣчать каждаго путешественника. Онъ человѣкъ строгихъ правилъ, можетъ быть, до излишества строгихъ; однакожъ такія встрѣчи, такія привѣтствія — воображаю Блума теперь стоящимъ передо мною, и мнѣ кажется, будто слышу собственныя слова моего друга — по его образу мыслей, вовсе не принадлежатъ къ обязанностямъ дѣвицы. —

«И мнѣ кажется, будто его слушаю,» громко сказалъ г. Вейнлихъ «хотя въ жизнь свою ни гдѣ съ нимъ не встрѣчался; точно такимъ тономъ говаривала его покойная бабушка. За то уже я не сто разъ и спаривалъ съ нею.»

— Вотъ видите ли? — перебилъ я, и внутренно радовался, что люди благоразумные, опытные, безпристрастные тоже самое находили неприличнымъ.

«Да, вижу!» продолжалъ Вейнлихъ: «хорошо имъ говорить; живучи въ доволь-

ствѣ, не всякой хочетъ знать о потребностяхъ въ жизни человѣческой. Признайтесь, любезный господинъ Секретарь: не правда ли, что и вамъ самимъ было пріятно, входя въ мой домъ, встрѣтиться съ ласковою и пригожею дѣвицею?»

— Было ли пріятно мнѣ, г. Вейнлихъ? Такая встрѣча, сама по себѣ, для всякаго покажется очаровательною; только... —

«Все зависитъ отъ перваго впечатлѣнія» отвѣчалъ папа Вейнлихъ, съ удовольствіемъ видя, что я одобряю существующій порядокъ въ его домѣ. «Представьте себѣ, что о путешественникѣ, вошедшемъ въ гостинницу, никто незаботится; что хозяева и слуги будто бы его не замѣчаютъ: обвините ли его, если онъ немедленно дастъ тягу, и рѣшится скорѣе пристать въ какой нибудь корчмѣ, гдѣ хозяинъ по крайней мѣрѣ встрѣтитъ его съ искреннею ласкою? Въ прежніе годы, пока жена моя была молода и красива, ея дѣломъ было встрѣчать пріѣзжихъ; теперь пришла очередь Флорентины, и могу сказать, что мы не въ накладѣ: каждой гость живетъ въ гостинницѣ моей какъ у себя дома, и кто былъ у насъ

однажды, тому навѣрное непридетъ въ голову остановиться въ другомъ мѣстѣ, потому что онъ считался въ домѣ нашемъ, такъ сказать, семьяниномъ.»

— Прекрасно! Только будущему супру-гу дочери вашей, статься можетъ, не ве-село будетъ принадлежать къ столь много-численному семейству. —

«Когда Тинушка будетъ выдана;» сказалъ г. Вейнлихъ такимъ тономъ, ко-торой показывалъ, что за женихомъ дѣ-ло не станетъ: «въ то время пускай се-бѣ живетъ по волѣ мужа; а теперь дол-жна дѣлать, что̀ намъ угодно, и . . .»

— Справедливо — перебилъ я, дѣлая кислую мину: — однакожъ изъ такихъ не-пристойныхъ учтивостей иногда произой-ти могутъ неотвратимыя неприятности для столь юной и прекрасной дѣвицы. Вотъ на примѣръ таки въ нынѣшній ве-черъ двое Англичанъ. . . Дочь ваша сама призналась. . . —

«А въ чемъ она призналась?» подхва-тилъ почтенный Вейнлихъ, давая разумѣть, что учительскій тонъ мой и охота вмѣ-шиваться въ чужія дѣла ему весьма не по

мыслямъ: «самое величайшее несчастіе, какое могло случиться, — одинъ поцѣлуй! вотъ какая бѣда! Отъ етаго, сказать правду, не умерла еще ни одна дѣвушка.»

Довольно! Я пошелъ къ себѣ, ни съ кѣмъ непростившись. Флорентина сидѣла въ кругу съ молодыми гостями, которые за бутылкою шампанскаго шумѣли и веселились. Она прикушивала изъ одного бокала съ зеленымъ господиномъ. Для меня довольно и слишкомъ довольно!

Луисъ, неутомимѣйшій изъ шепкихъ маркеровъ, присвѣчивалъ мнѣ на лѣстницѣ. Мы шли очень длиннымъ корридоромъ, мимо комнатъ, которыя по обѣимъ сторонамъ, какъ водится въ гостинницахъ, на дверяхъ означены были нумерами.

Нумеръ 3й, которой отведенъ былъ бы для меня, еслибъ я выступилъ на сцену подъ своимъ собственнымъ именемъ, примыкалъ, какъ говорилъ самъ хозяинъ, къ комнатѣ Флорентины, то есть къ нумеру 2му, или же 4му.

Какая мнѣ до нихъ нужда послѣ того, что видѣлъ я и слышалъ въ нынѣшній вечеръ? — Такъ бы должно быть; несмо-

тря на то, я горѣлъ нетерпѣніемъ узнать, гдѣ именно живетъ Флорентина.

«Прекрасной домъ!» сказалъ я будто про себя, идучи въ слѣдъ за проворнымъ мусье Луисомъ: «тутъ на право и на лѣво должно быть больше двадцати комнатъ.»

— Двадцати? — подхватилъ мусье Луисъ съ торжествующимъ видомъ: скажите лучше тридцать шесть. Да, сударь, ногамъ нашимъ столько работы, что и Боже упаси! Бѣгавши цѣлой день то съ лѣстницы, то на лѣстницу, вечеромъ ходишь весь вотъ какъ избитый. —

«Тридцать шесть комнатъ!» повторилъ я въ изумленіи, какъ будто въ жизнь свою невидывалъ такой огромной гостинницы: «и всѣ для пріѣзжающихъ?»

— Всѣ для пріѣзжающихъ, сударь, кромѣ No 1го, въ которомъ живутъ хозяева, и No 2го, гдѣ помѣщается дѣвица Флорентина. —

«Ну, а тутъ въ 3мъ нумерѣ?» спросилъ я съ нетерпѣніемъ, ждалъ отвѣта, что онъ назначенъ для Совѣтника Правленія Блума, и уже готовился много кое-

чего поразвѣдать объ етомъ Блумѣ у болтливаго мусье Луиса.

— Здѣсь въ 3 мъ нумерѣ квартируетъ гусарской Маіоръ; онъ только нынѣшнимъ вечеромъ пріѣхалъ — сказалъ Французъ и отворилъ мою комнату, прямо насупротивъ етаго адскаго нумера.

Будучи встревоженъ и въ самомъ безпокойномъ расположеніи духа, я ходилъ туда и сюда по комнатѣ. Въ жизнь мою ни одна женщина не дѣйствовала на меня властію красоты своей такъ сильно, какъ Флорентина; и ето нестерпимое легкомысліе, ето неуваженіе къ собственному достоинству, невниманіе къ нѣжной моей склонности, странная дружба къ Маіору, къ застольнымъ собесѣдникамъ, къ зеленому фраку, и въ добавокъ еще — со вторымъ нумеромъ рядомъ проклятый нумеръ *третій!* Безспорно, всему виною отецъ неблагоразумный — я очень понималъ ето, и молча оправдывалъ вѣтренность Флорентины; но какія ни были бы тому причины, а она, при нынѣшнемъ состояніи дѣлъ, для меня погибла невозвратно. Желаніе всякому нравиться, владѣть сердцемъ всякаго, пустило въ ней глубокіе

корни; и хотя бы даже она донынѣ чужда была разврата, но при такомъ воспитаніи стòитъ лишь сдѣлать одинъ шагъ, чтобъ . . . — Тутъ кто-то взошелъ на лѣстницу; я побѣжалъ къ двери, отворилъ немного: то была Флорентина! Она впорхнула въ свою комнату, напередъ пожелавши мнѣ доброй ночи — разумѣется, она замѣтила, что дверь моя была нѣсколько отворена.

Доброй ночи! Ахъ! для чего я не послушался Цвикера! для чего не остановился подъ вывѣскою Быка золотаго! Гдѣ Богемскіе торговцы безпечно наслаждаются сномъ подлѣ своихъ нитокъ; тамъ и я нашелъ бы отдыхъ безмятежный, не вслушивался бы въ подозрительный для меня шорохъ и топотъ, не мучился бы несносною послѣ дороги безсонницею. . . Насилу могъ я забыться уже при всходѣ солнца.

«Намѣрены ли вы сегодня встать, господинъ путешественникъ, или нѣтъ? Давно пробило десять, и вотъ ужъ два раза дѣвушка приходила за отвѣтомъ» — сказалъ мнѣ досадный Луисъ, держа въ лѣвой рукѣ тарелку съ кофейнымъ прибо-

ромъ, а правою подавая записку. Чистое, искусно сложенное письмецо написано было женскою рукою: ужь не отъ дѣвицы ли Цвикеръ? Совсѣмъ нѣтъ: оно отъ Генеральши фонъ Валдмаркъ, которая была съ юныхъ лѣтъ подругою моей матери. Узнавъ отъ Цвикера, что я, короткій пріятель Совѣтника Правленія Блума, пріѣхалъ въ ихъ городъ, она убѣдительно просила меня какъ можно скорѣе пожаловать къ себѣ поговорить о дѣлахъ, до него касающихся.

Вышедъ изъ гостинницы, смотрю: ѣдутъ въ одной каретѣ Вейнлихъ съ женою и съ двумя какими-то дамами, а въ другой Флорентина съ Маіоромъ и съ обоими Англичанами — гулять за городъ, какъ я услышалъ отъ Луиса. Мнѣ казалось, что я совсѣмъ вылѣчился; напротивъ, обѣ кареты переѣхали черезъ мое сердце и я чувствовалъ въ себѣ давленіе каждаго гвоздя на ободѣ. «Добраго утра, господинъ долго спящій!» закричала ко мнѣ *она* съ очаровательною своей улыбкою. Всѣ мгновенно скрылись за ближнимъ угломъ переулка, а я при одной мысли, что Флорентина и другіе съ нею

вмѣстѣ до того забыли о благопристойности, о достоинствѣ женскаго пола, я отъ внутренняго бѣшенства заскрежеталъ зубами и — даже самъ испугался.

Чрезвычайно разстроенный духомъ, вступилъ я въ домъ или лучше сказать во дворецъ Генеральши. Я шелъ по лѣстницѣ, покрытой богатыми коврами; обѣ стороны ея украшались благоухающими, свѣжими цвѣтами; все было прибрано, все расположено со вкусомъ изящнымъ и въ домѣ господствовало молчаніе, какъ бы въ храмѣ молитвы. Сія тишина неизъяснимо благоприятствовала упокоенію встревоженнаго моего сердца. Сѣдовласый камердинеръ, освѣдомившись о моемъ имени, пошелъ съ докладомъ во внутренніе покои. Спустя двѣ или три минуты, юная брюнетка, надобно думать горничная, просила господина Тайнаго Секретаря войти въ ближній кабинетъ и тамъ дождаться Ея Превосходительства. Я остался одинъ.

Всѣ стѣны кабинета украшены были фамильными портретами. Тамъ висѣли изображенія старины почтенной; черты женъ и дѣвицъ говорили о строгомъ цѣло-

мудріи тогдашняго времени. Какія чинныя и степенныя особы съ умильными лицами въ бѣлыхъ глазетовыхъ контушахъ! Какая сановитая дама въ желтой гродетуровой юпкѣ на фижмахъ! Тамъ честь и краса дома въ широкой мантильи изъ Брабантскихъ кружекъ! Здѣсь ангельскія черты кроткой, молодой — ахъ, Боже мой! ето мать моя въ цвѣтущіе дни своего возраста! Рамы портрета ея украшены амарантами и незабудками; она улыбалась, взирая на меня съ неизъяснимою томностію. Я затрепеталъ отъ радости и умиленія; стоялъ передъ нею, сложивъ руки на груди своей, и слезы вступили въ глаза мои прямо изъ сыновняго сердца. «Матушка, любезнѣйшая матушка!» сказалъ я тихо, слезящимъ взоромъ привѣтствуя давно умершую. Чѣмъ долѣе смотрѣлъ я, тѣмъ живѣе казался мнѣ ея образъ; съ благоговѣйнымъ чувствомъ я мечталъ о лѣтахъ моего дѣтства, о томъ возрастѣ, когда она была единственною подругою моей жизни. Съ тѣхъ поръ какъ ея нестало, и я неимѣю подруги.

Послышался шумъ отъ дверей въ другой комнатѣ. Я поспѣшно оборотился

къ окну, отеръ слезы на лицѣ, и хотѣлъ собраться съ духомъ, чтобы скрыть внутреннее волненіе. Она входитъ; начинаетъ извиняться, что заставила долго ждать себя; вдругъ прерываетъ рѣчь, всматривается въ черты мои испытующимъ взоромъ, и восклицаетъ съ улыбкою сердечнаго доброхотства: «Робертъ! и ты со мною вздумалъ играть комедію? Мой доброй Робертъ, здравствуй! Передъ симъ портретомъ тебѣ не льзя притворяться! У васъ одно лице: глядя на тебя, я вижу передъ собою мать твою, вижу мою Анюту, словно живую.»

Пристыженный, въ сладостномъ замѣшательствѣ, съ глазами полными слезъ, я прижалъ руку ея къ губамъ своимъ; она сама заплакала, обняла меня съ материнскою нѣжностію, и сказала, устремивъ слезящій взоръ на портретъ, украшенный цвѣтами: «О моя Анюта, подруга навѣкъ любезная! для чего ты не здѣсь? Но ты изъ міра безконечныхъ радостей посылаешь на него свое благословеніе. Для сердца матери ничего нѣтъ сладостнѣе гордой увѣренности въ благородствѣ дѣтей своихъ. Кто столько похожъ на мать свою, тотъ съ твердостію характе-

ра мужескаго соединяетъ въ себѣ и добрыя качества нашего пола. Но, Робертъ! я говорю съ *тобою* просто, хотя званіе и мѣсто въ свѣтѣ. . .»

— Милостивая государыня! — прервалъ я: — неговорите со мной иначе. Ваше благоволеніе почитаю драгоцѣннѣйшимъ наслѣдствомъ, оставшимся мнѣ послѣ покойной матушки. Заступите ея мѣсто, и дозвольте мнѣ быть сыномъ вашимъ! —

Первымъ желаніемъ ея, когда разговоръ нашъ склонился къ цѣли моего путешествія, было узнать, для чего я выступилъ здѣсь подъ чужимъ именемъ. По видимому, сначала такой маскарадъ ей непонравился; но когда я разсказалъ о вѣстяхъ, слышанныхъ мною отъ Сандлера, и объяснилъ причины, побудившія меня явиться здѣсь подъ именемъ Страгуро, то есть въ качествѣ суррогата (*) моей собственной особы, она сама стала забавляться моею выдумкой. Столько же будучи занятъ намѣреніемъ бабушки вразсужденіи моего супружества, какъ и всѣмъ наслѣдствомъ, я нарочно завелъ рѣчь объ особой за-

(*) Изъ surrogat чрезъ анаграмму выходитъ *Страгуро.*

пискѣ. Она изумилась, когда узнала, что мнѣ извѣстно было ето скрытное обстоятельство дѣла, и жаловалась на болтливость нашего пола: любопытствовала угадать, какими путями фамильная тайна могла быть обнаружена за общимъ столомъ въ гостинницѣ; но касательно содержанія записки, равно какъ и дѣвицы, которую бабушка предпочтительно прочила мнѣ въ супруги, Генеральша Фонъ Валдмаркъ не была въ состояніи удовлетворить меня вѣрнымъ извѣстіемъ, потому, говорила она, что сама не хотѣла проникать въ чужую тайну.

Видя, что я ету статью завѣщанія почитаю весьма важною, она прибавила: «Будь спокоенъ и дѣйствуй свободно. Кого имѣла она въ виду, подлинно я не вѣдаю; въ томъ только могу тебя увѣрить, что благодѣтельная Мильборнъ несвязала тебя никакимъ предписаніемъ рѣшительнымъ: она очень хорошо знала и свѣтъ и сердце человѣческое. Если ты свободенъ, выбирай кого хочешь здѣсь ли, въ другомъ ли мѣстѣ. Доходъ отъ 50,000 талеровъ несоставляетъ особливой важности при богатомъ твоемъ наслѣдствѣ.»

— Я и недумалъ дорожить имъ, хотя бы жребій случайно палъ на избранную покойною бабушкой; проценты и безъ того предоставлены будутъ въ пользу бѣдныхъ. Но я не желалъ бы, если можно только, ни въ чемъ отступить отъ воли благотворительницы, которой обязанъ всѣмъ земнымъ счастіемъ жизни. Если выберу другую, на совѣсти моей лежать будетъ вѣчный упрекъ, что ея воля. . . —

«Воли ея не было, а только лишь одно желаніе. Досадна, крайне досадна мнѣ болтливость Сандлера. Тебѣ должно было узнать объ етомъ не иначе, какъ уже послѣ помолвки. Но что сдѣлано, такъ тому и быть. Теперь надобно, чтобъ ты увидѣлъ всѣхъ здѣшнихъ дѣвушекъ. У меня давно было на умѣ по пріѣздѣ твоемъ дать балъ для всѣхъ, принадлежавшихъ къ кругу знакомства покойной Мильборнъ. Теперь я сама очень довольна, что ты явился подъ чужимъ именемъ. Время траура кончилось; спустя недѣлю, будетъ у насъ 7 е число, то есть день твоего рожденія и — бала. Причина сего праздника останется для всѣхъ тайною. Въ числѣ нашихъ Кларенбургскихъ краса-

вицъ ты найдешь очень любезныхъ дѣвушекъ. Выберешь — хорошо; нѣтъ — поѣзжай себѣ обратно въ столицу. Дѣйствуй, какъ будто вовсе ничего не зналъ ты объ особой статьѣ завѣщанія: увѣряю тебя, что такимъ образомъ въ совершенной точности исполнишь желаніе покойной бабушки.»

Я провелъ цѣлой день у Генеральши. Ея умная бесѣда, ея любовь къ памяти незабвенной моей матери и благодѣтельной бабки сократили время многими часами. Я долженъ былъ обѣщаться, въ пребываніе свое въ Кларенбургѣ, ежедневно обѣдать съ нею; далъ слово и — не бывалъ у нея ни разу до самаго бала. Такъ нерѣдко бываетъ съ обѣщаніями человѣческими!

Возвратившись въ гостинницу Синяго Ангела, узналъ я отъ Луиса, что хозяева мои и гости ихъ все еще были за городомъ; что Вейнлихъ имѣлъ у себя мызу, куда обыкновенно возилъ своихъ постояльцевъ; что туда же ѣздили молодые кавалеры съ дамами, и гульба продолжалась до самой ночи, разумѣется, на счетъ посѣтителей. Чѣмъ презрѣннѣе въ глазахъ

моихъ становился папа Вейнлихъ, тѣмъ болѣе, по мягкости сердца, извинялъ я Флорентину. Дѣвушкѣ съ наилучшими правилами невозможно удержаться въ предѣлахъ должнаго благоприличія, имѣя отцемъ спекулянта, у котораго все продается. Луисъ шелъ съ огнемъ передо мною черезъ корридоръ мимо комнатъ подъ нумерами вторымъ и третьимъ. Постой же, надобно съиграть съ нимъ шутку, думалъ я, злясь на Маіора, и сказалъ маркеру, что No 3й назначенъ, какъ онъ самъ отъ хозяина слышалъ, для Совѣтника Правленія, которой въ ночь непремѣнно пріѣдетъ, и что нумеръ должно теперь же для него очистить. Вотъ мой Луисъ, пожимая плечами, говоритъ, что эта комната окнами стоитъ на дворъ, и что для Совѣтника Правленія врядъ ли будетъ она просторна. Я вошелъ въ нумеръ, осмотрѣлъ, нѣтъ ли путей сообщенія съ ближними комнатами, и — началъ дышать свободнѣе. «Совѣтникъ Правленія» продолжалъ я далѣе свою шутку «увѣдомленъ отъ меня письмомъ, которое отправлено къ нему на встрѣчу на первую отсюда станцію, что для него готова именно эта комната. Надобно ее непремѣнно очи-

стить; иначе, онъ разсердится и поѣдетъ искать себѣ другой квартиры. А такого жильца выпускать изъ рукъ я никакъ бы не совѣтовалъ: онъ и богатъ и торовамъ, особливо же охотникъ награждать служащихъ въ домѣ. . .»

— Посмотримъ, не льзя ли какъ нибудь уладить; госпожа Маіорша посердится конечно, однакожъ. . . —

«Госпожа Маіорша?» перервалъ я, бывъ пораженъ изумленіемъ, и курсъ на Флорентину вдругъ значительно поднялся въ моемъ мнѣніи.

— Да, сударь! она съ сестрою своей живетъ здѣсь рядомъ, вотъ въ 4мъ нумерѣ. Еще на святой пріѣхала она къ намъ лѣчиться послѣ родовъ очень въ плохомъ состояніи, и нашъ городовой докторъ поставилъ ее на ноги. Маіоръ посѣщалъ ее чрезъ каждыя двѣ недѣли, останавливался обыкновенно въ етомъ нумерѣ, а теперь пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы взять ее съ собою. Развѣ сегодня утромъ не видали вы ее и съ сестрою? Она сидѣла съ хозяевами въ первой каретѣ. —

Проклятой порокъ ревности! Какъ желалъ бы я въ ету минуту видѣть около себя всѣхъ страждущихъ симъ несчастнымъ недугомъ! Я прочиталъ бы имъ преубѣдительное поученіе.

Маіоръ женатъ, разсуждалъ я самъ съ собою: короткое знакомство съ нимъ происходитъ отъ частыхъ посѣщеній; есть правда еще кое что неприличное въ поступкахъ Флорентины, на примѣръ обхожденіе съ зеленымъ фракомъ; но етому и всему виною отцовская неосторожность.

Разумѣется, большаго труда не стоило мнѣ убѣдить Луиса, чтобъ оставилъ 3й нумеръ въ распоряженіи Маіора впредь до повелѣнія. Между тѣмъ въѣхали на дворъ обѣ кареты. Флорентина сидѣла уже съ матерью, съ Маіоршею и ея сестрою. Она дружески меня укоряла, когда я принялъ ее изъ кареты, за чѣмъ я проспалъ гулянье, давала разумѣть о непріятности сообщества съ тяжелыми Англичанами и тѣмъ погасила во мнѣ послѣднія искры подозрѣнія. Въ поступкахъ ея также было замѣтно болѣе осторожности и благоразумія.

Изнемогши после зноя дневнаго, я не остался ужинать, и зараньше легъ въ постелю спокойнѣе нежели вчера и довольнѣе.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Историческое обозрѣніе Россійской Имперіи въ концѣ истекшаго года.

Могущественная Россійская Имперія дѣйствовала въ минувшемъ году сообразно достоинству своему и силѣ. Защищаемыя ею выгоды, ко благу всего міра, суть вмѣстѣ и выгоды человѣчества. Между тѣмъ какъ побѣдоносное воинство углублялось въ сердце Персіи, въ то же время огненныя жерлы ея гремѣли въ гавани Наваринской, посолъ ея произнесъ важныя слова въ Константинополѣ, и она же въ началѣ года способствовала удаленію отъ Португалліи опасностей, грозившихъ ей со стороны извѣстной партіи Испанской. Журналъ Колумбусъ, отличающійся весьма любо-

пытными статьями, въ Мартовской книжкѣ доказывалъ, что Россія и Сѣверная Америка суть такія двѣ Державы, которыя богатствомъ и обширностію своихъ владѣній удерживаютъ равновѣсіе противъ торговаго владычества Англіи надъ цѣлымъ свѣтомъ. Извѣстно, что Императоръ Александръ былъ уже въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Сѣверо-Американскими Соединенными Областями, и что Онъ былъ избранъ въ посредники для прекращенія споровъ между сею послѣднею Державою и Великобританніею. Съ мудростію и правотою великая Европейско-Азіятская Имперія, ни въ какихъ новыхъ пріобрѣтеніяхъ неимѣющая нужды, и совѣтомъ и дѣломъ охраняетъ дружественныя на твердой землѣ Державы отъ всякаго вреда внутренняго и внѣшняго, равно какъ Сѣверная Америка поступаетъ въ разсужденіи другихъ областей Новаго Свѣта. Безкорыстно, съ единственнымъ желаніемъ чтобы цвѣла промышленность, она старается поддерживать торговлю въ Европѣ; будучи въ безопасности отъ всякаго нападенія, желаетъ, чтобы всѣ націи благоденствовали въ мірѣ и спокойствіи.

Когда всѣ нужныя приготовленія были сдѣланы, искусный и храбрый Генералъ Паскевичъ съ отдѣльнымъ корпусомъ своимъ двинулся противъ Еривана или Персидской Арменіи, и походъ сей увѣнчанъ столь же быстрымъ, какъ и блестящимъ успѣхомъ. Іюня 26го прибылъ онъ съ авангардомъ и съ первою дивизіею къ рѣкѣ Араксу, обложилъ крѣпость Аббасъ-Абадъ и потомъ открылъ траншеи. Узнавъ между тѣмъ, что Аббасъ-Мирза приближается съ 40,000 человѣкъ войска, Россійскій Вождь принялъ намѣреніе встрѣтить непріятеля съ большею частію своего корпуса. Артиллерія и конница переправились черезъ Араксъ въ бродъ, а пѣхота перешла по мосту на бурдукахъ (бычьихъ кожахъ, сшитыхъ и наполненныхъ воздухомъ) — изобрѣтенія Генералъ-Адъютанта Паскевича. Жаръ былъ великъ и маршъ чрезвычайно затруднителенъ. Паскевичъ, нашедъ непріятеля въ положеніи весьма выгодномъ, приказалъ Генералъ-Лейтенанту Князю Еристову аттаковать его съ двумя драгунскими ескадронами. Непріятель побѣжалъ, былъ преслѣдуемъ и потерялъ одно знамя. Искусное сіе движеніе увѣнчано было совершеннымъ

успѣхомъ: Русская пѣхота овладѣла холмомъ, которой господствовалъ надъ центромъ непріятельской позиціи. Персы же, видя лѣвый флангъ свой разбитымъ, не дерзнули сопротивляться, были преслѣдуемы конницею и утратили главное знамя, которое слыветъ у нихъ побѣдоноснымъ. Бѣгство непріятеля происходило въ неизъяснимомъ безпорядкѣ. Самъ Аббасъ Мирза съ трудомъ успѣлъ вскочить на коня и спастись отъ драгунъ Русскихъ, которымъ въ руки досталось его оружіе. Въ етотъ день непріятель потерялъ 400 человѣкъ убитыми и 100 плѣнными, въ числѣ которыхъ было нѣсколько Хановъ. Во время сего сраженія гарнизонъ крѣпости Аббасъ-Абада дѣлалъ вылазку и былъ обратно прогнанъ съ потерею. Іюля 7 го она сдалась на договоръ: гарнизонъ положилъ оружіе и отдалъ знамена, а начальникъ крѣпости Мегеметъ-Эминъ-Ханъ-зять Шаха, предсталъ передъ побѣдителя съ ключами города, въ качествѣ военноплѣннаго. Здѣсь Русскими найдено было 18 пушекъ со множествомъ запаса и снарядовъ.

Генералъ-Адъютантъ Паскевичъ, послѣ многихъ сраженій, всегда во вредъ

Персіянамъ и къ выгодѣ Русскихъ, направилъ маршъ свой къ Еривани и началъ осаждать сію важную крѣпость, главный городъ Персидской Арменіи. Примѣтивъ уныніе въ осажденныхъ, онъ приказалъ предложить Гассанъ-Хану условія сдачи, имѣя въ виду воспользоваться удобнымъ временемъ для быстраго продолженія военныхъ дѣйствій. На другой день Гассанъ-Ханъ отвѣчалъ, что готовъ сдать крѣпость, съ условіемъ предварительно спросить о томъ у Аббаса Мирзы; тогда Генералъ Паскевичъ письменно потребовалъ у него сдачи безъ всякихъ условій, и пальба изъ всѣхъ батарей была удвоена. Октября 1 го поутру огонь непріятельскій сдѣлался слабѣе, и замѣчено было, что нѣкоторые жители, махавшіе на стѣнѣ платками, спускались къ пролому и бѣжали къ траншеямъ. Генералъ-Маіоръ Лаптевъ немедленно послалъ Полковниковъ Гурко и Шипова съ шестью ротами своднаго полка Лейб-гвардіи для занятія юго-восточной башни между первою и второю стѣнами и куртинъ къ нимъ примыкающихъ, что̀ и было исполнено съ такою же быстротою, какъ и рѣшительностію. Самъ Генералъ пошелъ въ слѣдъ за ними

съ достальными ротами гвардіи, съ рабочими 39 полка егерскаго и съ піонерами къ сѣвернымъ воротамъ, дабы пресѣчь непріятелю отступленіе. Генералъ Красовскій присоединился къ нему съ частію своего отряда; въ нѣсколько минутъ ворота были выломаны и Русскіе устремились въ городъ. Гассанъ-Ханъ спасся бѣгствомъ при общемъ замѣшательствѣ. Генералъ-Лейтенантъ Графъ Сухтеленъ въ скоромъ времени нашелъ его въ мечети, гдѣ упомянутый Ханъ скрывался съ 200 своихъ клевретовъ. Всѣ они сдались, и Графъ Сухтеленъ самъ обезоружилъ Гассанъ-Хана, Коммендантъ найденъ былъ въ подземельи. Подпоручикъ Лелякинъ, одушевленный отвагою, предотвратилъ ужасный взрывъ, погасивши горящій фитиль въ пороховомъ магазинѣ. Генералъ Паскевичь немедленно учредилъ временное управленіе въ Персидской Арменіи (Еривани) подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Красовскаго, а самъ непосредственно за тѣмъ, 6го Октября, отправился въ путь, чтобы соединиться съ Княземъ Еристовымъ и потомъ слѣдовать далѣе къ Тавриѣу — резиденціи Аббаса Мирзы и средоточію военныхъ его распоряженій. Послѣдствіемъ сего похода было

завоеваніе двухъ областей (Еривани и Нахичевана), 8 знаменъ, 50 пушекъ, взятіе въ плѣнъ 2 Сардарей, 10 Хановъ и 6000 воиновъ, наконецъ пріобрѣтеніе большаго количества провіанта и другихъ припасовъ. Покореніе Еривани, дотолѣ почитаемой неодолимою, распространило такой ужасъ между Персами, что сарбазы уже не хотѣли болѣе сражаться, и Аббасъ Мирза едва 3000 человѣкъ имѣлъ подъ знаменами своими; Персы же, радуясь освобожденію отъ жестокаго ига, и видя что Русскіе воины наблюдаютъ строгую дисциплину, повсюду встрѣчали ихъ какъ своихъ избавителей.

Генералъ Лейтенантъ Князь Ерисmовъ, получивъ извѣстіе, что Аббасъ Мирза дѣлалъ приготовленія истребить всѣ военныя работы и запасы въ своей столицѣ, 11 Октября выступилъ изъ Маранды и быстро двинулся къ Таврису. Алаяръ Ханъ, зять и первый Министръ Шаха, тщетно угрозами и жестокостями побуждалъ жителей къ сопротивленію: когда Русскіе, 13 Октября, явились передъ Таврисомъ; сарбазы разбѣжались, оставивъ Алаяръ-Хана безъ всякой помощи, а жи-

тели, въ предшествіи имановъ своихъ, выступили съ громкими кликами на встрѣчу къ побѣдителямъ. Тогда Генералъ-Маіоръ Панкратьевъ съ военною музыкою вошелъ въ городъ и занялъ укрѣпленный замокъ. Народъ, въ ожесточеніи противъ Аббаса Мирзы, принялся было расхищать дворецъ его; но вскорѣ отрядъ Русскихъ разогналъ грабителей. Алаяръ-Ханъ достался въ плѣнъ. Въ непродолжительномъ времени Шахъ открылъ мирные переговоры, а Русскіе между тѣмъ продолжали побѣдоносной походъ свой и вступили въ Хои. — Въ тоже время воспослѣдовало морское сраженіе при Наваринѣ, гдѣ Россійская ескадра подъ начальствомъ Графа Гейдена озарилась блестящими лучами славы. — Слѣдствіе Персидскаго похода весьма важно: средняя Держава между Россіею и Восточною Индіею совершенно ослаблена; границы Турецкой Азіи открыты съ востока. Ко благу всего человѣчества Россія, сражаясь за свое собственное дѣло, ратуетъ вмѣстѣ за дѣло религіи и просвѣщенія; она служитъ орудіемъ руки Всевышней при нравственномъ развитіи рода человѣческаго. Нынѣ и Тифлисъ въ качествѣ торговаго мѣста относитель-

но къ Южной Азіи станетъ на ту высокую степень, для которой предназначенъ онъ своимъ положеніемъ.

Мѣсто не дозволяетъ въ семъ быстромъ обозрѣніи показать вполнѣ, до какой высоты благосостоянія и могущества достигло Россійско-Польское Государство и чѣмъ оно обязано въ особенности кратковременному еще правленію своего младаго, столько же дѣятельнаго, правосуднаго, какъ и милосердаго МОНАРХА; ограничимся краткими извѣстіями статистическими, которыя послужатъ достаточнымъ тому свидѣтельствомъ. По оффиціальнымъ показаніямъ Россійско-Польское государство на 375,174 кв. миляхъ содержитъ въ себѣ 59,534,000 душъ, изъ числа коихъ полагается на Европейскую Россію 44,118,600, на Польское Царство 3,702,300, на Азію 4,663,000, на Америку 50,000 жителей. Число фабрикъ въ Россіи простирается до 3724, сумма капиталовъ торговыхъ до 319 милліоновъ рублей, изъ коихъ 52 милліона полагаютъ на Москву, а 26 милліоновъ на С. Петербургъ. Въ 1825 году новорожденныхъ Греческаго исповѣданія въ Россіи было 1,705,615 – умершихъ 1,071,206.

Со времени присоединенія Бессарабіи къ Россіи число жителей возрасло въ оной отъ 400,000 душъ до 800,000, и въ такомъ же содержаніи возвысилось тамъ сельское домоводство, особливо винодѣліе, которымъ занимаются весьма успѣшно. Разныя племена и преимущественно Башкиры видимо перенимаютъ образованность гражданскую. Сельскія распоряженія въ Лифляндіи увѣнчаны благословеннымъ успѣхомъ. Доходы отъ соли Крымской увеличиваются отчасу болѣе, а Одесса большую часть береговъ Средиземнаго моря снабжаетъ своими запасами зерноваго хлѣба. Купеческое мореплаваніе производится все съ бо́льшею дѣятельностію при особенномъ содѣйствіи Правительства. Размножаются отличныя породы овецъ, и для продажи шерсти назначены годовыя торжища. Изъ Бессарабіи въ 1826 году вывезено товаровъ на 4,127,345 рублей. Заложены значительныя фабрики въ Ригѣ, въ Одессѣ. Шелководство пріобрѣтаетъ отчасу большую значительность, Университетъ С. Петербургскій процвѣтаетъ. Многіе изъ сосѣдственныхъ владѣльцовъ, и между прочими Султанъ Шадлинскій, предали себя покровительству Россіи.

Народонаселеніе въ Херсони и въ Крыму приумножается съ быстрою постепенностію. Торговля съ Бухаріею безпрерывно усиливается. Земли подъ военными поселеніями воздѣлываются со счастливымъ успѣхомъ. Въ Курляндіи и Лифляндіи заложены хорошія новыя дороги, равно какъ и въ Польшѣ. Золото и платина получаются безпрестанно въ большемъ количествѣ. Послѣ опустошительнаго пожара въ Абовѣ, которому немедленно оказана великодушная помощь отъ Престола, тамошній Университетъ переводится во Фридрихсгамъ (*)! Мудрая система управленія финансами произвела уже счастливыя слѣдствія, и погашеніе долговъ государственныхъ продолжается. Вообще всю военную силу считаютъ въ 1,110,000 человѣкъ. На военный флотъ обращено особенное вниманіе МОНАРХА. 21 го Іюня, въ присутствіи ИМПЕРАТОРА, флотъ изъ 9 линейныхъ кораблей, 14 фрегатовъ и проч., подъ начальствомъ Адмирала Сенявина выходилъ въ море, и потомъ возвратился съ Канала, за исключеніемъ ескадры Графа Гейдена. Важный флотъ

(*) А не въ Гельсингфорсъ?

Черноморскій находится въ наилучшемъ состояніи и въ совершенной готовности. Изданы постановленія для военныхъ колоній. Общественныя училища и сообразное цѣли, точное отправленіе правосудія суть главные предметы попечительности истинно мудраго, великаго МОНАРХА. Выборъ особъ, которымъ ввѣрено главное управленіе разными частями, сдѣланъ ИМЪ весьма счастливо. — Графъ Каподистріа, назначенный занять высокую чреду возстановителя Еллады, получилъ Всемилостивѣйшее увольненіе отъ Императорской службы. — Наслѣдникъ Престола, Великій Князь Александръ Николаевичь, Которому исполнилось девять лѣтъ въ 17 день Апрѣля, подаетъ о Себѣ величайшія надежды; Онъ воспитывается весьма тщательно и получаетъ наставленія отъ учителей самыхъ отличнѣйшихъ.

Россія, находясь въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Сѣверо-Американскими Соединенными Областями, въ то же время хранитъ наилучшее согласіе съ Великобританіею, и Георгій IV прислалъ къ НИКОЛАЮ I знаменитый орденъ Подвяз-

ки. — Уже при концѣ года узнали, что въ началѣ Ноября, когда Россійская армія была на пути къ Тегерану, заключены прелиминарные пункты къ славѣ и пользѣ Россіи.

(*Извлеч. изъ Г. П. Ж.*)

СМѢСЬ.

Еще нѣсколько мыслей Карпинскаго.

Философія не заглядываетъ въ Гербовники.

Ты палъ подъ ударами фортуны; это потому что вышелъ противъ нея безоруженъ.

Совѣсть есть огонь неугасимый: добраго онъ грѣетъ, злаго жжетъ, и обоимъ равно свѣтитъ.

Фортуна обмакиваетъ цвѣты въ горечь, а потомъ уже бросаетъ ихъ на людей.

Не все можно брать, что намъ даютъ; надобно имѣть осторожность, чтобъ иногда порокъ не утучнялъ добродѣтели.

Человѣкъ! разсуждай себѣ такимъ образомъ: сдѣлаю ето доброе дѣло, дабы знали, что я жилъ на свѣтѣ.

Многихъ вещей недостаетъ убогому: но скупой *во всемъ* терпитъ нужду.

Любишь говорить правду? приготовься же напередъ: ты за нее потерпишь.

Счастливъ, кто, избравъ для себя путь жизни, чуждый заблужденій и предразсудковъ, идетъ къ ночлегу безъ боязни.

Въ жизни какъ въ гостинницѣ: надобно расчитаться и дорого заплатить за удобства.

Нѣкоторые люди коварные умышленно притворяются сострадательными къ несчастнымъ, чтобы такимъ образомъ добраться до сердца счастливыхъ.

Похвала отъ негодяя не дѣлаетъ ни кому чести, равно какъ порицаніе отъ подлеца не унижаетъ честнаго человѣка.

Излишняя простота въ обращеніи вредитъ дружбѣ; ибо ею оказывается какъ бы пренебреженіе къ другу, котораго уважать должно какъ можно болѣе.

Жизнь — драма: дѣло не въ продолжительности ея, а въ томъ, какъ хорошо она съиграна.

Чинъ достанется и тому, кто объ немъ не хлопочетъ; честь — дѣло совсѣмъ иное.

Философія! сегодня ты велишь мнѣ любить друга, а завтра, когда умретъ онъ, запрещаешь по немъ плакать?

Прилѣпись лишь къ добродѣтели, и ты не будешь такъ жаловаться на фортуну.

Лучше убытокъ дому, нежели стыдъ.

Любовь можетъ быть и безъ взаимности, но не дружба.

Dz. Warsz.

Политическія и другія происшествія.

Португаллія.

Инфантъ Донъ Мигуель, отъ котораго ожидаютъ всепрощенія непосредственно по прибытіи его въ Португаллію, какъ слышно, писалъ, что оставитъ Англію не прежде, какъ по отбытіи изъ Королевства его матери и Маркиза

Луле съ супругою. Королева, какъ полагаютъ, отправится въ Римъ на Англійскомъ фрегатѣ.

— Въ Газетѣ отъ 22 Января напечатано окружное повелѣніе Инфантины Правительницы, чтобы день пріѣзда Инфанта и два слѣдующіе дня были празднуемы весело, но съ наблюденіемъ всевозможной чинности и должнаго порядка. Воздвигнуты тріумфальныя врата въ честь ожидаемаго Принца.

Испанія.

По 30е Января Король все былъ еще болѣнъ и находился въ Барцеллонѣ. На мѣсто Французскихъ войскъ, выступающихъ изъ Кадикса, слѣдуютъ туда полки и отряды Испанскіе.

— Е. В. Король пожаловалъ Россійскаго Посланника при Оттоманской Портѣ, Тайнаго Совѣтника Рибопьера, Кавалеромъ ордена Карла III большаго креста.

— Бозомсъ, отчаянный предводитель Каталонскихъ мятежниковъ, попался въ руки Генерала Монета.

Франція.

Въ 5й день Февраля (н. ст.) Король открылъ торжественно засѣданіе Палатъ, и произнесъ при семъ случаѣ рѣчь достопамятную. Касательно Испаніи Е. В-во изъявилъ несомнѣнную надежду въ скоромъ времени возвратить своихъ воиновъ отечеству и снять съ народа тяжкое бремя. „Строгая блокада“ между прочимъ сказано

далѣе „обуздываетъ и наказываетъ Алжиръ и вмѣстѣ защищаетъ Французскую торговлю.“ Потомъ Королю угодно было объявить, что народное просвѣщеніе и дѣла духовныя требуютъ особеннаго управленія, и что Е. В. повелѣлъ раздѣлить сіи части. Напослѣдокъ Монархъ упомянулъ, что намѣренъ упрочить хартію и согласить съ оною законы Королевства.

— Двумя Королевскими постановленіями отъ 10-го Февраля (н. ст.) народное просвѣщеніе ввѣрено вѣдомству Министра Статсъ-Секретаря, который будетъ отправлять должность Гроссмейстера Университета. Уже наименованный Государственнымъ Министромъ и Гроссмейстеромъ Университета, г. Ватисмениль, назначенъ Министромъ Статсъ-Секретаремъ Департамента Народнаго просвѣщенія.

— Отдѣленіе Министерства Коммерціи, порученное извѣстному Писателю Барону Ферюссаку, имѣетъ предметомъ Статистику торговли и промышленности Франціи.

— Въ Палатѣ Депутатовъ производится повѣрка полномочій. На правой сторонѣ сидитъ 92 человѣка Членовъ, въ правомъ центрѣ 108, въ лѣвомъ центрѣ 106, а на лѣвой сторонѣ 92 человѣка.

— Увѣряютъ, что Полиція, отдавая на откупъ картежные домы, обязала откупщиковъ ежегодно запирать одинъ изъ нихъ, съ тѣмъ, чтобы со временемъ сіи вертепы грабительства всѣ исчезли.

Австрія.

Въ Вѣнѣ получено извѣстіе, что юная Королева Португальская Донна Марія - да - Глоріа уже предприняла путешествіе изъ Бразиліи въ Европу. Ея Величество прибудетъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Вѣну съ Ерцгерцогинею Клементиною, которая отправится встрѣтить ее на берегу моря. Королева будетъ находиться въ столицѣ Австрійской до пятнадцатилѣтняго своего возраста подъ особеннымъ попеченіемъ Императрицы.

— Князь Александръ Ипсиланти, содержавшійся прежде въ Венгріи, въ крѣпости Мункачѣ, а потомъ въ Терезіенштадтѣ и получившій свободу, умеръ 31 Января (н. с.) въ слѣдствіе водяной болѣзни, въ Вѣнѣ, на пути въ Верону, куда онъ ѣхалъ съ своимъ братомъ Константиномъ.

Англія.

Герцогъ Веллингтонъ сложилъ съ себя начальство надъ арміею. Военныя дѣла, какъ говорятъ, будутъ управляться Коммиссіею, составленною изъ Лорда Бересфорда, Сира Г. Муррея и Сира Роберта Тайлора. — Пишутъ, что назначеніе Герцога Веллингтона первымъ Министромъ произвело въ иностранныхъ Государствахъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Извѣстно, что Герцогъ почти во всѣхъ переговорахъ съ иностранными Державами имѣлъ великое участіе.

— Февраля 7 го Броуггамъ предложилъ Нижней Палатѣ изслѣдовать злоупотребленія по судебной части. Краснорѣчивая рѣчь его, продолжавшаяся

болѣе 6 часовъ, исполнена убѣдительнѣйшихъ доводовъ.

— Извѣстіе объ отплытіи Инфанта Дона Мигуеля не подтвердилось. Препятствуетъ вѣтеръ. Принцъ, находясь въ Плимутѣ, ежедневно прогуливается и обѣдаетъ въ отборномъ обществѣ.

— По извѣстіямъ изъ Америки, городъ Баготта претерпѣлъ ужасное землетрясеніе, разрушившее большую часть церквей, казенныхъ домовъ и множество частныхъ.

Турція и Греція.

По извѣстіямъ отъ 11го Января (н. ст.) изъ Константинополя, Султанъ повелѣлъ вывезть изъ столицы въ Архіпелагъ подданныхъ нѣкоторыхъ Державъ Европейскихъ. Немногіе изъ нихъ, какъ говорятъ, прибѣгнули къ непосредственному покровительству Порты, для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ. Армянъ Католическаго исповѣданія тысячами изгоняютъ въ Азію. Всѣ представельства неутральныхъ Министровъ, даже Г-на Оттенфельса, остались тщетными.

— Въ Константинополѣ, какъ сказываютъ, происходили многочисленныя казни; между прочими повѣсили одного изъ почтеннѣйшихъ Греческихъ купцовъ, Г. Рали.

— Пишутъ отъ 6го Февраля (н. ст.), что и Воспоръ запертъ; ни одинъ корабль подъ иностраннымъ флагомъ не смѣетъ выйти съ грузомъ изъ Константинопольской гавани, но всѣ должны выгружаться въ большой таможнѣ.

— Графъ Каподистрія прибылъ 9 го Января (н. ст.) въ Мальту, и намѣревался скоро отправиться на Англійскомъ линейномъ кораблѣ далѣе. Во время своего пребыванія на упомянутомъ островѣ онъ просилъ, чтобы ему не оказывали никакихъ почестей и обращались бы съ нимъ какъ съ частнымъ человѣкомъ. Три Греческіе каперскіе корабля, приведенные въ Мальту, отпущены по его предстательству.

— Увѣряютъ, что на островѣ Мальтѣ ожидаютъ небольшаго корпуса войскъ, который предоставленъ будетъ въ распоряженіе Грековъ; онъ состоять долженъ изъ Испанцевъ, находящихся въ Гибралтарѣ.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Его К. В-о Дофинъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ разсматривалъ въ Парижѣ прекрасный планъ сѣверной нашей Пальмиры, выставленный г-мъ Росси. Извѣстно, что планъ етотъ есть не что иное какъ модель С. Петербурга, и что зданія на немъ представлены съ удивительною вѣрностію масштаба. Въ Gazette de France помѣщено извѣстіе о семъ замѣчательномъ произведеніи искусства: «Не безъ удивленія разсматриваешь столицу, въ которой находится шесть дворцовъ Императорскихъ, восемдесять храмовъ,

памятниковъ и зданій общественныхъ, каковы на примѣръ театры, арсеналы, казармы, и болѣе трехъ сотъ огромныхъ домовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Наблюдателю, неиспытавшему суровости сѣвернаго климата, Петербургъ кажется сходенъ съ тѣми городами, которыхъ описаніе находимъ въ Тысячи и одной ночи — таже правильность зданій, таже огромность, таже многочисленность памятниковъ. Но удивленіе увеличится, когда вспомнимъ, что сія новая столица Имперіи Россійской существуетъ 125 лѣтъ, и что подъ хладнымъ небомъ, на болотистой почвѣ Петръ Великій воздвигъ сей безсмертный памятникъ своему генію. Преемникамъ его было угодно украсить твореніе Преобразителя Россіи, и Петербургъ сдѣлался столицею, если не обширнѣйшею въ мірѣ, по крайней мѣрѣ наиболѣе благоустроенною. — Темза почти невидимо льется черезъ Лондонъ, и только съ мостовъ смотрѣть на нее можно: Нева течетъ черезъ всю длину Петербурга и, какъ Сена въ Парижѣ, оправлена великолѣпными набережными. Рѣка сія во всемъ теченіи своемъ имѣетъ глубину достаточную для плаванія кораблей съ высокою палубою; раздѣляется на многія рукава въ окрестностяхъ города; образуетъ множество островъ, прилежащихъ къ столицѣ, и острова сіи, при всей суровости климата, представляютъ видъ отмѣнно пріятный. Двадцать пять лѣтъ

государствованія Императора Александра, любителя и покровителя художествъ, посвящено было на украшеніе столицы изящнѣйшими произведеніями зодчества. Сему-то Монарху обязанъ городъ несравненною своей чистотою, плѣнительною для глазъ и необходимою для здоровья жителей во всякую пору года. Улицы съ обѣихъ сторонъ выложены плитами дикаго камня, помѣстительными для трехъ или даже четырехъ особъ, идущихъ рядомъ. Отъ того пѣшеходамъ не страшны екипажи, а ѣдущимъ на лошадяхъ не угрожаетъ никакая опасность отъ первыхъ; впрочемъ и самая широта улицъ, на которыхъ четыре и даже шесть каретъ могутъ разминуться, ручалась бы пѣшимъ въ безбѣдномъ хожденіи по городу. Положеніе Петербурга вообще низменно и всѣ улицы ровны. Петербургъ, однимъ словомъ, находясь подъ хладнымъ небомъ сѣвера, соединяетъ въ себѣ выгоды и приятности самыхъ красивыхъ и богатѣйшихъ городовъ, лежащихъ въ умѣренныхъ климатахъ. И такъ ясно, почему видъ такой столицы можетъ возбуждать сильное любопытство, и отъ чего Парижане съ такимъ нетерпѣніемъ спѣшатъ посмотрѣть на выпуклое изображеніе С. Петербурга."

— Въ Баденскомъ Журналѣ, выходящемъ въ городѣ Карлсругé, помѣщено любопытное письмо г-на Лангсдорфа, Россійскаго Генеральнаго

Консула въ Бразиліи, изъ Куябы, главнаго города провинціи Мата-Гроссо, отъ 5 го Августа 1827 года. Ученый нашъ землякъ путешествуетъ въ глубинѣ Америки по такимъ странамъ, которыя донынѣ еще не были изслѣдованы ни въ физическомъ отношеніи, ни въ географическомъ. Между прочимъ онъ сдѣлалъ весьма важное открытіе въ пользѣ страждущаго человѣчества. Въ 1824 году, узнавъ о существованіи корня, называемаго *каинка*, и объ удивительныхъ его врачебныхъ силахъ, г. Лангсдорфъ съ великимъ успѣхомъ лѣчилъ имъ водяную болѣзнь, сыпь на тѣлѣ, опухоль въ ногахъ, завалы, особливо послѣ перемежающейся лихорадки, — и вообще недуги лимфатической системы. Г. Лангсдорфъ обѣщается прислать въ Европу упомянутый корень, произрастающій въ большомъ изобиліи въ странахъ Южной Америки.

— Неутомимый г. Маи, директоръ Ватиканской Библіотеки, недавно открылъ, донынѣ считавшіяся погибшими, писанія Діодора Сицилійскаго, Діонисія Галикарнасскаго, Діона Кассія и Полибія, новыя сказанія о происшествіяхъ древней Исторіи, безцѣнныя изслѣдованія по части Географіи, Хронологіи и военнаго искуства. Писанія сіи найдены имъ на хартіяхъ, на которыхъ прежній текстъ былъ смытъ, то есть приготовленныхъ для новаго употребленія. Г. Маи, уже прославившій имя свое изданіемъ откры-

тыхъ имъ нѣкоторыхъ твореній Цицерона, Плавта, Сvммаха, Фронтона, Марка-Аврелія, въ 1825 году началъ печатать собраніе Греческихъ отрывковъ, извлеченныхъ имъ изъ рукописей. Въ первомъ томѣ явились многія сочиненія Еvсевія и Фотія, также отвѣтъ Ритора Арістида на судебную рѣчь Димосѳенову. Вновь вышедшій томъ содержитъ въ себѣ отрывки, взятые большею частію изъ огромнаго сборника, принадлежавшаго Константину Багрянородному, Императору Греческому, который, въ X вѣкѣ, велѣлъ составить методическія извлеченія изъ историковъ; число всѣхъ отдѣленій, подъ разными титулами, простирается до 53, и нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли. Донынѣ были извѣстны два отдѣленія: 1. о посольствахъ, 2. о добродѣтеляхъ и порокахъ. Г. Маи теперь напечаталъ третіе — о нравоучительныхъ изреченіяхъ, столько же полезное, какъ и оба первыя. Здѣсь помѣщены сто страницъ Діодора Сицилійскаго, извлеченія изъ Діонисія Галикарнасскаго, изъ Діона Кассія, Дексиппа, Менандра лѣтописателя, одна страница Аппіана, сочиненіе неизвѣстнаго о политикѣ, рѣчь Нікифора Влеммиды о должностяхъ Государя, и три страницы романа Іамвлихова, которой былъ намъ извѣстенъ единственно по разбору, написанному Фотіемъ. Но для иныхъ, можетъ быть, драгоцѣннѣе сихъ остатковъ отъ временъ Вvзантійскихъ покажутся многочислен-

ныя ссылки на древнихъ поэтовъ Аѳинскихъ, на Солона, Еврiпида, Фiлимона, на многiе отвѣты (стихами) оракуловъ, и другiе неподложные памятники прекраснѣйшаго вѣка Грецiи. Отъ сего новаго открытiя болѣе, нежели какой-либо другой авторъ, приобрѣтаетъ Полvбiй. Изъ Всемiрной Исторiи его времени были извѣстны донынѣ только пять книгъ первыхъ, отрывки довольно длинные даже до 17 й и древнiя извлеченiя Константиновы, принадлежащiя къ симъ книгамъ и къ 23мъ прочимъ. Новыя извлеченiя, помѣщенныя здѣсь на стѣ страницахъ, идутъ съ 6 книги до 13 й; изъ нихъ полнѣе, и притомъ слѣдующiя почти въ непрерывномъ порядкѣ, принадлежатъ къ 12 й.

— Г. Шегренъ, путешествующiй по сѣверо-восточной Россiи для наблюденiя надъ нарѣчiями Финскаго происхожденiя, писалъ къ Френу отъ 21 Декабря изъ Вятки, что неожиданно въ семъ городѣ нашелъ онъ множество средствъ и пособiй получить вѣрныя и подробныя свѣдѣнiя о Вотякахъ. Т а м о ш н i й Преосвященный между прочимъ дозволилъ ему снять копiи съ рукописныхъ Евангелiй на Вотяцкомъ языкѣ и со Словаря довольно пространнаго. Находясь въ Бѣлозерскѣ, г. Шегренъ принужденъ былъ оставить прежнюю свою догадку, именно что названiе народа *Веси* произошло будто бы отъ Финскаго слова *веси-iерви;* напротивъ, обитающая въ тамошнемъ уѣздѣ Чудь на Финскомъ своемъ нарѣчiи

именуетъ извѣстное озеро словомъ *Валгетіервъ*, что значитъ — *Бѣлое озеро.* Число Чуди обоего пола простирается тамъ до 10,000 душъ. Они живутъ въ границахъ четырехъ уѣздовъ: Бѣлозерскаго, Тихвинскаго (Нов. Губ.), Ладейнопольскаго и Вытегорскаго (Олон. Губ). По всей вѣроятности, прежде были они гораздо многочисленнѣе. Въ Бѣлозерскѣ мало остатковъ древности; но вотъ что̀ любопытно: одинъ лугъ, въ окрестностяхъ города находящійся, по старымъ документамъ называется — *Рюрикова пашня* — Пожаръ Абовскій, по словамъ г-на Шегрена, истребилъ и малое число тѣхъ рукописей, которыя могли служить матеріалами для древней Исторіи Финляндіи.

— Прибывшій изъ за границы въ Варшаву Полякъ, г. Идзьковскій, печатаетъ проектъ касательно возможности и надобности сдѣлать подземный путь подъ рѣкою Вислою, который замѣнилъ бы собою мостъ, почти ежегодно повреждаемый льдомъ и препятствующій судоходству. Сочинитель проекта берется совершить работу въ три года: первый годъ нужно употребить на приготовленіе матеріаловъ; въ продолженіе втораго надѣется онъ сдѣлать одну половину пути, а въ третьемъ и другую.

— Пишутъ изо Львова, что тамъ въ нынѣшнемъ году ожидаютъ многихъ и богатыхъ

плодовъ по части литтературы Славянскихъ народовъ. Донынѣ вышелъ только Сербскій алманакъ, подъ заглавіемъ *Даница* (звѣзда утренняя), изданный *Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ.* Нынѣшняя Звѣзда, вдвое больше прошлогодней, заключаетъ въ себѣ между прочимъ любопытныя піесы самаго г-на Издателя: *Объ окончаніяхъ въ Сербскомъ языкѣ именъ существительныхъ и прилагательныхъ; — Первый годъ войны Сербской противъ бѣглыхъ; — Названія колоній Сербскихъ внѣ Бѣлградскаго Пашалыка; — Нѣсколько анекдотовъ.* — По алманакамъ двухъ послѣднихъ годовъ, изданнымъ почтеннымъ Караджичемъ, уже извѣстно, что ученый Сербъ умѣетъ съ обыкновенными качествами календаря соединять литтературную занимательность. Довольно сказать въ похвалу его полезнымъ и пріятнымъ книжечкамъ, что онѣ достоинствомъ подходятъ къ алманакамъ Шуберта и къ стариннымъ нашимъ Любопытнымъ Мѣсяцословамъ.

— По оффиціальнымъ показаніямъ, въ Естляндіи считается 228,937 душъ, изъ которыхъ 111,812 мужеска пола и 117,125 женска; изъ первыхъ 108,366 человѣкъ принадлежатъ къ податному состоянію. Дворянство состоитъ изъ 1976 душъ обоего пола; духовенство изъ 442 чел.; всѣхъ купцовъ находится 340, ремесленниковъ 2,572, мѣщанъ 2430. Лифляндская губернія содер-

житъ въ себѣ 644,701 человѣка жителей, т. е. 289,266 мужеска пола и 355,435 женска; дворянскаго званія 1752 души мужеска и 2140 женска; ученыхъ и чиновниковъ 2535 муж. и 2593 женск.; духовнаго званія 392 муж. и 501 женск.; мѣщанъ и ремесленниковъ 34,116 муж. и 35,635 женск.; крестьянъ 250,171 муж. и 314,566 женск. Въ Ригѣ считается 47,949 жителей обоего пола. — Курляндія вмѣщаетъ въ себѣ 383,003 человѣка, въ томъ числѣ 9981 Еврей; изъ сихъ послѣднихъ 2728 живетъ въ Митавѣ и 1813 въ Фридрихсштадтѣ. Многолюднѣйшій городъ въ сей губерніи есть Митава съ 16,241 человѣкомъ жителей. Въ Курляндіи считается дворянъ мужескаго пола 1126, духовенства и ученыхъ 962 человѣка, купцовъ 717, ремесленниковъ 9977, крестьянъ 329,995. — Народонаселеніе Псковской губерніи простирается до 638,876 душъ, въ числѣ которыхъ 312,923 пола мужеска и 325,853 женска; между ними находится 2285 особъ дворянскаго званія и 3687 духовнаго вѣдомства.

Печатано по опредѣленію Университетскаго Совѣта. Разсматривалъ *Ординарный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Василій Котельницкій.* **Положенное число екземпляровъ, куда слѣдуетъ, доставлено. 1828 года Февраля 15 дня.**

Секретарь Совѣта *Орд. Пр. Павелъ Щелкинъ.*

ПОПРАВКИ.

Вѣст. Евр. 1828 *въ N* 1 *должно быть: стран.* 18 *строк.* 13 показаній; *стран.* 29 *строк.* 8 повѣстки; *стран.* 37 *строк.* 3 понедѣльно.

Во N 2 должно быть: стран. 105 *строк.* 15 *(Мангутимурагъ); стран.* 128 *строка послѣдн.:* извѣстнымъ; *стран.* 137 *строк.* 4 *снизу*: членами; *стран.* 111 *строк.* 24: мущина; *стран.* 116 *строк.* 26: подворотички; *стран.* 120 *строк.* 12: ludix.

Въ N 3, *стран.* 170 *строк.* 12: Cervula; *стран.* 172 *строк.* 3: Реимская; *стран.* 183 *строк.* 2: дней Денницу солнца, т. е. Предтечу; *Стран.* 183 *строк.* 3: Свѣта, т. е. Христа.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 4.

ФЕВРАЛЬ 1828.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О сходствѣ между Русскими и Восточными обыкновенiями, и о началѣ ихъ въ Россiи.

Каждой народъ, на какой бы степени просвѣщенiя ни находился, удерживаетъ грубые обычаи, которые сохранились отъ давнихъ временъ и существуютъ, по большей части, между простолюдинами. Ето происходитъ отъ того, что просвѣщенiе не бываетъ равнымъ удѣломъ всѣхъ сословiй: имъ пользуется особенно только высшее, а прочiя, хотя сами участвуютъ въ выгодахъ онаго, по ограниченности способовъ и по другимъ обстоятельствамъ мало содѣйствуютъ успѣхамъ образованности, и придерживаются старинныхъ обычаевъ иногда такъ сильно, что не столько изъ любви къ своимъ предкамъ, сколько по

какому-то странному предубѣжденію, почитаютъ даже за великой грѣхъ оставить оные. Сія слѣпая привязанность наиболѣе владѣетъ умами во времена невѣжества: тогда народъ упорствуетъ противъ введенія новостей полезныхъ. Совсѣмъ противное тому видимъ, когда въ людяхъ пробуждается благородное рвеніе стремиться къ усовершенствованію себя — къ цѣли своего предназначенія. Въ етомъ состояніи народъ или каждый шагъ бытія своего знаменуетъ собственными изобрѣтеніями, или перенимаетъ у другихъ просвѣщенныхъ народовъ разныя познанія и новые обычаи, оставляя при етомъ случаѣ тѣ, которые хороши были для вѣковъ грубыхъ. Впрочемъ не льзя того сказать о всѣхъ обыкновеніяхъ: ибо и изъ старинныхъ есть такія, которыя не противны ни вкусу образованному, ни благонравію.

Древніе обычаи вообще весьма полезно знать въ томъ отношеніи, что по нихъ можемъ судить о духѣ времени, въ которомъ они господствовали, о характерѣ тогдашнемъ народа и о степени его образованности. Испытатели Исторіи, при изслѣдованіи обыкновеній, дохо-

дятъ до весьма важныхъ истинъ: открываютъ сходство между народами и показываютъ близкое или дальнее родство ихъ между собою.

Отечество наше представляетъ много старинныхъ обычаевъ, изъ коихъ одни собственно принадлежатъ нашимъ предкамъ, а другіе заимствованы ими отъ Грековъ и Нѣмцевъ, отъ Западныхъ и Восточныхъ народовъ. Скажемъ о послѣднихъ. Но прежде замѣтимъ, что у насъ нѣкоторыя старинныя повѣрья, кромѣ упомянутой общей причины, обязаны еще своимъ сохраненіемъ и — *Старообрядцамъ*, которые, кромѣ извѣстныхъ отмѣнъ, удержали также много древнихъ обычаевъ, принадлежащихъ къ быту домашнему. Старообрядство является во время исправленія книгъ Патріархомъ Никономъ, при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, когда въ Россіи господствовали еще грубые предразсудки и обычаи. Свойственныя тому вѣку повѣрья и домашніе обряды, заимствованные и свои коренные, почти исчезли между высшимъ сословіемъ; но они сохранились между простымъ народомъ, а болѣе между *Старообрядцами*. Послѣдніе столько привязаны ко всему старинному, что почи-

таютъ за ужасное преступленіе не слѣдовать дѣдовскимъ повѣрьямъ. Нѣкоторые изъ нашихъ обычаевъ имѣютъ разительное сходство съ Восточными. Покажемъ ихъ.

1. *Старообрядцы* почитаютъ за величайшій грѣхъ брить бороды, и до того тверды въ сей увѣренности, что, какъ мнѣ не однократно случалось слышать, скорѣе позволятъ отсѣчь себѣ голову (?), нежели лишиться бороды. Они къ тому имѣютъ гораздо больше почтенія, у кого борода длинная и широкая — какъ бы знакъ особеннаго достоинства (*) — впрочемъ исключая рыжей; и пословица даже есть: *рыжій и красный самый опасный.* Тоже мы видимъ и у Восточныхъ народовъ, особливо у Арабовъ, которые, когда чешутъ бороды свои, разстилаютъ чистое бѣлое полотно, дабы не пропало ни одного волоса; сберегаютъ волоски, можетъ быть, для того, чтобы лучше росла борода — и у насъ простой народъ слѣдуетъ сему предразсудку. Такъ на Востокѣ: тотъ заслуживаетъ большое довѣріе и вообще почитается честнымъ человѣкомъ, кто имѣетъ

(*) Ето подтверждается также *Абевегою* Русскихъ суевѣрій. См. стр. 8.

большую бороду. Евреи клялись бородою въ самыхъ важныхъ случаяхъ (*). »У Евреевъ« говоритъ Янъ «столь же дорого цѣнима была борода, какъ и теперь она цѣнится на Востокѣ. Никогда не дотрогивались до бороды другаго, исключая развѣ, когда хотѣли поцѣловать ее. Подергать за бороду, или вырвать ее, почиталось великою обидою и оскорбленіемъ,» и проч. (**).

2. *Старообрядцы* и другіе имѣютъ обыкновеніе передъ обѣдомъ и ужиномъ умывать руки водою или, за неимѣніемъ ея, землею, не столько для чистоты (ибо земля мараетъ), сколько по какому-то странному предубѣжденію. На Востокѣ сей обрядъ извѣстенъ подъ именемъ *омовенія*, которое исповѣдующіе Магометанскую вѣру дѣлаютъ обыкновенно, кромѣ упомянутыхъ случаевъ, еще передъ молитвою, какъ и *Старообрядцы*, и также иногда употребляютъ песокъ или землю, если нѣтъ воды, особливо странствующіе Факиры и Дервиши въ степяхъ Аравійскихъ, или Африканскихъ.

(*) См. Johan Jahns Biblische Archäologie. Часть I, стр. 106.

(**) Тамъ же стр. 107.

3. На Востокѣ носятъ *талисманы*, которымъ приписываютъ мнимую магическую силу, то есть увѣрены, будто бы они предохраняютъ отъ несчастій. Кажется, наши ладонки (*), которыя носятъ на крестѣ и наполняютъ, кромѣ ладона, разными травами и камушками, имѣютъ сходство съ талисманами.

4. Между восточными народами есть обыкновеніе посыпать рисомъ ложе новобрачныхъ. У насъ дѣлаютъ это простолюдины въ нѣкоторыхъ деревняхъ, употребляя только вмѣсто риса другія сѣмена, и также снопы ржаные (**).

5. У насъ есть обыкновеніе: послѣ похоронъ родственники умершаго или даже и вообще находившіеся при погребальной процессіи, ходятъ въ баню, или просто перемѣняютъ бѣлье. Такимъ точно образомъ поступаютъ и жители Востока.

6. У Татаръ есть обычай, что люди, которые обмывали тѣло умершаго, получаютъ въ награду платье, или

(*) Объ ладонкахъ см. *Абевегу* Рус. суевѣрій стр. 230.

(**) Абевега стр. 9.

постель покойника. Тоже дѣлаютъ и у насъ.

7. *Простолюдины*, отправляя невѣсту къ вѣнцу, покрываютъ лице ея широкою, такъ называемою, *фатою*. Ето отзывается Восточнымъ.

8. У Татаръ во время праздниковъ стоятъ на столѣ цѣлой день пироги разнаго рода; хозяева угощаютъ ими даже постороннихъ. Простолюдины наши тоже оказываютъ гостепріимство, особливо на масляной, или еще болѣе во время свадебъ.

9. Заключать преступниковъ въ желѣзныя клѣтки есть обычай Восточный (*). Ето видно изъ того, что Тамерланъ, взявши въ плѣнъ Баязета, заключилъ его въ клѣтку.

10. Наши сказки, какъ древнія произведенія, заключающія въ себѣ волшебства, богатырей, львовъ, хрустальные дворцы, странныя и нелѣпыя приключенія и проч., имѣютъ сходство съ Араб-

(*) Болка Курицына и сообщниковъ его сожгли въ клѣткѣ. См. *Руск. Лѣт. по Ник. сп.* VI, 174. Яицкій самозванецъ былъ содержанъ въ клѣткѣ.

скими, извѣстными подъ именемъ *Тысячи и одной ночи.* Должно полагать, что Славяне или Русь нѣкогда изустно слышали сіи сказки, и послѣ передѣлали на свой манеръ, заимствуя лица изъ своихъ преданій. Обыкновеніе слушать по вечерамъ сказки также перешло къ намъ съ Востока, что̀ доказывается происхожденіемъ *Тысячи и одной ночи.* Впрочемъ, на Востокѣ вообще въ веселыхъ собраніяхъ или за дружескими пирушками любятъ разсказывать были и небылицы, какъ и у насъ водится, особливо въ провинціяхъ и между людьми стараго покроя.

11. Нарядное платье поселянокъ нашихъ имѣетъ чрезвычайное сходство съ одеждою Восточныхъ женщинъ, которыя также украшаются разноцвѣтными ожерельями, любятъ пестроту и свободное платье. Это можно видѣть въ Путешествіи по Востоку *Нибура*, гдѣ между прочимъ изображены Восточныя женщины въ полномъ нарядѣ.

12. На Востокѣ думаютъ, что земной шаръ поддерживаютъ слоны, а по мнѣнію нашихъ простолюдиновъ земля лежитъ на китѣ. Кто изъ нихъ лучше умствуетъ,

рѣшить не наше дѣло; а только это сходство должно имѣть причину.

13. Состояніе женскаго пола у насъ было почти таково же, какъ и на Востокѣ. Дѣвицы находились подъ строгимъ присмотромъ; мущины вступали въ бракъ, не видавши невѣстъ своихъ, какъ и теперь водится между нѣкоторыми, а повинуясь волѣ родителей. Есть даже пословица: *Держи дѣвку въ темнотѣ, а деньги въ тѣснотѣ.*

14. Серьги въ ушахъ мущинъ на Востокѣ, какъ видно изъ стиховъ Саади (*), есть признакъ рабства. Случалось мнѣ слышать въ Калужской Губерніи: *Ужь виденъ холопъ: серьга въ ухѣ.*

15. *Качели* перешли къ намъ съ Востока, гдѣ они дѣлаются также на разные манеры, какъ и у насъ.

16. *Балалайка* есть инструментъ Восточный, который впрочемъ появился у насъ, кажется, въ позднѣйшія времена.

Вотъ нѣсколько нашихъ обычаевъ, которые, какъ мы видимъ, имѣютъ поразительное сходство съ Восточными. Безъ всякаго сомнѣнія, у насъ ихъ очень мно-

(*) См. піесу Саади: *Низверженіе тирана.*

го; но какъ никто еще не обращалъ на сетотъ предметъ надлежащаго вниманія, то они и остаются неизвѣстными. Впрочемъ, не смотря на показанное между ними сходство, мы еще не можемъ утвердительно сказать, чтобы всѣ они были Восточные: ибо иногда находимъ сходство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ между такими народами, которые обитаютъ на разныхъ концахъ вселенной и даже не слыхали одинъ о другомъ. Теперь любопытно знать, когда къ намъ перешли съ Востока упомянутые обычаи, и также другіе, о которыхъ иногда пишутъ въ путешествіяхъ.

Всѣ утверждаютъ, что они появились у насъ въ то время, когда Россія была порабощена Татарами, и въ обычай даже обратилось называть Татарскимъ все, что̀ есть у насъ Восточнаго. Сіе мнѣніе хотя по видимому основательно, однако (если разобрать его надлежащимъ образомъ) оно не можетъ быть удовлетворительнымъ и простираться на всѣ обыкновенія. Предложимъ нѣсколько замѣчаній.

Каждый народъ имѣетъ національную гордость, которая обнаруживается большею частію въ важныхъ случаяхъ, и гораздо сильнѣе иногда дѣйствуетъ въ народѣ грубомъ, нежели въ образованномъ; послѣдній болѣе способенъ къ перемѣнамъ и скорѣе можетъ перенимать новости. Если наши предки (что̀ и дѣйствительно) имѣли сіи черты національной гордости; то какимъ образомъ они могли перенимать обыкновенія у Татаръ, когда сіи были врагами ихъ, и когда своими жестокостьми естественно возбуждали только отвращеніе къ себѣ и ко всему Татарскому? Намъ скажутъ, что народъ порабощенный иногда изъ подобострастія подражаетъ своимъ властелинамъ; но и это противно характеру Славянъ, которые были твердо привязаны ко всему отечественному и не отличались охотою все перенимать, свойственною другимъ народамъ. Петръ Великій, преобразуя Россію, съ какими затрудненіями долженъ былъ бороться, встрѣчая ропотъ между подданными, которые каждую новость, вводимую имъ, почитали за ужасное явленіе? Одни только послѣдствія могли оправдать пользу обширныхъ и важныхъ предпріятій безсмертнаго Монарха.

Если бы Монголы были народъ образованный; то, употребляя кроткія мѣры, они могли бы заставить Рускихъ перенять свои обычаи; напротивъ, мы видимъ, что они были гораздо грубѣе нашихъ предковъ. Самая противуположность религій служила также величайшею преградой въ дѣлѣ взаимнаго сближенія.

Кромѣ сего, изъ Исторіи извѣстно, что Россія, покоренная Монголами, содѣлалась вассальной ихъ землею; ибо каждый гражданинъ, платя дань Князю, или сборщикамъ и Баскакамъ, пользовался своими правами, не бывши порабощенъ совершенно. Татары не жили въ Россіи, но вообще кочевали или селились въ областяхъ *Золотой Орды*, гдѣ и Ханы имѣли свою резиденцію. Отсюда ясно, что предки наши неимѣли никакой нужды перенимать у нихъ обычаевъ, противныхъ духу народному. Если находимъ въ своемъ языкѣ много словъ Татарскихъ, то ето еще не служитъ сему доказательствомъ: ибо у насъ есть въ употребленіи и слова Арабскія и Персидскія, какъ то: *анбаръ*, *сундукъ*, *куртка*, *харъ*, *кафтанъ*, *казна* и другія — ето Арабскія; *теньга*, *парча*, *аманатъ*, и проч. —

ето Персидскія. И такъ, если Восточныя обыкновенія перешли къ намъ не отъ Монголовъ; то слѣдуетъ вопросъ: когда же они появились у насъ? Предложимъ на ето свои догадки.

Славяне, еще до основанія Россійскаго Государства, обитали въ сосѣдствѣ съ Восточными народами, живши въ южной части нынѣшней Россіи, откуда въ послѣдствіи времени распространились на Сѣверѣ. Основываясь на етомъ, кажется, съ большою достовѣрностію можно полагать, что въ сіе время они приняли восточные обычаи у своихъ сосѣдей, или принесли ихъ съ собою — если вѣрить мнѣнію Гаттерера, что Славяне суть не коренные жители Европы, а пришельцы съ Востока. Жаль, что мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній о происхожденіи Славянъ и первобытномъ ихъ состояніи. Впрочемъ извѣстно, что у Славянъ терпимо было многоженство, что они имѣли чрезвычайное почтеніе къ старшинамъ: все ето Восточное; но еще съ большею достовѣрностію можно полагать, что Восточные обычаи появились у насъ вмѣстѣ съ пришествіемъ Руси, если допустить мнѣніе

Еверса, который, утверждая, что Русь пришла съ Юга, представляетъ на то весьма сильныя доказательства. Азіятской костюмъ Святослава, какъ описываетъ самовидѣцъ его, Левъ Діаконъ (*), многоженство и роскошь по тогдашнему времени при Дворѣ Владиміра говорятъ въ пользу новаго мнѣнія. Сверхъ того мы знаемъ, что Рускіе въ первой періодъ имѣли сношенія съ Востокомъ, получая оттуда перецъ. Это доказывается также Арабскими историками — каковы: *Якутъ*, *Ибнъ-*

(*) «Видомъ онъ (Святославъ) былъ таковъ: средняго росту, ни слишкомъ высокъ, ни слишкомъ малъ, съ густыми бровями, съ голубыми глазами, съ плоскимъ носомъ, съ бритою бородою и *съ густыми длинными висящими на верхней губѣ волосами*. Голова у него была *совсѣмъ голая*, но только на одной ея сторонѣ висѣлъ *локонъ волосъ*, означающій знатность рода; шея толстая, плеча широкія и весь станъ довольно стройный. - - Въ одномъ ухѣ *висѣла у него золотая серьга́*, украшенная двумя жемчужинами, съ рубиномъ, посреди ихъ вставленнымъ» *Истор. Льва Діакона*. Спб. 1820. 4. стран. 97 Въ локонѣ волосъ, будто бы *признакѣ знатнаго рода*, Грекъ могъ ошибиться Это есть *чубъ* (по-малороссійски: *чуприна*), какимъ въ старину щеголяли Запорожцы, слѣдуя обычаю Турковъ. Извѣстно, что подобной костюмъ съ давнихъ временъ употребителенъ у Восточныхъ народовъ. *К* — ъ.

Фосслан, *Макадеси* и проч. — которые описывают Руских не по наслышкѣ, но быв самовидцами, как мы ето знаем из Географическаго Словаря Якута. В договорах Олега и Игоря находим, что у нас еще тогда, равно как и в послѣдствіи времени, позволялось купцам, извѣстным под именем гостей (*), отправляться при посольствах в другія государства; так и на Востокѣ: купечествующіе, сколько для большей безопасности, столько и для выгод своих, сопровождают посольства. — Великій Князь Владиміръ, сочетавшись браком съ Греческою Принцессою Анною, по сему случаю отдал Грекам Корсунь, и ето названо в Лѣтописях наших *Вѣном* (**). У Татар есть подобной обычай, равно у Калмыков, Киргизцев и Вотяков; в таких случаях давать деньги или вещи называется у них *Калым*.

Варварскій обычай лишать зрѣнія извѣстен был на Руси в древніе вѣки (***).

(*) Смот. *Лѣтоп. Нестор. по Кенигсбер. списк. стран.* 38.

(**) Смот. там же стр. 88.

(***) На примѣр Василько Ростиславичь ослѣплен 1097 года.

Онъ, кажется, перешелъ къ намъ изъ Византіи, гдѣ, какъ видно изъ Исторіи, не одинъ Велизарій доживалъ вѣкъ свой съ выколотыми глазами. Греки заимствовали его у Персовъ.

Очевидно, что весьма многіе обычаи старины принадлежатъ къ первобытнымъ временамъ Россіи; историческая критика со временемъ представитъ ихъ въ ясномъ свѣтѣ и покажетъ намъ ихъ происхожденіе.

Большая часть изъ исчисленныхъ мною примѣровъ есть плодъ собственныхъ моихъ наблюденій. Впрочемъ многіе изъ нашихъ обычаевъ старинныхъ почти всякому извѣстны. О дальнѣйшемъ предоставляю судить людямъ, болѣе меня свѣдущимъ въ отечественныхъ и Восточныхъ древностяхъ.

Н. Коноплевъ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

Оскаръ Альвскій.

Повѣсть.

Свѣтило ночное лучи разливаетъ
И въ Лорѣ прозрачной, играя, дрожитъ;
Высокаго Альвы зубцы освѣщаетъ. . :
Оружіе въ замкѣ безлюдномъ молчитъ.

Ахъ! сколько разъ мѣсяцъ полночный лучами
Игралъ на пернатыхъ, стальныхъ шишакахъ;
Какъ воины Альвы шли биться съ врагами
Въ сіяющихъ латахъ, съ мечами въ рукахъ!

Съ утесовъ кремнистыхъ, кропимыхъ водою,
Онъ видѣлъ, печальнымъ, дрожищимъ лучемъ
Какъ смерть межъ рядами сверкала косою;
И храбрые пѣли въ паденьи своемъ.

Ихъ взоры, которымъ судьба воспретила
Дождаться восхода денницы златой,
Блуждая, искали ночнаго свѣтила,
Навѣкъ закрываясь могильною тьмой.

Ахъ! прежде сей мѣсяцъ, другъ ночи печальный,
Являясь звѣздою любови для нихъ,
Лилъ радость. . . теперь онъ свѣчей погребальной
Трепещетъ на сводѣ небесъ голубыхъ.

Нѣтъ рыцарей Альвы. Видъ башенъ зубчатыхъ
Подернулся тускомъ протекшихъ вѣковъ;
Но сами герои — еленей рогатыхъ
Въ лѣсахъ не гоняютъ, не губятъ враговъ.

Кто были владѣтели? . . . За́мокъ высокій!
Давно ли одѣлся ты мохомъ сѣдымъ?
Подъ сводами тихо, — лишъ бурѣ жестокой
Отвѣтствуетъ ехо въ нихъ свистомъ глухимъ.

Тогда, какъ бываетъ готово проснуться
Румяное утро — лишь вѣтръ зашумитъ —
Ужасные звуки въ стѣнахъ раздаются:
Колеблются своды — весь за́мокъ дрожитъ!

Свирѣпая буря, поднявшись въ пустынѣ,
Гремитъ, разъяряся, Оскара щитомъ;
Но рыцаря знамя не вѣетъ въ долинѣ
И шлемъ не блистаетъ съ высокимъ перомъ.

У Анга родился Оскаръ, сынъ безцѣнный,
Любови супружеской первый залогъ:
Съ толпами вассаловъ отецъ восхищенный
Спѣшилъ раздѣлить свой душевный восторгъ.

Ловцы поразили еленей стрѣлами;
Воинственный рогъ на пиру затрубилъ:

Звукъ громкаго рога, летя межъ горами,
Ихъ жителей храбрыхъ сердца восхитилъ.

Вассалы, геройскаго полные жара,
Воскликнули радостно: «Время придетъ —
Звукъ рога предтечею будетъ Оскара,
Когда онъ дружину на брань поведетъ!“

Годъ минулъ, — у Анга другой сынъ родился —
И Альвы владѣтель опять пировалъ:
Наполненный кубокъ кругомъ разносился,
И замокъ отъ радостныхъ кликовъ дрожалъ.

Сыны, обученные Ангомъ, стрѣляли
Безъ промаха въ ланей съ лѣсистыхъ холмовъ;
Въ бѣгу же Оскаръ и Аланъ обгоняли
Отважныхъ, стремительно скачущихъ псовъ.

Младенчества годы прошли, пролетѣли —
Ужь братья стояли въ воинскихъ рядахъ;
Испытывать крѣпостъ булата умѣли
Они на кольчугахъ, желѣзныхъ щитахъ.

Власами Оскара зефиры играли;
Но свѣтлыя кудри Алана, кольцомъ
Віяся, младое чело отѣняли —
И дума печать положила на немъ.

Могъ каждый удобно Оскара во взорахъ
Движенія чистаго сердца читать;
Аланъ же былъ скрытенъ въ своихъ разговорахъ,
И лаской слова онъ умѣлъ подслащать.

Порывы геройскаго, сильнаго жара
Они прохлаждали въ Саксонской крови.
Не вѣдало робости сердце Оскара,
Знакомое съ трепетомъ сладкимъ любви.

И младшій сынъ Анга былъ рыцарь прекрасный,
Но чувствъ благородства въ душѣ не имѣлъ;
По нраву, по чувствамъ свирѣпый, несчастный,
Онъ злобой и мщеньемъ ужаснымъ кипѣлъ.

Кенеффа наслѣдница, дщерь Гленальвона,
Извѣстная милой, волшебной красой,
Пришла молодая изъ Соутаннона —
И жителей Альвы плѣнила собой.

Оскаръ объяснился: „Будь, дѣва, моею!"
— Согласна. — Ангъ слишкомъ доволенъ тѣмъ былъ:
Союзъ съ Гленальвоновой милою дщерью
Тщеславію старца-владѣтеля льстилъ.

Рога загремѣли, рога зазвучали;
Съ рогами слилися пѣвцовъ голоса,
И звуку и грому роговъ отвѣчали
Высокія горы, густые лѣса.

И воины — въ шлемахъ блестящихъ, высокихъ,
Украшенныхъ длиннымъ, багрянымъ перомъ,
Въ кольчугахъ и мантіяхъ цвѣтныхъ, широкихъ —
Владѣтеля Альвы обстали кругомъ.

Ихъ созвали въ за́мокъ — не въ поле сра-
жаться;
Не бранные звуки здѣсь рогъ издаетъ:
Они всѣ сошлися пить, ѣсть, забавляться;
Здѣсь брачную пѣсню хоръ громко поетъ.

Но гдѣ же Оскаръ? гдѣ женихъ? Не пора ли?..
Онъ медлить не долженъ часа одного!
И гостьи и гости — всѣ видѣть желали
Счастливца Оскара и брата его.

Послѣднiй явился — и сѣлъ съ обрученной.
„Гдѣ сынъ мой? Почто мой Оскаръ запоздалъ?"
— Со мною онъ не былъ — съ душею смущенной,
Такъ старому Ангу Аланъ отвѣчалъ.

— Быть можетъ, сего дня въ лѣсу за звѣрями
Гоняясь, дорогу Оскаръ потерялъ,
Иль вѣтеръ, бушуя морскими волнами,
Челнокъ его легкiй въ бѣгу задержалъ. —

„Нѣтъ, нѣтъ! ни охота, ни моря волненье
Не могутъ сегодня его удержать!
Гдѣжъ сынъ мой?» Ангъ въ сильномъ воскликнулъ
движеньѣ:
«Почто не стремится онъ Мору обнять!

„О воины братья! въ окрестностяхъ Альвы
Ищите Оскара... Прошу, какъ друзей,
Обѣгать съ Аланомъ всѣ горы, дубравы:
Найдите Оскара, найдите скорѣй!"

Разносится имя Оскара въ долинахъ,
Разносится имя Оскара въ горахъ,
Въ тѣнистыхъ дубравахъ и мрачныхъ пустыняхъ —
Напрасно! Ужь ночь на холодныхъ поляхъ.

Но поискамъ смѣлыхъ и ночь не мѣшала;
Оскара по прежнему гулъ выкликалъ —
Оскаръ не являлся! Заря запылала —
Оскара никто не видалъ, не встрѣчалъ!

Три дня и три ночи Ангъ старый трудился
Въ окрестностяхъ Альвы Оскара искать —
Но тщетно! Несчастный съ надеждой простился
И началъ въ отчаяньи волосы рвать!

«Оскаръ, сынъ мой! . . Боже! услыши моленье:
Пошли мнѣ Оскара, мнѣ сына отдай!
Но если убитъ онъ — на страшное мщенье
Злодѣя убійцу его мнѣ предай!

«Быть можетъ, Оскаръ мой лишенъ погре-
бенья
И трупъ его брошенъ на пищу звѣрямъ;
Но духъ его, Боже! пусть въ царствѣ нетлѣнья
Ликуетъ — и съ нимъ съединюся я тамъ!

«Быть можетъ, не умеръ Оскаръ мой любез-
ный —
Престанемъ отчаянью сердца внимать. . .
Умолкнемъ! . . . Прости, о Создатель Небесный,
Что я на Тебя покусился роптать!

«Но живъ ли Оскаръ? . . Нѣтъ! надеждѣ не
вѣрю;
Надежда дней ветхихъ моихъ умерла!
Ахъ! чѣмъ заслужилъ я такую потерю?
Для дряхлаго Анга она тяжела!»

Такъ сѣтовалъ бѣдный, злосчастный роди-
тель —
И радовать старца ничто не могло. . .
Но время есть лучшій ранъ сердца цѣлитель:
Оно проясняетъ несчастныхъ чело.

Владѣтелю Альвы надежда шептала,
Что милаго сына онъ скоро найдетъ;
Но вѣрить надеждѣ душа перестала:
Прошелъ безъ Оскара мучительный годъ.

Дни шли, проходили; еще совершило
Блестящее солнце свой кругъ годовой,
И время грусть старца-отца исцѣлило:
Къ нему возвратился душевный покой.

На старости Ангу остался подпорой
Аланъ; въ немъ отраду отецъ находилъ.
Сей Рыцарь, плѣненный прелестною Морой, —
Прелестную Мору собою плѣнилъ.

«Кто краше Алана?» она, размышляя,
Твердила: «уже нѣтъ Оскара въ живыхъ;
Но если и живъ онъ, то, вѣрно, другая
Измѣнника держитъ въ оковахъ своихъ.»

Ангъ сыну и Морѣ: «Вы годъ подождите;
Когда я въ надеждѣ еще обманусь —
Не встрѣчу Оскара — тогда заключите,
Любезныя дѣти, желанный союзъ.»

Прошелъ годъ унылый — и день съединенья
Алану съ любезной назначилъ отецъ —
И вспыхнулъ въ ихъ взорахъ огнь восхищенья;
Желанье исполнилось страстныхъ сердецъ.

Рога загремѣли, рога зазвучали;
Съ рогами слилися пѣвцовъ голоса,
И звукамъ и грому роговъ отвѣчали
Высокія горы, густые лѣса.

И въ замкѣ вассалы въ блестящей одеждѣ
Толпились — и каждый весельемъ дышалъ;
Въ шуму пированья забыли, какъ прежде
Нечаянный случай веселье прервалъ.

Но кто сей пришлецъ? кто? — въ замкѣ не знали.
На всѣхъ неизвѣстный ужасно смотрѣлъ;
И всѣ на угрюмаго взоры вперяли. . .
Огонь отъ прихода его потемнѣлъ!

Онъ черной, широкой страшилъ епанчою, —
Кровавыя перья на шлемѣ тряслись;
Земли чуть касался онъ легкой стопою,
И вздохи изъ груди, какъ буря, неслись!

Приближилась полночь — и чаша златая
За здравье Алана ходила кругомъ,
И всѣ восклицали, ее осушая:
«Пусть будетъ всегда онъ со счастьемъ знакомъ!«

Пришлецъ на гостей взвелъ страшные взоры —
И каждый невольно предъ нимъ замолчалъ:
И вздрогнуло сердце красавицы Моры,
И старецъ чего-то въ смущеніи ждалъ.

«Здѣсь счастья Алану всѣ гости желали;»
Такъ чудный, свирѣпый пришлецъ говорилъ,
„Здѣсь чашу заздравную всѣ осушали:
Я также за здравье, какъ прочіе, пилъ.

«Всѣхъ, старецъ, ты созвалъ — и всѣ въ восхищеньи
Отъ брачнаго пира, отъ пѣнистыхъ винъ:
Почто же, скажи мнѣ, оставленъ въ забвеньи
Оскаръ твой? Уже ли тебѣ онъ не сынъ?»

— Ахъ! горесть все сердце мое истерзала! —
Такъ старецъ, несчастный отецъ, отвѣчалъ: —
Какое мученье душа испытала
Съ тѣхъ поръ, какъ любезный Оскаръ мой пропалъ!

— Нѣтъ вѣсти! Ужь солнце въ пространствѣ воздушномъ
Свершило съ тѣхъ поръ три пути годовыхъ!
Теперь мнѣ отрада въ Аланѣ послушномъ;
Въ Аланѣ подпора дней ветхихъ моихъ.

«Но, старецъ! кто знаетъ, какими судьбами
Оскаръ потерялся? . . Быть можетъ, онъ живъ!»
Вскричалъ незнакомецъ, сверкая глазами,
И голосъ пришельца — былъ бури порывъ!

«Кто знаетъ? быть можетъ, Оскаръ бы явился,
Когдабъ всѣ усердно желали того:
Быть можетъ, сей Рыцарь въ горахъ заблудился —
Но жизнь не угасла во груди его.

«Внимайте! Пусть мигомъ напитокъ чудесный
Наполнитъ огромную чашу сію:
Ее мы осущимъ. . . Да будетъ извѣстно:
Здоровье Оскара заочно я пью!» —

Ангъ воскликнулъ: — Сюда драгоцѣнныя вина! —
И чашу напѣнилъ до самыхъ краевъ —
Внимайте! Я пью за любезнаго сына:
Коль живъ онъ — пусть будетъ счастливъ и здоровъ! —

«Но, старецъ! усердія кликъ раздается —
А чаша въ рукахъ у Алана полна!
Пей, пей, братъ Оскара! . . Но чаша трясется!
Пей, пей! не расплескивай влагу вина!»

И Рыцарь ужасно въ лицѣ измѣнился —
Блѣднѣлъ, трепеталъ онъ, не смѣя дохнуть,
И крупный, холодный потъ градомъ катился
Съ лица на высокую, жаркую грудь!

Три раза онъ чаши касался устами, —
Три раза невольно ее оставлялъ;

Три раза съ пришельцемъ встрѣчаясь глазами, —
Во взорахъ свирѣпыхъ угрозу читалъ.

„Уже ли съ симъ чувствомъ, Аланъ, вспоми-
нанье
О братѣ любезнѣйшемъ должно творить?
Коль ето знакъ дружбы и сердца желанье, —
То съ ними какъ ужасъ, скажи, различишь?"

Симъ ѣдкимъ упрекомъ Аланъ оскорбленный,
Хотѣлъ пить невольно — и такъ возгласилъ:
«Ахъ! еслибъ явился Оскаръ незабвенный!
Ахъ! еслибъ . . .« И чашу изъ рукъ уронилъ!

И вмигъ привидѣнье отколь ни взялося; —
„Почто, мой убійца! меня призывалъ?"
Убійца, убійца! въ стѣнахъ раздалося —
И бурный надъ замкомъ огонь заблисталъ!

Померкли свѣтильники въ залѣ огромной,
И трепетъ и холодъ коснулись сердецъ —
О страхъ! привидѣнье въ одеждѣ зеленой
Стояло . . . исчезъ неизвѣстный пришлецъ!

Стояло оно: — мечь булатный, широкой
Висѣлъ при бедрѣ и лучами блисталъ;
Текла на груди кровь изъ раны глубокой;
Печальныя очи туманъ покрывалъ.

Три раза оно улыбнулось, вздохнуло —
И долго на старцѣ покоило взоръ;

Три раза оно на Алана взглянуло —
Во взглядахъ былъ видѣнъ жестокій укоръ.

Ударила буря — весь замокъ въ смятеньѣ!
Врата отворились въ мгновенье одно!
Вдругъ громъ разразился . . . . и гдѣ привидѣнье?
На крыліяхъ бури умчалось оно!

Всѣ гости оставили замокъ ужасный. . . .!
Но кто сіи двое, какъ трупы, лежатъ?
Усердьемъ служителей старецъ неочастный
Избавленъ отъ смерти и началъ дышать.

Но тщетно Алана избавить хотѣли —
Надъ нимъ распростерся могильный туманъ;
Сомкнулися вѣжды, уста охладѣли —
Уже не возстанетъ убійца Аланъ!

Среди Глентанарской печальной долины
Надъ прахомъ Оскара сребрилась луна;
Его волосами игралъ вѣтръ пустынный;
Въ груди охладѣлой стрѣла вонзена.

Не льзя изъяснить незнакомца явленье:
Отколѣ и кто его въ замокъ послалъ? . .
Но каждый въ минуту узналъ привидѣнье —
Ахъ! это являлся убитый Оскаръ.

И гордость и зависть рукою водили,
Когда злой Аланъ тетиву натягалъ —
И адскіе духи стрѣлу окрылили,
Когда онъ ее въ грудь Оскара послалъ.

Стрѣла понеслася, стрѣла засвистѣла —
И кровью долину Оскаръ обагрилъ . . .
Глава опустилась и кровь охладѣла:
Мракъ смертный навѣки его окружилъ!

Аланъ обольстился любезностью Моры —
И ревность въ груди его ядъ разлила . . .
О горе! нерѣдко прелестные взоры
Бываютъ источникомъ страшнаго зла!

Но чья здѣсь гробница, подъ кровомъ тумана,
Средь дикой долины печально стоитъ?
То брачное ложе младаго Алана;
Въ ней злобный убійца навѣки сокрытъ.

Далеко отсюда, близь тихой дубравы, —
Тамъ памятникъ видѣнъ (унылый предметъ!)
Надъ прахомъ усопшихъ владѣтелей Альвы;
Герба ихъ надъ прахомъ Алановымъ нѣтъ.

Какой Менестрель, ахъ! какой сладкогласный
Дѣянья Алана пѣвецъ воспоетъ?
Звукъ арфы есть памятникъ самый прекрасный:
Но кто же, кто славитъ убійцу дерзнетъ?

Нѣтъ! сладостныхъ звуковъ убійца не стоитъ —
Пусть спящія струны на арфѣ молчатъ;
Но если кто въ честь ему арфу настроитъ —
Съ нее погребальные звуки слетятъ.

Надъ хладной могилой Алана молчанье:
Не слышно ни лиры, ни гласа пѣвца;

Лишь ехо разносить глухое стенанье
Убитаго брата, проклятье отца!

П. Кудряшевъ.

Оренбургъ.

Сѣтованіе Киргизъ-Кайсацкаго плѣнника.

Ахъ! что со мной?
Въ очахъ слеза!
Здѣсь край чужой,
Души гроза!..
Твоя волна,
Рѣка Уилъ (*),
Мутна, черна,
Черна, какъ илъ!

*

Сей желтый лугъ,
Сей видъ степей,
Сей грозный звукъ,
Сей звонъ цѣпей —
Мой духъ мятутъ,
Меня томятъ,
Мнѣ въ душу льютъ
Печали ядъ!

*

(*) Сія рѣка протекаетъ въ Киргизъ-Кайсацкой степи.

Гдѣ милый край,
Урала брегъ,
Мой свѣтлый рай,
Страна утѣхъ?
Гдѣ мать, отецъ,
Родныхъ семья, —
Кумиръ сердецъ,
Адель моя?

*

Гдѣ, гдѣ они,
Гдѣ милый край,
Гдѣ счастья дни,
Гдѣ свѣтлый рай?
Краса земли,
Родимой край —
Тамъ, тамъ, въ дали,
Мой свѣтлый рай!

*

Я плѣнникъ твой,
Злодѣй Кайсакъ!...
Спѣши, герой,
Спѣши, Козакъ!
Въ глухую степь
Враговъ карать —
И плѣна цѣпь
Съ меня сорвать!..

П. Кудряшевъ.

ПРОЗА.

Бабушка. Повѣсть Г. Клаурена.

(Окончаніе.)

Сонъ мой прерванъ былъ страшными ударами грома. Гроза необыкновенная: молнія неугасала ни на минуту; трескъ и гулъ, дождь, градъ, буря казались предвѣстниками близкаго истребленія всѣхъ живыхъ тварей. Спустя полчаса гроза утихла; но въ тоже время настало смятеніе другаго рода: отовсюду раздались противные звуки роговъ, которыми ночные сторожа давали знать жителямъ о пожарѣ; набатные колокола на башняхъ призывали на помощь; смѣшенные бои барабановъ по всѣмъ улицамъ возвѣщали объ опасности.

«Гдѣ пожаръ?» нѣсколько разъ вопрошалъ я мимо бѣгущихъ; одни молчали, другіе говорили, что сами незнаютъ. Но вотъ во всю конскую прыть несется по улицѣ огромный снарядъ огнегасительный

ный, окруженный множествомъ факеловъ. «Пожарная труба отъ ратуши!» раздались голоса подъ моимъ окошкомъ. Смотрю: на ящикѣ стоитъ почтенный Брандтмейстеръ, мой дорогой Цвикеръ. Въ лѣвой держалъ онъ кожаной рукавъ отъ машины, а въ правой — пылающій смоляной факелъ; на немъ былъ пестрой ситцевой шлафрокъ, бѣлая круглая шляпа, и волосы его, свободные отъ узъ косной ленты, служили игралищемъ вѣтру. Герой пожарнаго снаряда, какъ мнѣ послышалось, приглашалъ праздныхъ слѣдовать за нимъ въ Герцфельде.

Я мигомъ одѣлся, сбѣжалъ съ лѣстницы, сѣлъ на верховую лошадь, которая въ минуту подана была стараніемъ услужливаго Луиса, и поскакалъ въ слѣдъ за ратушною трубою. Къ несчастію, другъ Цвикеръ сказалъ сущую правду: Герцфельде, прекраснѣйшая въ цѣлой окрестности деревня, пылала. Тамъ, на отдаленномъ востокѣ только лишь занималась заря; на противуположной сторонѣ горизонта носились разряженныя тучи; вдали сверкала слабая зарница; тусклыя звѣзды изрѣдка проглядывали сквозь движущійся

покровъ облачный; передъ нами грозный пожаръ, съ багровымъ, до небесъ восходящимъ пламенемъ; густой, черной дымъ, поднимаясь то изъ одного дома, то изъ другаго, несется далѣе по движенію вѣтра; тамъ стукъ отъ колесъ, быстро катящихся по длинному шоссе съ полными бочками воды и съ пожарными трубами; здѣсь ежеминутно явственнѣе слышимы вопли отчаянія; тутъ мучительное недоумѣніе, куда сперва обратиться, кому помогать прежде; — мысль ужасная, что увижу множество несчастныхъ, лишенныхъ всего имущества, увижу людей, съ благомъ и съ бѣдствіемъ которыхъ судьба столь тѣсно сопрягла мое сердце. . . Я скакалъ безъ души; нашелъ многіе домы уже превращенными въ пепелъ; бѣгалъ, носилъ, помогалъ, спасалъ, суетился нѣсколько часовъ почти до безпамятства.

Между тѣмъ насталъ свѣтлый день и свирѣпство пламени уступило дѣятельности человѣческой: двадцать три двора, въ числѣ которыхъ былъ и красивой трактиръ, гдѣ третьяго дня освѣжался я прохладительнымъ напиткомъ, лежали въ развалинахъ. Нѣкоторые успѣли спасти часть

имущества; другіе всего лишились, ломали руки, стоя передъ пепелищемъ домовъ своихъ и горючими слезами оплакивали свое безвинное несчастіе. У иныхъ едва было чѣмъ прикрыть наготу тѣла; полунагія дѣти безутѣшными воплями голода терзали сердца своихъ родителей, которые, въ нѣсколько минутъ перешедши отъ довольства къ нищетѣ, вовсе не имѣли, чѣмъ бы могли успокоить алчущихъ малютокъ.

Настала пора моя перемѣнить ролю: я хотѣлъ, какъ скоро бѣдные люди освободятся отъ первыхъ впечатлѣній страха, созвать ихъ посредствомъ старшины, хотѣлъ объявить имъ, что я, какъ наслѣдникъ покойной владѣлицы деревни, вмѣстѣ съ правами принялъ на себя и ея обязанности, и что слѣдственно первою, священнѣйшею для себя заботою считаю облегчить бѣдственную ихъ участь. Съ такими, для меня самаго утѣшительными мыслями иду къ жилищу старшины селенія; тамъ нахожу многихъ несчастныхъ и среди ихъ стоящую дѣвицу: ангелъ благотворительности съ кроткою любовію и умиленіемъ питалъ алчущихъ, напаялъ жаждущихъ, одѣвалъ полунагихъ, утѣшалъ

печальныхъ. Повозки съ тяжелымъ грузомъ хлѣба, вина, разныхъ съѣстныхъ припасовъ и одежды стояли за дѣвицею, и люди по ея распоряженіямъ надѣляли страждущихъ первыми потребностями жизни. Оживленные тѣснились къ ней, лобызали край одежды ея, руку щедроты, и въ то же время отирали трогательныя слезы благодарнаго сердца.

У меня только было въ планѣ — а милое существо уже исполняетъ; я только лишь хотѣлъ — а она уже дѣйствуетъ! На лицѣ ея сіяло удовольствіе благотворительности; совокупное чувство и сострада-нія и счастливой увѣренности, что помогаетъ несчастнымъ, сладостно волновало душу ея, и свѣтлыя слезы катились по розовымъ ланитамъ; съ благородною скромностію и смиреніемъ отклоняла она порывистыя изъявленія благодарности; съ неописанною добротою сердца доказывала, что исполняетъ должность человѣческую и хрістіанскую; говорила, что родитель ея обѣщался прислать еще больше; убѣждала, чтобы крѣпко уповали на Бога, и нетеряли бы надежды на участіе людей сострадательныхъ. «Въ скоромъ времени»

такъ продолжала она «здѣсь долженъ явиться и новый владѣлецъ вашей деревни. Молва именуетъ его наслѣдникомъ не имѣнія только покойной госпожи Мильборнъ, но и ея сердца и ея склонности благотворить ближнимъ. Мой батюшка будетъ за васъ ходатаемъ. Надѣйтесь на Господа! Чѣмъ тягостнѣе бремя бѣдствія; тѣмъ скорѣе посылаетъ Отецъ милосердый благую свою помощь.»

— Кто ета дѣвица? — съ крайнимъ нетерпѣніемъ спросилъ я у сосѣда, которой былъ, какъ мнѣ казалось, гражданинъ изъ Кларенбурга. Онъ невѣдалъ; но простыя, сердечныя слова проповѣдницы легли у него на сердцѣ, и мой незнакомецъ растроганный какъ бы въ храмѣ Божіемъ, вынулъ обѣими руками изъ кармановъ своихъ деньги, какія имѣлъ съ собою, приблизился къ кругу и безъ счета отдалъ погорѣвшимъ.

И дѣвица, какъ видно, сбираясь уже къ обратному отъѣзду, начала раздавать наличныя деньги, говоря, что скоро возвратится и привезетъ гораздо больше; но запасъ ея скоро истощился, и она съ примѣтнымъ замѣшательствомъ смотрѣла,

какъ нѣкоторыя изъ протянутыхъ рукъ должны были оставаться безъ удовлетворенія.

Въ одинъ мигъ протѣсняюсь сквозь толпу, и полный золота кошелекъ подаю благотворительницѣ. Я хотѣлъ было сказать нѣсколько словъ приличныхъ; но я стоялъ прямо противъ нея, и въ человѣколюбивомъ взорѣ видѣлъ желаніе узнать, кто съ такою щедростію сыплетъ золото для отрады несчастнымъ; я замѣтилъ, какъ она въ пріятномъ замѣшательствѣ, хотѣвъ изъявить мнѣ благодарность отъ имени несчастныхъ за щедрое даяніе, не могла сего исполнить, потому что взоры наши встрѣтились — и языкъ мой отказался отъ повиновенія. Тутъ почувствовалъ я, что устами распоряжаетъ болѣе голова нежели сердце, а голова моя была почти совсѣмъ растеряна при взглядѣ милаго созданія.

«Кто ета дѣвица?» повторилъ я еще съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ, и съ вопросомъ симъ обратился къ стоявшей близь меня крестьянкѣ. «Ето, доброй господинъ, Аннушка,» отвѣчала старуха «дочь Оберфорштмейстера, что живетъ на той сто-

ронѣ, въ Блуменвальдѣ.» Благодѣтельница же въ сію минуту, съ лицемъ, исполненнымъ радости, обратилась къ лишеннымъ крова и громко сказала, что слова ея о помощи свыше уже начинаютъ исполняться. Она стала раздавать золотыя монеты мои съ мудрою осмотрительностію и, къ немалому замѣшательству моему, указывала на меня тѣмъ, которые изъявляли ей благодарность. Вдругъ среди круга является молодая женщина, задыхавшаяся, какъ смерть блѣдная; она кричитъ, въ судорожномъ движеніи простирая руки свои къ *Аннушкѣ*: «Мое дитя! мой ребенокъ! помогите, ради Бога помогите!» Въ этой отчаянной женщинѣ я узналъ хозяйку трактира, которая передъ тѣмъ за двое почти сутокъ подала мнѣ чашу съ холоднымъ пивомъ. Послѣ многихъ вопросовъ, насилу могли мы допытаться: въ минувшую ночь, въ первомъ припадкѣ испуга, ей показалось, что мужъ ея, еще при началѣ пожара уѣхавшій изъ деревни, выхватилъ маленькую дочку изъ колыбели; увидѣвшись съ нимъ черезъ нѣсколько минутъ, узнала совсѣмъ тому противное. «Я было хотѣла броситься въ огонь;» продолжала несча-

стная: «меня непустили; сказали, что сестра моя увезла дѣвочку въ городъ къ старикамъ нашимъ; покидаю горящій домъ и бѣгу въ городъ; — сестра тамъ; съ нею серебро и деньги наши, а дѣвочки нѣтъ; прихожу назадъ — нашъ домъ сгорѣлъ уже больше половины; — спрашиваю у всѣхъ сосѣдей о ребенкѣ — никто незнаетъ; — хочу въ огонь — не пускаютъ, говорятъ, что я ошалѣла; — *Аннушка*! барышня! сжалься, мать родная! тебя всѣ слушаются; вели пустить меня! я достану дѣтище мое, живое или мертвое. Недержите меня! пустите къ моему дѣтищу! оно тамъ въ колыбелкѣ, за каменной стѣною.» —

— Кто вынесетъ дитя изъ развалинъ? кто? — громкимъ, плачущимъ голосомъ спрашивала Аннушка, обращаясь къ предстоящимъ и поднявъ къ верху мой кошелекъ съ остаткомъ золота. Двадцать, тридцать человѣкъ бросилось къ тлѣющимъ балкамъ, которыхъ вершины концами своими поддерживались каменною, на случай пожара сдѣланною стѣною (*); вдругъ

(*) Brandmauer.

вспыхнулъ огонь и бревна обнялись пламенемъ. Никто не дерзнулъ подвергаться явной опасности. Трижды пыталась несчастная мать пробиться сквозь пламя и столько же разъ возвращалась назадъ съ горящимъ платьемъ. Аннушка вновь требовала помощи и сама приблизилась къ догорающему зданію. Я между тѣмъ велѣлъ подать трубу, направилъ рукавъ на отверстіе, которое замѣтилъ между упершимися въ стѣну балками; люди принялись работать дружно, а я, по указанію матери, пробираясь черезъ золу и развалины, достигъ до назначеннаго ею мѣста. Чудному промыслу Божію угодно было сохранить невредимою колыбель съ младенцемъ: полусгорѣвшія, обломанныя балки, упавъ одна на другую, составили кровельку надъ нею: малютка спала подъ щитомъ Творца милосердаго! Я схватилъ крошку, обливаемый лучемъ устремленной на меня влаги, благополучно вынесъ добычу свою изъ зданія, которое тогда же позади меня обрушилось, и передалъ ее Аннушкѣ. Мать приняла ее съ воплями радости, а народъ встрѣтилъ меня съ громкими кликами.

Промокши до нитки, я ускользнулъ отъ шумной благодарности предстоящихъ, сѣлъ на лошадь и поскакалъ обратно въ городъ. Люди подвигу моему приписывали болѣе достоинства, нежели сколько бы слѣдовало. Положивъ руку на сердце, я не могъ скрыть отъ себя, что подвергался опасности, если сказать всю правду, болѣе изъ желанія угодить любезнѣйшей дѣвицѣ, нежели по какимъ-либо другимъ побужденіямъ. Вотъ на какомъ зыбкомъ пескѣ весьма нерѣдко сооружается храмъ нашей добродѣтели!

Тотчасъ послѣ обѣда получаю записку отъ Оберъ-Форштмейстера Вильмара, изъ Блуменвальда. Послѣ предисловія, мною вовсе незаслуженнаго, онъ извинялся, что, удерживаемый припадкомъ подагры, самъ неможетъ пріѣхать ко мнѣ съ изъявленіемъ благодарности отъ себя и отъ своей дочери; изъявлялъ желаніе познакомиться со мною; писалъ, что я сдѣлаю большое одолженіе и ему и его дочери, если въ нынѣшній же вечеръ обрадую ихъ своимъ посѣщеніемъ, ибо дочь слышала отъ Цвикера, что я въ дружбѣ съ господиномъ Блумомъ, и потому она желала бы сего дня

же посовѣтоваться со мною вразсужденіи нужныхъ пособій погорѣвшимъ, дабы съ отходящею завтра почтою можно было извѣстить обо всемъ Совѣтника Правленія; наконецъ, что въ етомъ состоитъ большая важность, ибо время дорого, и надобно до наступленія зимы приготовить убѣжище и кровъ для разоренныхъ.

Часто случалось мнѣ разцвѣчивать красками собственнаго воображенія картину мирной домашней жизни, знакомую мнѣ по древнимъ и новымъ стихотворцамъ; часто и самъ я, въ мечтахъ своихъ о будущемъ, желалъ наслаждаться ею: здѣсь въ Блуменвальдѣ я нашелъ оную въ полной существенности. Меня приняли въ домѣ не какъ чужаго, а какъ давнишняго знакомца, какъ добраго приятеля и друга. Надобно, чтобы Аннушка много хорошаго насказала обо мнѣ своему родителю: онъ привѣтствовалъ меня съ сердечною любовію; говорилъ о братской обязанности помогать ближнему въ горѣ, и говорилъ съ такою добротою простодушія, что я не одинъ часъ желалъ бы его слушать; тутъ я понялъ, что дочь такого родителя должна быть и

радостію для него и благословеніемъ для всея окрестности. Сколько важна и чувствительна была она сего дня поутру тамъ, на страшномъ позорищѣ бѣдствій человѣческихъ; столько вечеромъ у себя дома была весела и любезна. Насладившись чувствомъ небеснымъ — увѣренностію, что могла сдѣлать и сдѣлала доброе — она носила въ душѣ своей райскія впечатлѣнія. Съ радостію и успѣшно занимались мы планами вразсужденіи скорой помощи погорѣвшимъ, и всѣ черты на миломъ лицѣ Аннушки просіяли, когда объявилъ я, что Блумъ на все меня уполномочилъ, и что я, дѣйствуя по сердцу моего друга, готовъ немедленно исполнить всякое благодѣтельное предположеніе въ пользу пострадавшихъ, для чего употребить могу и достаточную сумму денегъ, которую назначено мнѣ получить отъ банкира въ Кларенбургѣ.

«Слышите ли, милой папенька!» обратилась Аннушка къ старику съ торжествующимъ видомъ: «вотъ я необманулась! Блумъ точно таковъ, какимъ я себѣ его представляла!»

— Какимъ же вы себѣ его представляли? — спросилъ я улыбаясь, и желалъ знать, откуда происходитъ ея выгодное мнѣніе объ его особѣ.

Аннушка отвѣчала, что покойная госпожа Мильборнъ всегда отзывалась объ немъ съ благородною гордостію сердца, и что о людяхъ можно судить и по ихъ короткимъ приятелямъ, — прибавила она съ милымъ замѣшательствомъ. «Еслибъ онъ небылъ достоинъ дружбы вашей; то ужь навѣрное вы . . .» Тутъ она вспомнила, что говорить подобную учтивость прямо въ глаза молодому человѣку неприлично; желая перемѣнить рѣчь, она обратилась къ старику Вильмару: «Папенька! вы сегодня вовсе некурили; вотъ вамъ бумажка!» она побѣжала за бумажкой; но у меня сердце въ груди пылало; ея прямодушіе и простота въ обхожденіи были для меня неизъяснимо привлекательны. Свѣжесть и полнота юношескаго возраста, соразмѣрность во всѣхъ членахъ, гибкость стана, отмѣнно приятная поступь, мелодической среброзвучной голосъ, милая прелесть въ каждой чертѣ лица выразительнаго, невинно-лукавая усмѣшка розо-

выхъ губокъ, свѣтлорусыя кудри — все ето было постороннимъ при голубыхъ глазахъ несравненной Грацiи: въ семъ-то небесночистомъ зеркалѣ души отсвѣчивались и глубина ума, и доброта сердца, и дѣвическое смиренiе, и совершенная безпорочность, и ненарушимое довольство духа, однимъ словомъ полный мiръ блаженства. Каждой разъ, при воззрѣнiи на сiи небесныя очи, я чувствовалъ себя лучшимъ человѣкомъ; мнѣ казалось, что отъ сердца моего отдѣлялась земная примѣсь, и что духовное существо мое становилось болѣе и болѣе возвышеннымъ.

Мы вдвоемъ вышли въ садъ, примыкающiй къ дому — старикъ не могъ намъ сопутствовать съ больными ногами своими. Роскошныя деревья плодовитыя были посажены матерью, слишкомъ рано умершею; но разнородные цвѣтники, удивительные своей пестротою, получили бытiе свое отъ творческой изобрѣтательности Iоанны, и ей обязаны всегдашнею свѣжестiю своею. Съ невинностiю младенца она разсказывала, какъ дѣлитъ свое время, всегда для нея короткое: ходитъ за отцемъ, управляетъ маленькимъ

хозяйствомъ, смотритъ за многочисленною колоніею домашней птицы, работаетъ въ саду, наблюдаетъ за учрежденнымъ госпожею Мильборнъ воспитательнымъ заведеніемъ для крестьянскихъ сиротокъ, занимается множествомъ другихъ дѣлъ менѣе важныхъ, а остающееся время посвящаетъ своему фортепіано и библіотекѣ, въ которой послѣ нашелъ я лучшихъ классиковъ литтературы нашей, Французской, Англійской, Италіянской. Рѣчь дошла между прочимъ и до счастливыхъ дней, которые проведены ею въ домѣ доброй, незабвенной бабки моей — тутъ я узналъ, что Іоанна была *седмая*.

Вечеромъ хотѣлъ-было я возвратиться въ городъ; но отецъ и дочь со всѣмъ дружелюбіемъ убѣждали меня ночевать въ ихъ домѣ, и я остался. Другой, третій, четвертой, пятой день провелъ я также съ ними, и чѣмъ долѣе жилъ у нихъ, тѣмъ болѣе усиливалась взаимная довѣренность между нами, тѣмъ плѣнительнѣе распускался предо мною шипокъ прелестный, тѣмъ любезнѣе казались мнѣ ея слова и ея дѣйствія. Утреннее время проводили мы въ саду; въ продолженіе дня старикъ и я вмѣстѣ хлопотали съ архитекторами,

съ мастерами, разсматривали планы, сочиняли договоры; вечеромъ — тутъ собственно текли часы моихъ наслажденій: Іоанна пѣла въ цвѣтущей бесѣдкѣ, мастерски играла на гитарѣ, а я вторилъ ей на флейтѣ; мы поливали цвѣты; иногда по душистому лугу ходили въ Герцфельде, и тамъ надѣляли погорѣвшихъ съѣстными припасами, которые впередъ были отправляемы на повозкахъ.

Вечеромъ въ послѣдній день моего пребыванія, мы опять посѣтили Герцфельде. Я заранѣе сказалъ Іоаннѣ, что мнѣ пора ѣхать въ городъ и что оттуда въ скоромъ времени долженъ буду отправиться обратно въ столицу; слѣдственно ета прогулка наша была послѣдняя. Въ нынѣшній вечеръ она показалась мнѣ — вотъ до чего наши братья, мущины, бываютъ самолюбивы — она показалась мнѣ несравненно мягче, задумчивѣе, и етотъ легкой припадокъ грусти былъ неизъяснимо пріятенъ для моего сердца. Сказала, что имѣетъ надежду видѣть меня еще нѣсколько дней въ ихъ домѣ, что батюшка ея привыкъ быть со мною, и что ему тяжело будетъ ненаходить меня въ сво-

емъ сообществѣ. Когда же я увѣрялъ, что въ скоромъ времени опять пріѣду и погощу у нихъ гораздо уже долѣе; она изъявила свое опасеніе, что въ шумной столицѣ легко забудется нѣсколько тихихъ дней, проведенныхъ въ Блуменвальдѣ, и поспѣшно оборотилась къ сторонѣ, чтобы скрыть слезы, сверкнувшія подъ рѣсницами ея противъ лучей заходящаго солнца.

Сіи нѣжныя слезы восхитили мою душу. Я сказалъ ей улыбаясь, что если уже рѣчь дошла до забвенія, то скорѣе могу его опасаться я, нежели Блуменвальдъ, для меня незабвенный; скоро долженъ пріѣхать другъ мой, Совѣтникъ Блумъ; при счастливомъ предубѣжденіи въ его пользу, при общей здѣсь увѣренности объ его достоинствахъ — увѣренности, можетъ быть и не совсѣмъ справедливой — при выгодныхъ отношеніяхъ его по причинѣ богатаго наслѣдства, скорѣе же я долженъ страшиться того, что Блуменвальдъ и всѣ въ немъ живущіе могутъ забыть обо мнѣ въ самомъ непродолжительномъ времени.

«И всѣ?» возразила она тихимъ голосомъ, качая поникшею головою: «сель-

скіе жители гораздо постояннѣе, гораздо тверже столичныхъ: кого однажды мы полюбимъ, къ тому никогда уже непремѣняемъ своего расположенія.» Послѣднія слова произнесла она, не въ силахъ будучи удержать слезъ своихъ, такъ тихо, что ихъ скорѣе можно было отгадать, нежели услышать. Я самъ не владѣлъ собою; воспользовался минутою и открылся ей въ желаніи сердца. Любовь дала силу словамъ моимъ; я признался, какое сильное впечатлѣніе осталось во мнѣ въ первыя минуты знакомства нашего среди пылающихъ развалинъ; разсказалъ, какъ болѣе и болѣе усиливалось во мнѣ сіе благодѣтельное впечатлѣніе; увѣрялъ, что хозяйственныя мои обстоятельства могутъ доставить ей жизнь безбѣдную и пріятную, и все заключилъ вопросомъ, смѣю ли я, краткостію времени принуждаемый, сдѣлать предложеніе, можетъ быть, слишкомъ поспѣшное, смѣю ли надѣяться по крайней мѣрѣ получить отвѣтъ предварительный.»

Какъ изобразилъ прекрасную, добрую Іоанну, внимающую словамъ, отъ которыхъ должна зависѣть будущая судьба ея и

моей жизни, стоящую передо мною, подъ сводомъ небесъ, въ лучахъ заходящаго солнца! Сперва въ изумленіи устремила взоръ свой въ землю; потомъ бореніе внутреннихъ чувствъ прекратилось тихимъ плачемъ; далѣе, съ кроткой улыбкою возвела умныя очи свои къ золотистому облаку на западѣ; оттуда бросила на меня дѣвическій взоръ свой, взоръ сладостной увѣренности; склонила на грудь ко мнѣ лице свое; прижала правую руку свою къ сильно бьющемуся моему сердцу; хотѣла говорить, не была въ состояніи, и на первой обручальный поцѣлуй мой отвѣтствовала безмолвнымъ, но краснорѣчивѣйшимъ изъявленіемъ сладостной взаимности.

Лишь нѣсколько шаговъ оставалось до родительскаго сада; но мы едва черезъ полчаса дошли до него: такъ много было у насъ пересказать другъ другу! Аннушка просила, чтобы я незамедлилъ изъясниться съ отцемъ ея, только не сегодня, говорила она, потому что для ней все кажется новымъ — сказала, что у ней множество дѣлъ и ускользнула изъ рукъ моихъ. Я немогъ однакоже противиться стрем-

ленію сердца; немедленно со всею искренностію объявилъ старику о своемъ расположеніи, и чрезвычайно изумилъ его открытіемъ, что будущій зять его не подставной Секретарь Страгуро, а именно Блумъ, Совѣтникъ Правленія; сказалъ ему о побудительныхъ причинахъ, заставившихъ меня выступить подъ чужимъ именемъ; просилъ до времени не объявлять Іоаннѣ, и прибавилъ, что мое инкогнито доставило мнѣ удовольствіе несравненное — пріобрѣсть дружбу дочери его въ качествѣ посторонняго человѣка, не значительнаго ни своимъ званіемъ, ни богатствомъ. Старикъ, до глубины души растроганный, съ радостными слезами бросился обнимать меня; извинялся, давая разумѣть, что при ограниченномъ своемъ достаткѣ неможетъ отпустить милую дочь на стезю свѣтской жизни съ большимъ приданымъ, и кажется, съ удовольствіемъ слушалъ, когда я увѣрялъ, что доброе сердце и образованный умъ Іоанны были для меня главными предметами выбора, и что, благодаря наслѣдству покойной бабушки, я освобожденъ отъ опасной необходимости искать богатой невѣсты.

Входитъ Аннушка. Чтобы дать иной оборотъ разговору, старикъ спрашиваетъ, куда спрятала она свои нарядныя вещицы, съ которыми завтра должна явиться на балъ къ Генеральшѣ, но которыхъ горничная нигдѣ ненаходитъ. Въ страшномъ замѣшательствѣ отвѣчала милая дѣвица, что украшаться ими теперь непристало, что оправа слишкомъ устарѣла для нынѣшняго времени, и что вовсе было бы некстати имѣть на себѣ дорогія вещицы къ простому наряду. «Вотъ какое дѣло!» сказалъ Оберъ-Форштмейстеръ съ улыбкой сердечнаго удовольствія, положивъ руку свою на голову дочери: «а старой Исаакъ, изъ Кларенбурга, говорилъ мнѣ совсѣмъ не то: по словамъ его, алмазы твои превращены въ слезы радости и благодареній.» Онъ продолжалъ, заключивъ ее въ своихъ объятіяхъ: «Такъ благочестива, такъ сострадательна была и мать твоя! И у нея десница никогда не вѣдала, что творила шуица! Смотри, дочь милая, какъ доброе дѣло уже производитъ плоды свои! Старой Исаакъ, узнавши, что взятыми у него деньгами ты помогла разореннымъ, отказывается отъ всякихъ про-

центовъ, хотя бы закладъ твой пролежалъ у него многіе годы!»

Исполненный восторга, я принялъ любезную изъ рукъ отца и крѣпко прижалъ ее къ сердцу; а старикъ, возложивъ и на меня благословляющую руку, въ безмолвіи освятилъ союзъ, заключенный любовію, невинностію и добродѣтелью.

Въ тотъ же вечеръ, возвратившись въ Кларенбургъ, я выкупилъ вещи, прибавилъ кое-что отъ себя поновѣе фасономъ — *семь* нитокъ жемчугу, коралловой поясъ съ длинными снурками, гребень съ *семью* солитерами и полной нарядъ бальнаго платья — отправилъ все въ Блуменвальде, съ просьбою къ Вильмару, чтобы отъ своего имени передалъ Іоаннѣ, и предварилъ бы ее, что завтра послѣ обѣда пріѣду за нею въ каретѣ.

Я полетѣлъ къ Генеральшѣ, которой невидалъ цѣлую недѣлю. Она, ближайшая подруга матери моей, она первая должна была узнать о счастливомъ выборѣ, сдѣланномъ мною. Нашелъ госпожу фонъ Валдмаркъ въ большихъ хлопотахъ,

занятую приготовленіями къ нынѣшнему балу; ей такъ много надлежало приказывать, говорить съ поваромъ, съ кондитеромъ, со столовымъ дворецкимъ, съ оффиціантами, что я не могъ улучить минуты удобной, и сладкая тайна осталась въ моемъ сердцѣ. Воспользовавшись обстоятельствомъ, я успѣлъ однако же склонить ее, чтобы приказано было сребровласому камердинеру, по принятому во Французскихъ знатныхъ домахъ обычаю, громко провозглашать имена госпей, входящихъ въ залу. Между тѣмъ и старику растолковалъ я, какъ поступить должно, когда явлюся самъ-другъ, и полновѣснымъ червонцемъ обязалъ его молчать до времени. Вотъ вечеромъ только лишь вхожу въ ярко освѣщенную залу, вмѣстѣ съ Іоанною, которая въ блестящемъ бальномъ нарядѣ, съ благородною наружностію, съ величавою осанкою, казалась царицею празднества, какъ вдругъ честной камердинеръ, обратясь къ пестрому обществу, громко воскликнулъ: «Господинъ Совѣтникъ Правленія съ невѣстою своей, дѣвицей Іоанною Вильмаръ!» По его же мановенію въ оркестрѣ заиграли тушъ на трубахъ и литаврахъ, и моя

прекрасная Іоанна, изумленная неожиданнымъ открытіемъ, почти безъ чувствъ упала на руки Генеральши.

«Робертъ! мой Робертъ!» воскликнула госпожа фонъ Валдмаркъ, и нѣжнымъ поцѣлуемъ своимъ воззвала Аннушку къ жизни: «выборъ твой дѣлаетъ меня несказанно счастливою! Ты превращаешь домъ мой во храмъ брачный, а вечернюю забаву въ празднество, навѣкъ незабвенное!»

Подружки, приятельницы со всѣхъ сторонъ привѣтствовали Аннушку; многіе мущины, пожилыя дамы, бывшія въ короткомъ знакомствѣ или съ покойною матушкой, или съ госпожею Мильборнъ, поздравляли насъ и желали намъ благополучной жизни. Откуда ни взялся и Тайный Ревизоръ Цвикеръ! Онъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями, тотчасъ отвелъ въ сторону и по довѣренности открылъ, что втайнѣ за меня было прочилъ свою Динушку. «Но поелику вижу теперь,» продолжалъ онъ съ веселымъ видомъ «что нашъ доброй Совѣтникъ Правленія смотритъ въ другую сторону; то, пользуясь благимъ случаемъ, отдаю Динушку Над-

ворному Совѣтнику Вахтелю, вонъ, что въ голубомъ фракѣ съ желтыми пуговицами; онъ человѣкъ зажиточной, и уже съ годъ преслѣдуетъ меня съ предложеніями своими.» Я подалъ руку новому зятю, и хотѣлъ было восхвалить Цвикера за подвиги его въ ужасную ночь на пожарѣ, какъ вдругъ является рѣзвая Флорентина и съ *зеленымъ фракомъ*; поздравляетъ меня съ невѣстою, и представляетъ мнѣ зеленаго друга своего въ качествѣ жениха, съ которымъ ее помолвили вчера вечеромъ. Точно также въ продолженіе немногихъ минутъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Лотушка Сандлеръ, Аделаида фонъ Штраленталь, Катерина Прокофьевна Чумадина и Бургомистрова Юлинька, словомъ всѣ шестеро изъ моего седмеричнаго созвѣздія, или торжественно были помолвлены, или же обѣщаны отъ родителей своихъ нареченнымъ. И такъ на балѣ у Генеральши праздновали помолвку не одной пары, а *семи*. Я взялся распорядить, чтобы женихи съ невѣстами своими протанцовали польской и самъ былъ въ первой парѣ. Аннушка долго кружилась съ прочими женихами въ котильонахъ, французахъ, вальсахъ; а я между тѣмъ отозванъ былъ Генеральшею

въ кабинетъ, гдѣ она представила меня двумъ господамъ, украшеннымъ почтенною сѣдиною. Одинъ изъ нихъ былъ главный совѣтникъ воспитательнаго дома, исполнитель завѣщанія покойной моей бабушки, другой главной членъ въ совѣтѣ управленія Богадѣльни. Дѣло состояло въ распечатаніи записки: открылось, что благодѣтельница преимущественно желала союза назначеннаго ею наслѣдника съ — Іоанною Вильмаръ.

Послѣ годичнаго срока я повезъ любезную свою Совѣтницу Правленія въ столичной городъ. Въ проѣздъ нашъ черезъ Герцфельде, окна всѣхъ домовъ, уже вновь построенныхъ, украшены были свѣжими вѣнками; жители встрѣтили насъ, благодарили, осыпàли благословеніями, плакали: они разставались съ геніемъ благотворительности, съ обожаемою *Аннушкою.*

«Будемъ всегда добры!» сказала она, до глубины души растроганная, склонясь ко мнѣ и устремивъ глаза на небо: «Робертъ! такія слезы, такія благословенія послѣдуютъ за нами въ вѣчность!»

(Съ Нѣмец.)

СМѢСЬ.

Армянская свадьба.

(Письмо къ г-ну Д — у изъ Астрахани, отъ 14 го Апрѣля 1827.)

Переселившись въ одну изъ Азіятскихъ областей нашего Отечества, или по здѣшнему сказать, откочевавъ къ берегамъ Каспійскаго Моря, исполняю обѣщаніе знакомить тебя, жителя сѣвера, съ нравами и обрядами обитателей Востока; и вотъ на первый случай сообщаю нѣкоторыя подробности Армянской свадьбы.

По полудни въ 8 часовъ, приблизившись съ общимъ приятелемъ нашимъ П. къ дому Армянина, которой выдавалъ въ замужство родственницу свою, мы увидѣли большое наружное освѣщеніе, и заключили, что пиръ будетъ не на шутку. Хозяинъ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ со всѣми знаками удовольствія; — *Амецекъ! Амецекъ!* — (прошу покорно) повторялъ онъ, вводя насъ въ залу, наполненную множествомъ

женщинъ, погруженныхъ въ глубокое безмолвіе, которое онѣ какъ будто сообщали и мущинамъ, бывшимъ въ гостиной. — Изъявивъ тѣмъ и другимъ почтеніе наше, мы обратили вниманіе — какъ можешь догадаться — на первыхъ, и, должно отдать справедливость, нашли между ними прекрасныхъ, хотя Армянки и вообще не дурны.

Страсть къ подражанію, во всѣ вѣки владычествовавшая, и между прочимъ, подъ сильнымь покровительствомъ моды, располагающая донынѣ покроемъ платья, измѣняетъ въ настоящее время и древніе костюмы Армянокъ, которыя, живучи въ Астрахани между Европейцами, весьма охотно покоряются опредѣленіямъ Дамскаго Журнала; однако большая часть изъ нихъ еще удерживаетъ собственныя головныя повязки, низанныя жемчугомъ. Сверхъ сего богатыя замужнія женщины украшаютъ себя золотыми цѣпями съ двумя и тремя такими же медалями. Незнаю, отгадалъ ли я, принявъ сіи роскошныя узы, обременяющія грудь и шею, за емблему супружескихъ? Что принадлежитъ до пожилыхъ и старушекъ, то одѣяніе ихъ, кажется, ничего не потерпѣло

среди всеобщаго непостоянства вещей въ мірѣ, и онѣ, служа въ семъ отношеніи образцами древности, покрываются обыкновенно бѣлымъ полотномъ, простирающимся съ головы до ногъ, такъ что одни глаза пользуются исключительнымъ правомъ быть свободными. Но обратимся къ залѣ молчанія.

Въ переднемъ углу сидѣла милая шестьнадцати-лѣтняя невѣста; глаза ея устремлены были въ землю и во всѣхъ чертахъ лица изображалась нѣжная томность. Вѣроятно, въ сіи торжественныя для ней минуты мечтала она о неизвѣстномъ будущемъ. . . особенно когда мертвая тишина доставляла полную свободу ея воображенію. Мы оставались зрителями безмолвными въ ожиданіи послѣдствій.

Среди сего довольно скучнаго однообразія, музыканты (Армяне же), таившіеся въ передней, внезапно пробудили общее вниманіе, и я по просьбѣ хозяина имѣлъ честь открыть балъ съ невѣстою. Мой товарищъ, съ живостію столичнаго петиметра, только что пустился было расхаживать по комнатамъ, какъ раздавшееся со всѣхъ сторонъ воззваніе:

«женихъ!» прекратило начавшійся Польскій. Дамы, какъ будто испуганныя внезапнымъ явленіемъ, скрылись отъ насъ безъ всякой церемоніи, а вмѣстѣ съ ними исчезла и невѣста. Вдругъ оставшись безъ дамъ среди танца, мы представляли изъ себя картину довольно забавную.

Прежнее безмолвіе было непродолжительно. Растворяются двери, и любопытные взоры наши встрѣтились съ длиннымъ рядомъ Армянъ, величаво выступавшихъ. Новость физіономій и горящіе у каждаго въ рукахъ восковыя свѣчи, придавали сей процессіи въ глазахъ нашихъ видъ необыкновенный. — Женихъ шелъ впереди, отличаясь зеленою перевязью, накинутою черезъ плечо, съ вышитыми серебромъ на ней какими-то знаками. Когда всѣ заняли мѣста, поданы были кофе и чай. Потомъ вскорѣ принесена на ломберномъ столѣ брачная одежда невѣсты; явившійся священникъ, облачась въ ризы, весьма долго читалъ надъ оною молитвы, и осѣнялъ ее благословящею десницей. Въ заключеніе женихъ и вся свита его цѣловали крестъ.

Снарядили невѣсту къ вѣнцу и преобразили ее изъ дѣвицы въ замужнюю жен-

щину. Ето происходило торжественно, при звукахъ музыки, собственно на такіе случаи сочиненной, странной для слуха Европейца, но по обыкновенному различію вкуса приятной Азіятцу. Плачущая невѣста казалась прежалкимъ твореніемъ: ее отвсюду стѣсняли, стягивали, завязывали; все кругомъ шумѣло и волновалось.

Наконецъ родные и знакомые спѣшили цѣловать ее, и прощаясь, какъ будто въ послѣдній разъ, проливали слезы. Въ ето время прелестная лѣтъ тринадцати дѣвушка робко приблизилась къ жениху, трепещущими руками возложила на него вторую, уже красную перевязь, крестообразно съ первою, и также вышитую. Дѣвушка ета, какъ я узналъ, сестра невѣсты, безпрестанно обращала черные, полные слезъ глаза свои къ зятю, и будто читала что-то страшное въ его взорахъ. Смуглое лице съ черными усами, вѣроятно, производило невыгодное впечатлѣніе въ юномъ сердцѣ, хотя женихъ, какъ и всѣ почти Армяне, былъ ловокъ и наружность имѣлъ приятную. Хозяинъ, соединивъ руки его и невѣсты, преподалъ обоимъ родительское наставленіе.

Такимъ образомъ часу уже въ двѣнадцатомъ дѣло близилось къ окончанію; невѣсту повезли въ церковь, куда и мы послѣдовали за нею. Обрядъ вѣнчанія у Армянъ сходенъ съ Грекороссійскимъ; разница только въ томъ, что жениха и невѣсту не водили кругомъ налоя, и что въ заключеніе священникъ обвязалъ шею жениха и невѣсты снурками, воскомъ припечатавъ концы оныхъ накрестъ, въ знакъ того, что молодая чета до опредѣленнаго времени (до трехъ дней) не должна вступать во всѣ права супружества.

Изъ церкви отправились мы въ домъ жениха, или уже теперь супруга (не смѣю сказать, счастливаго ли; это познается временемъ). Здѣсь опять повторено угощеніе: подавали кофе и чай; на поставленный среди большой комнаты столъ родные мужа и всѣ гости — выпивъ прежде бокалъ вина за здоровье молодой четы — возлагали въ пользу новобрачной дары, какъ то: столовое серебро, чайные приборы, жемчугъ, перстни, разныя матеріи для платья, самыя деньги, всего на большую сумму. Когда кончился обрядъ, мы возвратились къ доброму, гостепріим-

изъяснился въ весьма сильныхъ выраженіяхъ противъ морскаго грабительства, и сказалъ, что особенно удивляется, какимъ образомъ сословіе, оказывающее обыкновенно справедливость и любовь къ отечеству, можетъ участвовать въ семъ постыдномъ для Греціи промыслѣ.

—Послѣднія извѣстія о предприятіи противъ Хіоса не весьма благоприятны для Грековъ, которые, между тѣмъ какъ Турки получали изъ Чесмы подкрѣпленія войскомъ и съѣстными припасами, совершенно истощились отъ недостатка во всемъ необходимомъ, такъ что Фавье рѣшился оставить осаду крѣпости. То же самое гласятъ и новѣйшія извѣстія изъ Смирны. Войско Полковника Фавье изнемогло отъ усталости, отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и во всемъ необходимомъ, и лишилось бодрости по причинѣ тщетныхъ покушеній противъ защищающихъ крѣпость Турковъ. Фавье принужденъ былъ просить о присылкѣ за нимъ кораблей. Адмиралъ же Риньи, удовлетворивъ просьбѣ Полковника, приказалъ объявить Турецкому Адмиралу Тагиру-Бею, начальнику расположенной при островѣ Митиленѣ флотиліи, чтобы онъ воздержался отъ всякаго покушенія противъ Хіоса, если не хочетъ возобновить событія Наваринскаго.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

По случаю нынѣшняго гоненія на Армянъ въ Константинополѣ, сообщаемъ нѣкоторыя историческія черты, которыя, будучи сами по себѣ любопытны, могутъ послужить и къ объясненію дѣла. Армяне-Христіане, еще въ шестомъ столѣтіи отдѣлившіеся отъ церкви Восточной и Западной, имѣютъ у себя четырехъ Патріарховъ, изъ которыхъ главный, приписывающій себѣ титло Католикоса, пребываетъ въ Ечміадзинѣ, монастырѣ знаменитомъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Еривани; другіе два Патріарха находятся въ малой Азіи; четвертый въ Ширвани. Патріархамъ симъ подчинены, каждому свои, Архіепископы и Епископы. Одинъ Архіепископъ, будучи главою духовенства въ Константинополѣ, въ семъ качествѣ носитъ почетное титло также и Патріарха Армянскаго. Въ теченіе осмнадцатаго столѣтія множество приходовъ Армянскихъ въ Европѣ и Азіи мало помалу добровольно присоединились къ Римской церкви, необязываясь впрочемъ никакимъ общественнымъ, ни торжественнымъ актомъ; признавъ всѣ догматы Римско-Католическаго исповѣданія, они удержали только нѣкоторую часть прежнихъ обрядовъ.

Сихъ Уніатовъ-Армянъ находится также очень много въ Турецкихъ областяхъ. Главное

мѣстопребыванiе ихъ въ городѣ Ангури (Ангора). Порта никогда формальнымъ образомъ не освѣдомлялась о союзѣ ихъ съ Римомъ, и потому недавала имъ дозволенiя имѣть, по крайней мѣрѣ въ столицѣ, свои церкви, а всегда считала ихъ, по вѣрѣ и по даруемому имъ покровительству, людьми близкими Армянскому Архiепископу или почетному Патрiарху, какъ единственной особѣ, ею признанной въ семъ качествѣ. Порта вопрошала сего Пастыря Армянскаго, ручается ли онъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, за поведенiе своего духовнаго стада; почетный Патрiархъ объявилъ, что онъ можетъ отвѣчать лишь за своихъ истыхъ единовѣрцовъ, то есть за Еvтvхiанъ, но не за Католиковъ. Inde irae.

— Пишутъ изъ Варшавы (см. тамошнюю Газету No 50 й), что принято намѣренiе воздвигнуть памятникъ славному Королю Iоанну Собѣскому въ построенной имъ же, на память освобожденiя Вѣны отъ Турковъ, церкви при конвентѣ О. Капуциновъ, гдѣ въ ризницѣ въ особыхъ сосудахъ хранятся сердце и внутренности Героя. Мѣстному начальству тамошней столицы, въ слѣдствiе всеподданнѣйшей просьбы, объявлена таковая Высочайшая воля ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА (отъ 25 Янв. ст. с.): ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО вмѣняетъ Себѣ въ истинное удовольствiе, что можетъ почтить надгробнымъ памятникомъ драго-

цѣнные останки Героя, спасителя Хрістіанства, и что, исполняя долгъ священный, можетъ тѣмъ засвидѣтельствовать свое высокое уваженіе къ доблестямъ и знаменитымъ качествамъ одного изъ Своихъ Августѣйшихъ Предшественниковъ.

— Въ Познани имѣетъ быть воздвигнутъ памятникъ древнимъ Государямъ Польскимъ: Мечиславу I, которой въ тамошнемъ краѣ ввелъ Хрістіанскую вѣру, и сыну его Королю Болеславу Храброму. Е. В. Король Прусскій изволилъ одобрить изъявленное вразсужденіи сего дѣла желаніе тамошнихъ жителей, дозволилъ администратору Епархіи, Пробощу Волицкому, открыть подписку, и самъ пожаловалъ значительную сумму.

— Докторъ Сивіаль, нѣсколько уже лѣтъ съ отличнымъ успѣхомъ занимающійся во Франціи истребленіемъ камней мочеваго пузыря, по собственной методѣ *лiѳотритiи*, получилъ отъ Императора Австрійскаго большую золотую медаль съ портретомъ Его Величества. Такая же награда сему искусному практику пожалована и отъ Е. В—а Короля Нидерландскаго.

— *Атласъ Еѳнографическій земнаго шара* (*Atlas ethnographique du globe*), удостоенный Высочайшаго вниманія отъ Императора Александра I и посвященный Августѣйшему имени сего Безсмертнаго Монарха, вышелъ въ свѣтъ уже 1826 года. Онъ напечатанъ въ Парижѣ со всею типо-

графическою роскошью и украшенъ гербомъ Россiйской Имперiи. Ученый Италiянецъ, *Адрiанъ Бальби*, по другимъ важнымъ творенiямъ извѣстный ученому свѣту въ Европѣ и Америкѣ, удостоенъ былъ единодушныхъ похвалъ въ старомъ и новомъ мiрѣ отъ всѣхъ благонамѣренныхъ и свѣдущихъ рецензентовъ, которые разсматривали его трудъ, чрезвычайно любопытный и полезный. Многiе Монархи ободрили господина Бальби милостями своими и наградами: такимъ образомъ отъ Короля Нидерландскаго пожалована ему была большая золотая медаль; равно Король Французскiй и другiе Государи почтили его вниманiемъ своимъ и ободренiемъ; теперь находимъ извѣстiе, что и Е. В. Императоръ Австрiйскiй недавно наградилъ сочинителя большою золотою же медалью. Имѣя въ рукахъ своихъ *Атласъ* г-на Бальби, можемъ обѣщать читателямъ Вѣстника отмѣнно любопытныя статьи касательно племенъ, обитающихъ въ Россiйской Имперiи. Въ принадлежащемъ къ Атласу томѣ авторъ бросилъ взглядъ между прочимъ на Исторiю, и на нынѣшнее состоянiе литтературы нашей, и — разумѣется — не угодилъ людямъ разныхъ приходовъ, всего же болѣе тѣмъ, которые возмужали (а иные даже состарѣлись) въ сладостной привычкѣ къ напѣву *своего хора*.

— Бриггъ Lancier, отвозившiй Консула, г-на Дровешти, въ Александрiю, на обратномъ пути

въ Тулонъ оберегалъ пятьнадцать купеческихъ судовъ съ разными произведеніями Египта, принадлежавшихъ купцамъ Французскимъ. Съ нимъ получены весьма утѣшительныя извѣстія вразсужденіи торговли и въ особенности письмо отъ Богоръ-Юссуфа, главнаго Министра у Паши Египетскаго. Министръ етотъ пишетъ, что Паша ни въ какомъ случаѣ неперестанетъ оказывать покровительства своего торговлѣ, и что всегда будутъ уважаемы донынѣ существующія сношенія съ негоціантами чужихъ краевъ. Когда Богоръ-Юссуфъ донесъ Пашѣ объ опасеніяхъ негоціантовъ; послѣдній сказалъ ему въ отвѣтъ: *Стало быть, они меня незнаютъ*! Письмо изъ Александріи отправлено 15 Января (н. с.), когда при дворѣ Паши и между купцами извѣстны были и Султанскій манифестъ и строгія мѣры, за нимъ воспослѣдовавшія.

При сей книжкѣ находится изображеніе *Жираффы*, или *Камелопарда*, Африканскаго животнаго, приведеннаго въ Парижъ минувшаго Іюля мѣсяца и находящагося нынѣ въ Королевскомъ звѣринцѣ. Жираффа обитаетъ въ лѣсахъ при Нилѣ и рѣдко является на долинахъ. Арабы ловятъ ее для мяса и для твердой шкуры, годной на разныя издѣлья. Животное достается въ руки охотникамъ только лишь въ молодости, и часто погибаетъ, непринимая никакой пищи; но освоившись, легко привыкаетъ къ во-

жатому и бываетъ къ нему очень привязано. Ростомъ Жираффа выше всѣхъ живыхъ существъ, донынѣ извѣстныхъ: въ совершенномъ возрастѣ она бываетъ вышиною спереди 18 футовъ, а сзади не болѣе десяти. Цвѣтъ шерсти блѣдно-каштановый испещренъ темнорыжими неравной величины пятнами. Изображенная здѣсь самка, присланная отъ Египетскаго Паши въ подарокъ Королю Французскому, нынѣ *модная скотина* въ Парижѣ (Bête à la mode), была изловлена очень молодою. Это весьма рѣдкой гость въ Европѣ; и такъ неудивительно, что въ Парижѣ появились Жираффы на перстняхъ, булавкахъ, кошелькахъ, табакеркахъ, трубкахъ курительныхъ и проч. Жираффа была сюжетомъ даже для водевиля, а г. Жоффре написалъ о ней три басни, изъ которыхъ въ одной называетъ модную скотину *живымъ образцомъ романтическаго рода* (Type vivant du genre romantique).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изящная словесность.

Стихотворенія.

Проза.

Изящныя искусства, науки и литтература.

Современная исторія.

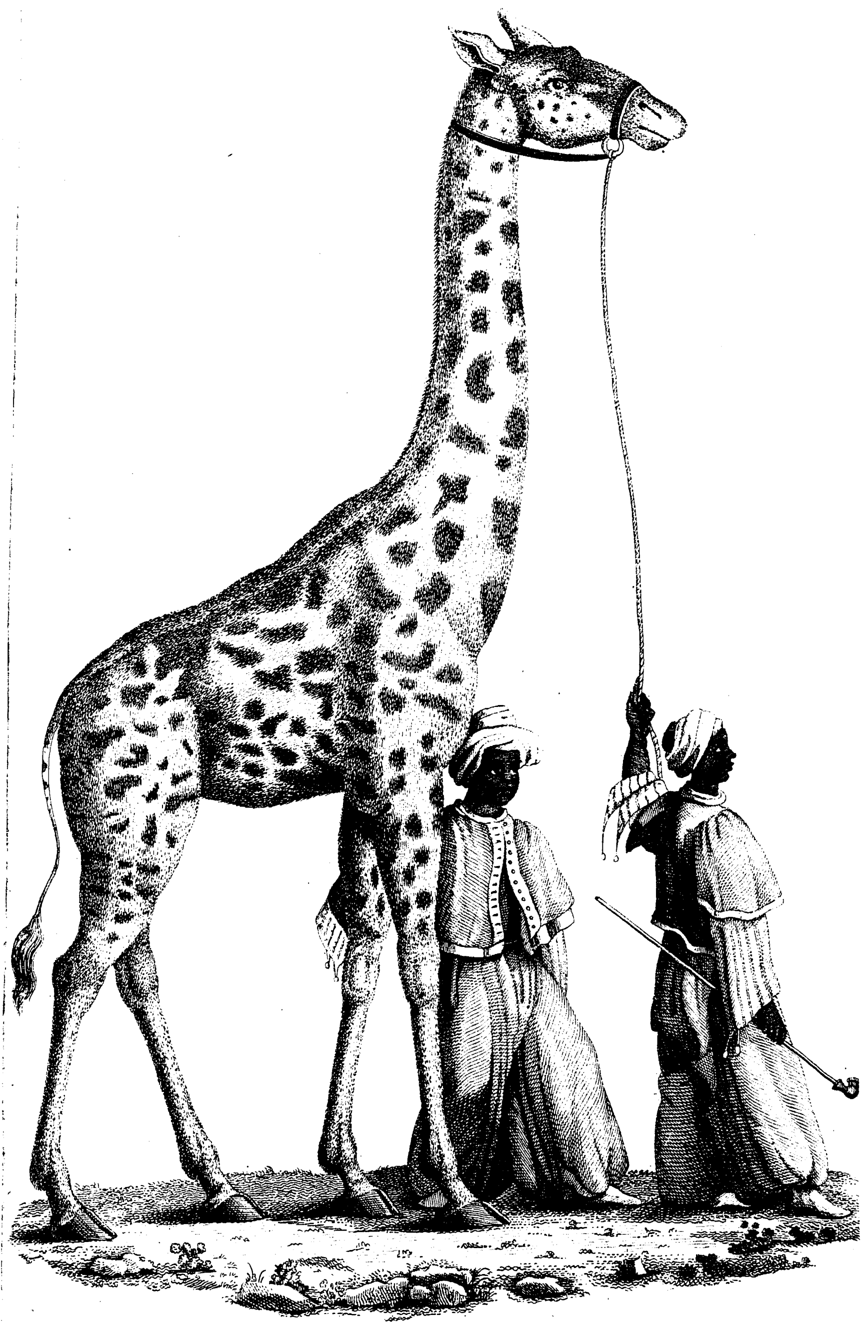
Смѣсь.

При семъ нумерѣ приложена картинка съ изображеніемъ Жираффы, или Камелопарда.

По случаю наступающихъ табельныхъ дней, Нумера 5й и 6й В. Е. *выданы будутъ вмѣстѣ послѣ праздниковъ.*

Печатано по опредѣленію Университетскаго Совѣта. Разсматривалъ *Ординарный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Василій Котельницкій.* **Положенное число екземпляровъ, куда слѣдуетъ, доставлено. 1828 Года Февраля 22 дня.**

Секретарь Совѣта *Орд. Пр. Павелъ Щелкинъ.*

КАМЕЛОПАРДЪ

приведенный въ Парижъ 1827 года въ Іюлѣ м.